

Путешествие между
вселенными

ФРАНК ШЕТЦИНГ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ТАКИ

18+

ОТ АВТОРА «СТАИ»

В переводе Татьяны Набатниковой

Станция: иные миры

Франк Шетцинг

Тирания бабочки

«Эвербук»

2018

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6-445

Шетцинг Ф.

Тирания бабочки / Ф. Шетцинг — «Эвербук», 2018 — (Станция: иные миры)

ISBN 978-5-0058-0988-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Калифорния, Сьерра-Невада. Лютер Опоку, шериф сонного местечка в горах Калифорнии, борется с мелкими преступлениями и постоянной нехваткой персонала. Но как-то утром телефонный звонок меняет всё. При загадочных обстоятельствах погибла женщина. Несчастный случай? Убийство? Расследование приводит Лютера в подземный исследовательский центр, управляемый могущественной корпорацией из Кремниевой долины. Оттуда Лютер выходит уже не в свой мир, а в очень похожий, но иной. Там его погибшая жена жива, там коллеги ждут его из отпуска, и главное там — не встретиться с самим собой. Вскоре окажется, что героям удастся заглянуть и в будущее этого мира, где тирания машин уступила место тирании новой природы...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6-445

ISBN 978-5-0058-0988-9

© Шетцинг Ф., 2018

© Эвербук, 2018

Содержание

Часть первая. Враги	7
Часть вторая. Сьерра	15
Часть третья. Мертвые	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Франк Шетцинг

Тирания бабочки

Сабине.

Моя стая. Моя бабочка. Мое все.

*Первая сверхразумная машина – последнее изобретение, какое
суждено сделать человеку.*

Из Ирвинга Джона Гуда

FRANK SCHÄTZING
DIE TYRANNEI DES SCHMETTERLINGS

Die Tyrannei des Schmetterlings by Frank Schätzing

© 2018, Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne/Germany

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй», 2026

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

Часть первая. Враги

Африка.

Раскисшее время.

С апреля по октябрь воздух разжижается. Над горами нависают, словно черно-синие планеты, дождевые тучи и влекутся в сторону саванны, оживленные таинственными вспышками. Духи ветра несутся по желтому постатомарному небу предвестниками близкого Потопа. Набрякшие планеты грузно надвигаются, заглатывают взгляды и горизонты, вбирают в себя день, сплавляясь в черноту, единую и всеобъемлющую.

Грозный рык раскатывается по тучам. Он несется с востока на запад, словно титанические существа передают друг другу приказания с той стороны, может, от самого Нхиалика, бога-создателя, на сей раз в образе Денга. Единый сигнал к началу промывания мира, но первый выплеск мало что дает. Спекшаяся до трещин земля, кажется, неспособна проглотить эти капли. Они – толстые, дрожащие – катаются в пыли, внезапно лопаются, оставляя на глинистой корке пятна, бледнеющие на глазах. Жалкая дрожь на фоне импозантной грозовой кулисы, и этот краткий ливень обрывается внезапно, как и начался.

Замирает малейший звук. И возникает тишина, как перед полным погашением.

* * *

Обрушивается океан.

Грунтовые дороги за минуты превращаются в расщелины, будто земля полопалась и выворачивается наизнанку. Тонны вязкой красной глины вспучиваются, пузырятся под градом. По лугам и загонам для скота разливаются озера, безбрежные, бурлящие фонтанчиками взрывов. То, что было твердым ландшафтом, становится островом. В этой стихии ярится Маскардит, Великий Черный, несущий плодородие и смерть – никогда не бывает одно без другого. Неистово живой, поток стремится и прорывается сквозь дебри и сухостой, увлекая за собой обломки и обрывки. Являя собой распад, старый мир смывается прочь, все привычные структуры разрушаются, всякая уверенность стирается с лица земли – до момента спонтанного нового порядка.

Иногда льет, не переставая, несколько дней подряд.

Потом внезапно образуется разрыв в капающем вареве туч, как теперь, и проступает безупречная синева неба. Синева такой интенсивности и глубины, что мужчины посреди потока грязи невольно вбирают головы в плечи и крепче сжимают в руках винтовки Heckler & Koch,

словно боясь, что синева их всосет в свои зияющие потусторонние пространства. В царство Нхиалика.

Нхиалик отверг людей после того, как первородная богиня Абук отделила небо от земли и уполномочила низшие божества управлять участью народа динка – можно даже сказать, она подорвала власть верховного бога, обокрав его, чтобы дать людям больше, чем им полагалось. Тем самым она его осрамила, и Нхиалик, обиженный, устранился, но в образе бога радуги Денга все еще показывается, всем на благо и на погибель. История, в которую можно и поверить.

* * *

Майор Джошуа Агок придерживается англиканской веры и поклоняется Иисусу, что в западноевропейском и американском понимании означает острую безработицу для языческих богов, однако народу динка чужд этот христианский монотеизм «или-или». Миссионеры, которые больше полутора веков гибли на Белом Ниле от эпидемий, позднее католические служители из Вероны и британские англиканцы, а под конец и посланники американской Пресвитерианской церкви – все они так и не усвоили, что можно верить в Иисуса и без затруднения встроить его в семейный портрет низких божеств и почитаемых предков. А старые-то были всегда. Пусть они поглядывали на новоявленного кто недоверчиво, кто дружелюбно, а кто просто не препятствовал ему действовать, но не уходить же из-за него совсем? Разве старая корова исчезает, когда прикупаешь себе новую?

Агок оторвал взгляд от синего купола. «Мы запутались в мифах, – думал он. – А почему? Потому что больше не можем верить самим себе. Но верить во что-то надо. В Библии написано много хорошего, и кто бы возражал, что природа оживотворяется духами, души умерших действуют в ней так, что действительно все сотворенное является материальным выражением мира духов, которые таким образом подстраиваются под наше измерение. Только разум нам дается, чтобы мы его использовали для окончания этой пагубной гражданской войны. Иначе все было бы напрасно. Сколько мы страдали, сколько страданий причинили другим, чтобы воплотить наши представления о свободе! Именно эти представления теперь и есть проблема».

Агок оглянулся. Создания из глины, блестящие глаза на чумазых лицах. Как будто сама земля поднялась. Легенда о Големе – вот что он поневоле вспоминает, когда озирает свое маленькое войско. Сто двадцать големов, вооруженных до зубов. Исчезающе мало по сравнению с ополчением Олони, которое контролирует местность, однако это лучшие, каких можно было найти. Народ, в руки которого дали оружие, чтобы сражаться за независимость, не станет действующей армией только оттого, что их очертили кругом и назвали все это государством. Но эти ребята действительно молодцы. Агок сам их отбирал, каждого. С сосредоточенными лицами они засели в зарослях, в тени тамариндов и акаций. Пока солнце выдает свое раскаленное интермеццо, листва обеспечивает им защиту, но от дождя она не может их укрыть. Во время извержения туч не имеет значения, где ты находишься. Сырость настагает тебя со всех сторон, соответственно, они промокли до костей, и красная глина делает все, чтобы придать им вид орды духов земли, затаившихся в засаде. «Короткая передышка, – думает Агок. – Незапланированная, но желанная». А после они выйдут из леса и двинутся в наступление на позиции Олони. Момент, которого с нетерпением ждали с тех пор, как вертолет высадил их два дня назад здесь, на чужбине.

Пешком они пробрались сюда по заросшему кустами лесу. В стороне от глинистых дорог, так и так непроходимых в это время года. Высоко наверху, в пограничной области на севере дождь изолировал людей полностью. Селения и отдельные дворы в ближайшие месяцы будут недостижимы. Во всем-то государстве едва наберется пятьдесят километров асфальтированных дорог, которые служат главным образом тому, чтобы придать далекой столице

хоть чуточку городского вида. Когда шесть лет назад они праздновали там независимость, шумная окруженная хижинами торговая площадь с беспорядочно разбросанными кубиками строений вдруг стала горячей точкой. Родился город, и каждому хотелось сыграть роль повитухи. В отеле «Сахара Резорт», единственном презентабельном адресе на площади, теснились дипломаты, нефтяные магнаты, торговцы оружием, голубые каски, неправительственные организации и проповедники, в багаже которых были чертежи больниц, университетов, аэропортов, нефтепроводов и миссионерских отделений. Как по мановению волшебной руки, жалкий состав автомобилей за одну ночь был дополнен выставочным образцом японского внедорожника со спутниковой антенной. Все казалось возможным. Одна только нефть намывала бы в государственную кассу миллиарды долларов, и сотни миллионов на развитие лежали наготове в европейских фондах помощи. Отрыв от диктатур мусульманского севера, которые так долго эксплуатировали черный африканский юг, не шевельнув даже пальцем для его жителей, был достигнут – после десятилетий кровавых разборок. Диктатор спешил безропотно подписать мирный договор и обещал лучшие отношения с новой соседней страной. Он проедал все кредиты так, что пыль поднималась столбом из уголков его рта, в конце концов, на него уже был выдан международный ордер на арест за преступления против человечности, и тут полезно было изобразить из себя миротворца – для разнообразия. «Какой шанс нам открывался! – думает Агок. – И потом мы его провалили».

* * *

Он выглядывает из-за ствола акации, которая дает ему прикрытие. Перед ними простирается саванна. Скучный орнамент из кустарника и стоящих поодиночке деревьев перебивается круглыми хижинами, крытыми соломой, которые служили кочевым пастухам укрытием в дождливые месяцы. Еще в прошлый месяц здесь все выглядело как на Марсе, теперь же напитанная влагой почва покрывается ковром яркой зелени, верхушки деревьев на глазах обрастают листьями, бутоны взрываются великолепием красок – причудливое и шутивное подражание Творению. Накатывает запах свежего дождя. Над горами скапливаются новые громады туч, гоня перед собою птичьи стаи.

Агок наслаждается этим моментом, в котором воздух такой чистоты, какой никогда не бывает в засушливое время. Он проникает в легкие, почти причиняя боль. Агок смотрит, как из долины поднимаются первые клубы тумана, а лес вокруг окутывается паром. Полуденное солнце жжется из зенита, вызывая бурный танец молекул, отнимая почвенную воду, которой небо едва успело ее накачать. Жара испарения огромна. Скоро саванна будет выглядеть как утопленная, и тогда Агок и его люди станут фантомами. Дождь и пар их прикроет. Их единственный шанс на открытом пространстве.

Оно пока что отделяет их от назначения. Пять километров до города, который удерживают бойцы Олони, этой агломерации барачных и контейнерных на краю огромного комплекса нефтедобычи, приделанного к равнине, словно трансплантированного из другого мира. Река, которую им придется пересечь на пути туда, сделалась шире в несколько раз, поросший лесом берег закрывает от взгляда нефтяное поле на той стороне. Все, что Агок видит, – это разбредшие стада и одиночные дикие животные, которые в ожидании очередного ливня направляются к группам деревьев: несколько антилоп, слоновья пара с потомством уютно устроились в тени баобаба и царапают своими бивнями его кору.

Из тех нескольких спутниковых снимков, которые им предоставил американец, они, к примеру, знают, как распределил своих людей военачальник. Как раз достаточно информации, чтобы обойти этих типов стороной. Открыто с ними воевать было бы чистым самоубийством, с таким же успехом они могли бы привязать здесь друг друга к деревьям и принять куда более милосердную смерть. Даже на вкус хладнокровных наемников Олони – черт, люди которого

нападают на местность, насилюют женщин, мучают их и калечат, их детей бросают в горящие дома, а старших угоняют в военные лагеря. Там их учат презирать всё и каждого, заставляют есть человечину, насиловать, отрубать конечности. Кто не погибнет от всего этого, будет вознагражден ружьем и послан в бой. Тысячи детей с начала гражданской войны исчезли и снова появились в качестве несчастных убийц с обеих сторон.

«Мы должны положить этому конец, – думает Агок. – Как мы только могли так одичать?»

* * *

Звуки тамтама к колокольному звону, гудки автомобилей, всюду музыка. На улицах пускаются в пляс и выкрикивают имя первого свободно избранного президента, харизматика, хитрюги, обученного и цивилизованного. Ковбойскую шляпу, подаренную ему лично самим Джорджем Бушем—младшим, он носит как свой второй череп. Уличные фонари украшены новыми национальными флагами, фасадов не видно под плакатами правящей партии, которая только что была революционной армией. Пластиковые цветы окаймляют дорогу к аэропорту, куда ежечасно прибывают гости: представители Китая, Евросоюза, Америки, Африканского союза, Арабской лиги. О своем визите объявили тридцать глав государств, Пан Ги Мун выходит из своей машины и смеется в камеры. В центре площади с круговым движением высится стела, выкрашенная в черный цвет и увенчанная световой надписью: «Нас сообща угнетали, теперь мы сообща свободны. Радостной независимости для всех!»

Никогда Агоку не забыть тот день. «Радостная независимость, – с горечью думает он. – Восстание! Такое чудесное, такое большое слово. Или собака, спущенная с цепи. В Африке кроется шифр для списания всех долгов. Один пинок – и открываются ворота в будущее, а нам удалось при проходе через них попасть в мрачное прошлое. В головах варится грехопадение. Речь идет об ущемленной гордости и краже скота, о пастбищных землях, о пешеходных тропах, обветшавших мифах. У Нхиалика было два сына, Динка и Нуер. Обоим он обещал по подарку. Динка должен был получить старую корову, а Нуер – теленка. В следующую ночь пошел Динка в хлев и потребовал теленка голосом Нуера, и тот ему без промедления был вручен. Когда Нхиалик увидел, что попался на удочку своему мастурбирующему отпрыску, его охватило божественное удивление. „Пусть Нуер, – распорядился он, – крадет у Динки скотину до скончания века, а из-за такого безобразия мы схватим друг друга за горло!“ Старый вопрос, кто первый начал. Никто, вот где собака зарыта. В нашем смутном воспоминании мы все были только жертвами».

* * *

Влепив Олони нагоняй, гражданскую войну не закончишь. Он мясник среди многих, однако успешное наступление просигнализировало бы: может, мы и не выиграем, но и вы тоже нет. Итак, помириться же наконец!

Люди Агока – саботажники. Обученные военными стратегами США, которые им показали, как просочиться в систему и изнутри привести ее к обрушению. Взрывчаткой, отравлением колодез, дезинформацией. Оружием только потом, когда уже будет неотвратимо, то есть когда они пустят в ход все, чтобы избежать прямой конфронтации. И конечно, они знают, что к этому все равно и придут и что их перспектива пережить бой отнюдь не радужная.

Но есть один шанс. В любом случае шанс нанести изрядный вред.

Агок терпеливо смотрит, как сгущаются тучи. Его люди теперь сплотились вокруг него – окрашенный красным организм, который синхронно дышит, дрожит и выжидает. При каждом движении лопаются маленькие корочки на их обмундировании там, где солнце подсушило грязь. Судя по всему, они сидят в грязи, действительно плавают в нефти. Весь юг плавает в

нефти. Стоит на железной руде, на алмазах, на золоте и серебре. Почти чудо, что правительство юного государства вообще продержалось год, пока вице-президент, этот Нуер, не устроил путч. С тех пор половина армии воюет на стороне президента – а он динка, – а другая половина на противоположной стороне. Союзническая верность подвержена колебаниям, рядом с которыми местный прогноз погоды выглядит как железный завет Бога. Олони, например: до недавнего времени еще преданный правительству генерал вооруженных сил, однако преданность ежечасно поворачивается по-новому. Теперь он борется за предавшего вице. Но, может, лишь за себя самого.

«Мы все вышли из зарослей, – думает Агок, – не представляю, что нас отличает от нашего мучителя. Теперь, по крайней мере, мы знаем это. Ничего не отличает. Мы принесли человеческие жертвы за независимость, чтобы узнать, что у нас нет никаких общих ценностей. Потому что союзы формируются из племен, которые исторически пребывают в длительных распрях. Этот континент порождает революции с такой же неизбежностью, как солнце производит тень, как будто мы могли развить чувство самооценности только в вечной оппозиции, и никогда ничто не будет ощутимо лучше. Ну-ну. Разве что для тех, кто поставляет нам оружие. Сует деньги. Способствует смене власти за право бурения и лицензии. Революция и коррупция идут по кругу. Несколько поколений назад нас поработили, теперь мы поработаем сами себя и делаем друг другу еще хуже, чем нам делали чужие поработители. Никакой ливень не сможет вымыть из земли те потоки крови, которую пролили туда в своей междоусобице Динка и Нуер. Но, может, сегодня мы выиграем небольшой бой, чтобы покончить с большим».

Он подал знак своим людям.

* * *

Пригнувшись, с ружьями на изготовку, они выступили из укрытия леса на равнину.

Над ними по краю гремучего водного фронта, в котором теперь виднелись вялые всполохи, катилось солнце. Его лучи въедались в угрожающую черноту, как будто имели силу разрушить ее. В последней демонстрации своей мощи оно подняло завесу испарений выше и сомкнуло ее над головами солдат. В туманном мареве неистово играл его свет, мерцание и блеск, а потом огромная туча заглотила его с банальной небрежностью, устранив из мира все краски.

Моментально похолодало. Дымка стала плотнее. Саванна превратилась в вырезанную ножницами кулису, диораму множества наложенных друг на друга слоев. Оттенки серого создали театральную глубину. Антилопы, бегущие по левому краю поля зрения под деревьями, белоухие кобы с характерным окрасом рогов, стали лишь эскизами, одними очертаниями, без наполнения. В дымной «прачечной» трудно оценить расстояния, но Агок знал эту местность. Недалеко отсюда он вырос – одна из причин, почему он командует отрядом. Дорожные приметы ему знакомы, прежде всего колоссальные баобабы, хлебные деревья обезьян. С широкими стволами и разлапистыми ветками, их можно принять за вылезших из земли спрутов, от окостенелых щупалец которых отрастают щупальца поменьше и отростки совсем мелкие. На некоторых недавно появились листья, от этого деревья стали больше походить на себя и меньше на чужеродного кракена, однако впечатление причудливости оставалось. Сам черт, гласит легенда, посадил баобаб, причем корнями вверх. Почему? Потому что черт так и делает.

Агок скривил рот. Единственно чертовским в баобабе было свойство его цветов источать интенсивную трупную вонь. Ее любят летучие собаки, которые ночами слетаются сюда стаями для опыления.

Он проверил на своем ремне оснастку: нож, фляжка с водой, боеприпас. Поле солдат расходилось, об этом они договорились заранее. Каждый использовал ближайшее укрытие. Пробежать немного вперед и замереть в простреливаемой траве, за кустом, у подножия ака-

ции. Пригнувшись, сделать еще одну перебежку. Несмотря на тяжести, которые они несли с собой: взрывчатку и запал, гранаты, провиант, – они двигались с бесшумной элегантностью. Над ними громоздились и ворочались апокалиптические тучи, извивались в судорогах, провисали, вздрагивая от электрических вспышек.

Застучали по равнине первые капли. Стремительно упала видимость. Агок различил вдали силуэты слоновьего семейства, потом и они растворились в дымке. Мужчины быстро продвигались вперед. Еще несколько сотен метров – и начнется мягкий подъем, чтобы тут же снова опуститься к реке. На холме сплеталась густые высокие заросли. Агок не сомневался, что подразделения Олони залегли в кустах на другом берегу, но, несмотря на огромную численность, они не могли быть одновременно всюду. Останутся и неохраняемые проходы. Пути для призраков, чтобы извернуться. Чтобы потом напасть на ополченцев сзади...

«Нет, – одернул он себя. – Пусть эта мысль и соблазнительная, мы будем действовать по плану, избегая прямого столкновения. Насколько возможно».

Дождь уплотнился, заштриховал парней справа и слева от Агока. Размазал ландшафт, людей, животных в монохромную акварель, в сливающиеся тени на сером теперь экране тумана. У подножия возвышенности обрисовался могучий баобаб, возрастом в тысячу лет, а то и больше. Титаническим жестом его корявые ветки обнимали облака, заполнявшие его чердак. Баобабы, эти живые резервуары, накапливают несметный запас воды на сухое время года. Потом приходят слоны, обламывают кору, пробивают глубокие дупла в стволе, чтобы добраться до водоносных волокон. Их разрушительная работа превращает баобабы в норы для жилья и детенышей других животных; как и в каждом существе, здесь гнездятся паразиты, прорывают свои туннели и ходы в чужой ткани и медленно пожирают своего хозяина изнутри.

Разумеется, Агоку был знаком и этот баобаб, ствол которого у основания был метров тринадцать в обхвате. Он направлялся к нему, тогда как дождь все плотнее перекрывал видимость, а почва затягивалась вязким, чавкающим слоем. Что-то заставило его остановиться.

* * *

Поток уже приобрел характер водопада. Он шумел у него в ушах и в мозгу, перекрывая все прочие шумы, однако посреди этого гула Агоку почудился – нет, ему не показалось – слабый крик. Скорее, начало крика, тотчас задушенного. Кричал человек. И кто-то – что-то – его задушило.

Он проморгался, вытер воду с глаз. Здесь водятся львы, но их нападения редки. И леопарды, и гиены бегают здесь, по саванне, охотятся на зебр, на буйволов и кобов, пытаются время от времени украсть молодняк из стада кочевников. Такие трагедии случаются, но в целом дикие звери все-таки держатся среди своих. Все остаются сыты – кроме людей, поскольку нескончаемые битвы не дают крестьянам посеять зерно. В одном из самых плодородных районов Африки голод приобрел исторические масштабы, но животные как-то выживают.

Где его люди?

Вот. По крайней мере несколько у него на глазах. Они то исчезают, то снова появляются. Один прошел прямо перед ним, расплываясь, как чернильное пятно, на фоне распростертой массы баобаба. И исчез. Просто так, с глухим чавканьем, как будто разорвалось что-то мягкое и сырое.

Агок развернулся, следуя древнему импульсу защититься от возможной угрозы сзади и оценить расстояние до возможного преследователя, а человек был уже прямо перед ним...

Что? Нападение?

Адреналин так и брызнул в его мускулы. Ствол мозга стремительно выдал ему череду решений, целый эволюционный каталог. Агок мог гордиться своими рефлексам. В любой знакомой ситуации он действовал бы целеустремленно, вот только не просматривалось здесь

никакой цели – если вообще что-то требовало реакции. Или он стрессует из-за обмана органов чувств?

Что именно вызвало его тревогу? Совсем ничего. Крик? То был попугай ара. Мужчина перед ним? Тот упал. Сейчас вскочит и побежит дальше, согласно стратегии, которую Агок влил своим парням в мозги.

Он ждет.

Никто не вскочил.

Зато из тумана донесся новый крик, протяжный и едва терпимый. Выражение крайнего ужаса взвинтилось до пронзительного крика перед тем, как резко оборваться. В тот же момент интенсивность дождя ослабла, и Агок смог это услышать.

Он слышит это совсем отчетливо – другой шум.

В накатывающем страхе, мучительно стыдном для дистанцированной части его самого, он пускается бежать в сторону баобаба, поскользывается и вытягивается во весь рост в грязи. Удар падения вышибает воздух из его легких. Он пытается подняться, но не на что опереться. На секунды у Агока возникает ужасное чувство, что разбухшая почва, словно голодное слепое существо, ползет по нему вверх, впивается липкими конечностями в его тело и затягивает его глубже в свое увлажненное дождем нутро. Потом ему удается подняться на ноги, и он, спотыкаясь, бредет в сторону баобаба и лежащей позади него кромки леса. Догадки шепчут в его голове, спорят, какое место было бы для него сейчас безопаснее – непроходимые заросли на гребне, нет, лучше вырубленное слонами дупло в баобабе, хотя он окажется здесь в ловушке, но, судя по всему, здесь теперь все стало ловушкой, в то время как этот шум...

Это не просто какой-то шум. Это сумма многотысячного явления – что-то вроде порхания, только не как у птиц, – другие, чужеродные колебания, незнакомые проявления – набухая...

Он побежал быстрее.

То, что здесь приближалось, надвигалось сквозь марево тумана с силой сдвигающейся границы, коротко раскрывшейся – словно по воле неземного режиссера, который хочет, чтобы Агок успел заглянуть за нее, – чтобы тут же снова сомкнуться, потому что его рассудок едва ли в состоянии переработать увиденное и он, вероятно, сойдет от этого с ума. Крики его парней теперь доносятся со всех сторон. Агок слышит, что они умирают, снова теряет опору и в падении замечает, как валы тумана расходятся и становится видна листовенная крона баобаба. Наружное плетение пронизано коконами, искусными предметами невероятно тонкого плетения, в которое их конструктор включил и листья. Это ткачи-муравьи, которые сооружают свои гнезда в кустах и кронах деревьев. Каждый кокон содержит целый народ, собравшийся вокруг своей королевы. Иногда один народ нападает на другой, потом они пожирают своих соплеменников, и это показалось Агоку в полупадении символизацией его собственного истязющего себя народа – с той разницей, что холодный интеллект муравьев знает победителей, а континент, на котором ему не повезло родиться, лишь неудачник.

Он удержался на ногах, учащенно дышит. Пошатываясь, идет к стволу, который с каждым его шагом будто отходит в сторону. Какая-то издевательская игра в прятки. Гниющая растительная слякоть выделяет опиаты удушающей сладости, запах падали баобаба окатывает его сверху. Он галлюцинирует, а может, просто свихнулся от страха. Природа и ее явления знакомы ему с детских дней, что же выбило его из колеи? Что еще это может означать, как не прорыв неведомого, лишённого всякой соотнесенности, и отсутствие всего того, что когда-либо могло отразиться в мире его опыта, так что осталось лишь чувство полного бессилия? Наконец, его пальцы коснулись зазубренной коры, и он повернулся, поправил свою винтовку Neckler & Koch, двигая ее то туда, то сюда. По завихрениям тумана металась тени, безымянные предметы, которые меняли свои позиции быстрее, чем мог уловить глаз. Воздух вибрировал от выстрелов и криков. Он вслепую выстрелил в дождь, опустошил свой магазин, схватился

за новый, выронил, упал на колени и, как безумный, шарил среди корней баобаба. Крохотные ножки и щупальца прошлись по его пальцам. Ощупали, деловито пробежались по нему. Во влажных углублениях кишело и шевелилось. На краю поля его зрения, казалось, движется что-то большое. Когда он глянул туда, там не оказалось ничего, но в его представлении было все.

Гниение и жизнь – это единое. Почва дышит, бронированные войска следуют планам, которые можно разгадать: среди листьев, сорванных бурей, поблескивают тела жучков, поедающих падаль, самки богомола подстерегают добычу, неподвижно застыв. «Они останутся на том же месте, если мы истребим друг друга, – думает Агок. – И никакого времени не пройдет. Дождь смывает всякое время. Мое существование станет меньше, чем было одно мгновение».

Что-то ударило рядом с ним в ствол дерева. Он повернул голову. Смотрит на этот предмет, и тот, вероятно, смотрит на него в свою очередь. Если это глаза. Точно нельзя сказать. Никогда прежде он не видел ничего подобного.

Эти штуки повсюду.

Костяшки его пальцев напряглись. Он стиснул ружье, как будто оно было перилами, единственным оставшимся барьером между ним и пропастью, которая зияла перед ним. С упорством автоматического радиомаяка его рассудок посылал сигналы: сгруппируйся; прикрой голову локтями; попытайся проникнуть в дупло. Но он слишком растерян, чтобы отвести взгляд.

Поднимает руку, чтобы смахнуть с дерева эту штуку.

Она прыгает на него.

Агок вскрикивает, когда она вцепляется в его нос и моментально скользит по скулам. В панике он пытается стянуть это со своего лица. Оно растопырилось над его левой глазной впадиной, вырвало глазное яблоко и стало пробиваться в его череп. Обезумев от боли и ужаса, Агок зашатался, ноги его задрожали, он опрокинулся навзничь в гнилое дупло баобаба.

Последнее, что он осознал, была волна раскаленной муки, когда следующие штуки налипли на его тело и принялись пожирать его.

Часть вторая. Сьерра

Над ущельем парил кровавый ангел. Милях в пяти после каньона Флюм-Крик, там, где скалистые стены обрываются отвесно и река Северная Юба глубоко вгрызается в голый камень, прежде чем череда тесно следующих один за другим каскадов быстрины превратит ее в то чудище, которое отовсюду приманивает к себе каноистов, любителей скачки по бурным водам, этот ангел явился со своими растрепанными крыльями паре туристов из Бакерсфелда, и пара от испуга перевернулась.

«Явления небесных существ причиняют вред безопасности движения, – думает Лютер Опоку. – Только представь себе, в наши дни летит такой над водами. Хороший денежный штраф ему».

С высокого наблюдательного пункта Лютеру не так хорошо видно мертвую, как от реки в сорока метрах ниже. Причина в том, что при падении на дерево, растущее из стены на половине высоты, она проломилась сквозь все ветви, а потом застряла в нижних ветках так, что кажется парящей над течением реки с распростертыми руками и ногами. Ветки поранили ее до крови и сорвали с нее блузу, обрывки которой над плечами задрапировали листву и реют по ветру. С некоторой фантазией можно опознать этот бессильный трепет как обреченную на поражение попытку освободиться.

Освобождение теперь возьмут на себя другие. Освобождение тела, если быть точным. Дух мог уже несколько часов назад освободиться из своих земных пут.

Лютер раздвинул ветки и посмотрел вниз. Край обрыва порос кустарником высотой по грудь: калифорнийский лавр и немного кермеса дубового. Сквозь щели барьера ему видны мужчины из добровольной горноспасательной службы, как они – подстрахованные канатами – высвобождают труп из веток и натренированными движениями прищвартовывают, чтобы не уронить его в реку. Он слышит аккорд ломающихся веток, скрип грузоподъемных роликов.

«Сосна-лисохвост, – думает Лютер. – Иглы острые, как стилет. Нанизанный ангел».

Рут Ундервуд присела рядом с ним на корточки. Ее светло-рыжая грива, из-за которой она выглядит со спины как мать всех California Girls в наркотическом опьянении Брайана Уилсона, становится тусклой, когда она погружает ее в тень, которую солнечный свет еще не успел прогнать. День обещает быть безоблачным. В скором времени тени уплывут и заберут с собой свои тайны, призрачные изображения трагедии, сотканые из лунного света. Иногда, когда Лютер один бродит по лесам, он мог бы поклясться, что во вздохах ветра и многоголо-

сом шепоте листвы, во всех заговорщицки маленьких звуках, которые все вместе и создают тишину, слышит эхо из времени, когда громоздились древние стихии колоссальных гранитных блоков по имени Сьерра-Невада, и в калейдоскопической игре света на лесной почве мертвые обретают облик.

– Трудно поверить, – говорит Рут и поднимает свежесломанную ветку. – Въехала в чащу, не затормозив.

Взгляд Лютера останавливается на противоположном холме. Ели кажутся тайным обществом. Стоят вплотную, насколько хватает глаз, увенчанные пастельными скалами Сьерра-Бьюттс, зубцами далекой гигантской короны.

– И кто же побежит в темноте к крутому обрыву? – сказал он больше самому себе.

– Тот, кому не сказали, что он тут есть...

Рукоять служебного оружия уперлась под ребра Рут, когда она наклонилась вперед и выглянула в просвет, который образовался в кустах.

– Здесь были двое, это точно.

Ее униформа зеленая, как мох, на котором она сидит. Через несколько недель, когда жители округа Сьерра выберут Лютера Опоку своим новым шерифом, Рут займет его теперешнюю должность помшерифа. Ранг «заместителя командира» драматически теряет благозвучие перед лицом того факта, что командовать и ей, и Лютеру тут было почти нечем. Отдел не насчитывал и десяти сотрудников, даже если добавить к ним Кимми. Та работала делопроизводителем полдня и, строго говоря, не была настоящим помощником, то есть их было девять с половиной, ответственных за три с половиной тысячи жителей, рассеянных по местности, которые всегда найдут причину прибегнуть к закону, нагнув его или нарушив. И это не считая круглогодично присутствующей толпы туристов, проезжих и нелегальных иммигрантов, которые разводят марихуану у речушек где-нибудь на отшибе.

Они здесь лишь периферийный отдел, со всеми приметамии государственного пренебрежения. Орган власти округа, в котором только и могло возникнуть понятие периферии, оснащенный допотопными компьютерами и патрульными машинами, которые не выдержали бы и минуты в *The Fast and the Furious*¹ и половину времени нуждались в неотложном ремонте. Ввиду их ограниченной численности это чистая роскошь, что они смогли здесь очутиться сразу вдвоем. На месте преступления, которое, может, было всего лишь несчастным случаем, но с другой стороны, с чего бы кому-то плутать темной ночью по дебрям, где и днем-то надо внимательно под ноги смотреть? И какое отношение к этому имеет внедорожник, который чуть выше застрял в ветвях дугласии? Выше проходит скоростная дорога «Золотая цепь», основательная федеральная трасса, которая начинается у границы Невады и петляет вниз почти на три сотни миль до Окхерста. На многих участках она примыкает к руслу Юбы и лишь изредка отклоняется – словно в попытке сотворить из воздуха самостоятельный образ. В таких местах от нее ответвляются грунтовые дороги, ведущие вдоль реки; они заканчиваются чаще всего у рыбацкого домика и хозяйственного сарая или возвращаются к главной дороге.

О чем думал водитель, на высокой скорости сворачивая на неосвещенную крутую лесную дорогу, к тому же над обрывом? И где теперь водитель? Или водительница? Внизу, в ветках сосны? Она была пьяна? Или под кайфом? Голова в тумане от травы, которая была легализована в Калифорнии в середине девяностых для медицинских целей – с тем эффектом, что вдруг множество людей почувствовали проблемы со здоровьем и побежали к врачу. Вдоль побережья от Венис-бич до Сан-Франциско кучно практикуют тысячи знахарей, которые за сорок долларов диагностируют тебе жалкое недомогание и выдадут справку, по предъявлении

¹ *The Fast and the Furious* (англ.) – американская медиафраншиза, первый фильм которой вышел в 2001 году. В российском прокате – «Форсаж».

которой тебя обеспечат необходимым. Калифорния купается в Green Rush², как будто никогда не существовало другого целебного средства. В обороте находится такое количество легального каннабиса, что в растерянности ищешь дополнительную планету, пригодную под плантации. Но так далеко заглядывать не надо, достаточно глянуть на окраины. В Центральную долину, в национальные парки, в провинции Сьерра-Невады, где на подхвате у легальной торговли пышно цветет нелегальное разведение. Вот с этим и приходилось тут воевать: девять с половиной защитников закона против длинной руки организованной торговли наркотиками. Ни люди из УБН³, ни ФБР не рвались мчаться на помощь при каждом случае нелегального разведения, если в деле не были замешаны несомненно вооруженные банды. Проблему «несомненности» часто разрешала лишь дырка во лбу.

Лютер присел на корточки рядом с Рут, которая фотографировала кусты и почву под разными углами. С момента прибытия сюда она не выпускала камеру из рук.

– Следы борьбы? – спросил он.

– Трудно сказать. – Она вытерла нос рукавом. – При борьбе земля была бы изрыта сильнее. А это здесь может происходить и от нашего падшего ангела.

Почва под поврежденными ветками была очень рыхлой. Вот следы человека, который так стремительно нарвался на преграду из кустов, что проломил ее.

– Тогда у нас есть еще и *он*.

Грубый след отпечатался в одной борозде. Оттиск рабочего ботинка с глубоким профилем, мужского размера. Каждая деталь отчетливо видна на влажной почве. Оттиск что надо, того сорта, что следопыты выпили бы шампанского.

– Но выглядит так, будто он просто постоял здесь, – сказал Лютер.

– Да, и поглазел вниз.

– Его след лежит поверх ее. Она была на краю раньше него.

– Не обязательно. Он мог ее здесь поджидать.

– И потом?

– Давал ей уроки полета. – Она сфотографировала след подошвы. – Я имею в виду, он мог при этом наступить на ее след, разве нет?

Лютер пожевал свою щеку.

– От этого мало проку, Рут. Если ты разбежался как следует, эти заросли расступятся перед тобой, как Красное море, но вот чтобы протолкнуть сквозь них кого-то? Это превратилось бы в схватку. А, как ты сама говоришь...

– Схватки не было.

– Кроме того, кусты не настолько высокие.

– Высота в глазах смотрящего. – Она встала и отряхнула грязь со своих латексных перчаток. – В тебе росту метр девяносто, Лютер.

– Судя по ботинку, мужчина тоже был немаленький.

– К чему ты клонишь?

– Ну, давай, если бы я попытался сбросить тебя вниз, что бы я сделал?

– Это было бы последним твоим поступком.

«Да уж тебя бы я скинул», – подумал он.

Рут проверила заряд батареи камеры. Вышла на свет, и ее рыжие волосы опять загорелись. Форменная рубашка натянулась на ее худых плечах, в треугольном распахе ворота под мириадами веснушек обозначились ключицы и начала ребер. Все в ней казалось своеобразно сырым и исходным, как будто она – лишь подложка для более проработанной серийной модели, которая потом оживится рекламной паузой и вечерним сериалом, хотя так и останется без

² Дословно «зеленый побег» (*англ.*), обозначение индустрии марихуаны в США и Канаде.

³ Управление по борьбе с наркотиками (*англ.* DEA).

окончательной полировки. Пять лет назад она примкнула к команде Лютера, точнее говоря, к команде Карла Мара, должностного шерифа, а работала под руководством Лютера. Ей было тогда сорок один, и в ее чертах уже была та жесткость, какая часто бывает у людей, которым так долго не доставалось чего-то важного, что они уже сами начали себе в нем отказывать.

Лютер размышлял.

– А он мог увидеть ее на том дереве?

– Отсюда сверху? – Она отрицательно помотала головой. – Мы сами-то ее почти не видим.

Место в ложе обеспечено только тому, кто стоит внизу у реки. Да к тому же ночью? Никаких шансов.

– А если бы он посветил на ветки?

– Да, вот только прожектор, который достает до Бэтмена, находится в Голливуде.

Он должен был признать ее правоту. Силы света обычного карманного фонаря не хватило бы, чтобы добить до нижних ветвей сосны и различить там женщину. Даже теперь белизна ее блузы лишь изредка проглядывала сквозь ветви.

– Так что в лучшем случае он мог лишь предполагать, где она была.

– По крайней мере, ему, кажется, не пришлось в голову позвать на помощь.

– Да. Он хотел совсем другого.

Зрачки Рут расширились в ожидании:

– И чего именно?

По лесной дороге приближались стук и потрескивание. Камешки, ветки и отмершие сосновые иголки перемалывались и вдавливались в сырую землю. В просветы между тесно растущими деревьями Лютер увидел машину скорой помощи. Она подкатила и остановилась. С заднего сиденья выбралась седая женщина и сунула в руки одному из двоих санитаров абсурдно большой врачебный чемодан.

– Они в своем уме? – сказал он, нахмутив брови. – Почему они не припарковались наверху, на шоссе?

– Потому что мы еще не перекрыли подъезд.

– А почему...

Остаток вопроса он проглотил. «Почему...» Да потому что их слишком мало, на все не хватает.

– Лютер? Эй! Я спрашиваю, чего именно?

– Что «чего именно»?

– Чего он хотел, когда не позвал на помощь?

Лютер оторвал взгляд от санитарной машины и глубоко вздохнул. Если они только что уничтожили следы на лесной дороге, этого уже не изменишь.

– Удостовериться, я думаю. Что она мертвая.

Он медленно двинулся вверх по склону. Толстый ковер из хвойных игл и истлевших листьев смягчал его шаги. Под шатром листвы пахло дождем прошедшей ночи, озоном и эфирными маслами. Кусты шпалерника, дикие цветы и папоротник росли среди камней и обломков, низкорослый лавр и орешник создавали непроходимую путаницу. Надо было сильно приглядеться, чтобы различить сломанные ветки и проследить путь «ангела» – от машины, которая застряла перед дугласией. Перед ними открывалась площадка, усеянная округлыми белыми камнями. Хорошо виднелись борозды в грязи, мелкие канавки, в которых все еще стояла вода.

– Она бежала, Лютер. Всю дорогу вниз, до края.

Поскальзываясь, спотыкаясь, прыгая. Потерянная в каплющей черной дыре. Ее пятки вдавливались в землю и взрыхляли ее, когда она вслепую бежала к каньону. Она готова была сломать лодыжки, сорвать кожу с костей, чтобы в конце собственной прыжок унес ее в погибель в облаке обломков. Кусты так надежно скрывали затаившуюся за ними пропасть, что даже полная луна не смогла бы предостеречь ее от того, что ее ожидало. От пустоты.

Лютер представил себе, как она сорвалась в бездну. Ее смятение, вспышку паники. Шок от невозможности отмены фатального шага или, может, быстрым взмахом век – надежда, пляшущая искра, задушенная знанием, что это все-таки не сон. Ведь как только истек момент, когда ее ступни должны были коснуться почвы, обеспечив ей жизнь, ее возможности сгорели в стремительном падении. Ее крик взорвался между стенами каньона, пронизывая ночь, понесся над тьмой гор к океану и дальше поверх него, облетая земной шар, чтобы встретиться с самим собой...

– Лютер?

Он замер между бороздами. Еще больше следов, менее глубоких, зато с более четкими краями. Возможно, того мужчины, отпечаток следа которого они нашли на краю.

– Хочешь гипотезу наспех, мой шериф?

– Выкладывай.

– Допустим, оба сидели в машине...

– Поскандалили.

– Причем по-настоящему, – она кивнула, – с рукоприкладством и криками. Он или она въехали в дерево. Она выскочила, рванула вслепую в кусты, он...

– А что их вообще занесло на лесную дорогу?

– Для этого надо было знать, куда она ведет.

– Вот именно. – Лютер посмотрел на нее. – Было бы суперидеей разузнать это.

– И кто потом проследит, чтобы ты здесь не растоптал все окончательно? – Рут глядит на дорогу. – Где вообще был дорожный патруль?

Разделение обязанностей. Шериф расследует обстоятельства смерти, а дорожная полиция – события дорожно-транспортных происшествий.

Она подошла к краю каньона.

– А вы? Вы там внизу вообще шевелитесь?

– Осторожно, Рут! – Голос руководителя горно-спасательных работ был приглушен камнями и вместе с тем отражался от камней, из-за чего казался странно потусторонним. – Смотри, как бы нам и тебя не пришлось снимать с дерева.

– Поцелуй меня в зад, Декстер!

– Что ж, моя работа не знает границ. Дама готова к путешествию, окей? Мы поднимем ее вверх. А вы можете там ее подхватить.

* * *

Готова к путешествию...

Восемь лет назад, в другой жизни, другая дама, к которой тоже можно было отнести эти слова, покинула дом Лютера. Она уходила с чемоданом, а ведь всего за два часа перед тем хотела, чтобы ее встретили с радостью, когда она – позвонив, конечно, ради приличия в дверь – достала из сумочки свой ключ и вошла. Может быть, она надеялась, чтобы ее уговорили или еще каким-то образом убедили вообще не собирать этот чемодан, но Лютера там не оказалось. Гнев и обида, переплавленные в детское упрямство, погнали его в спецпатрулирование, хотя Карл Мара сам готов был взять эту поездку на себя, чтобы помшерифа смог урегулировать свои домашние дела. Лютер между тем считал, что тот, кто собирается вынести из общего дома упакованный чемодан, заслуживает полной меры его презрения, так что он – когда Джоди загружала багажник своего «чероки» – на другом конце округа улаживал случай домашнего насилия.

Теперь, когда «ангел» лежал на мху – так мягко туда уложенный, как будто была опасность, что он может проснуться и испугаться, – Лютер ощутил укол в сердце. Оно заболело, как будто кто-то задел в нем осколок и слегка повернул его. Горло у него сжалось, но потом

этот момент прошел. Привычка оказывает успокоительное действие. Боль возвращается, как комета, траектория которой растягивается на годы, что хотя и удлиняет интервалы между ее появлениями, но не оставляет надежды, что когда-то она улетит совсем. Ни прощения, ни избавления.

Лютер натянул свои латексные перчатки.

Глаза у нее янтарного цвета. Они могли быть имитацией стекла, так они смотрели мимо его головы. Дождь прилепил ее темно-каштановые волосы к голове, джинсы Boyfriend Cut, типаж Холли Берри. Изящная – было первое впечатление Лютера, когда его взгляд пробежался по ее простертому телу, тренированная – второе. Мускулистая даже – мелкие привлекательные мускулы. Превосходные пропорции, одно к одному, можно было бы проводить время с этим телом, которое поразительно напоминало тело Джоди. Почти облегчение, что губы, подбородок и скулы позволяли заключить о ее мексиканском происхождении. Ее возраст? Неизвестен. Где-то около тридцати. Слишком обезображивающие царапины и ссадины, которые могли быть получены во время бега. Он пытался их прочесть – видел, как ветки стегали ее и колючки вонзались в кожу. Серьезными повреждениями она обязана, вероятно, сосне-лисохвосту, на которую упала. Ветки нанесли ей зияющие рваные раны, в которых уже обосновались мухи и крошечные личинки, усердно продолжая дело, начатое бактериями несколько часов назад. Зеленые стилеты проткнули ее плоть, по лбу и щекам тянулись тонкие разрезы, обильно кровоточившие и покрывшие ее лицо ржавой маской, из которой неестественно светились глаза. Трупные пятна и синяки переходили одно в другое, левая нога – вероятно, сломанная... Нет, совершенно точно сломанная.

Но отчего же она умерла?

Лютер полез в карманы ее джинсов, приподнял ее бедра и обследовал задние карманы. Смертное окоченение пока что ограничивалось веками и лицевыми мускулами, а тело еще оставалось послушным. В карманах ничего, кроме нескольких долларовых купюр. Правая ступня босая, на левой перепачканная в грязи кроссовка – вторая, вероятно, лежит на дне ущелья. Он повернул голову и увидел пару тонких ног в колготках противоестественного серо-коричневого цвета, какие обычно носит Марианна Хазерли. Санитар поставил в траву ее врачебный чемоданчик и поднял два пальца в знак приветствия:

– Хай, Лютер.

– Хай, Тед. – Лютер выпрямился, сразу сильно превзойдя ростом женщину с волосами мышиного цвета. – Доброе утро, Марианна.

– Чего уж тут доброго.

– Да просто рад тебя видеть.

– Ну-ну. – Она фыркнула. – Делать тебе больше нечего, что выполняешь мою работу?

Лютер заставил себя улыбнуться. Судебная медичка не так уж стара, как кажется, – ей нет и семидесяти, пытается он вспомнить, – но выглядит так, будто сама представляет случай из судебной медицины. У нее бледный цвет лица, и пахнет она одеждой, которую давно не меняли. Между пальцами налипли остатки шоколадного батончика. Не удостоив Лютера больше ни единым взглядом, она раскрыла свой чемоданчик.

– Вы строите теории, не принимая во внимание состав преступления. Это безответственно. Я слышала там, сверху.

– Как так? – удивилась Рут. – Мы просто про нее говорили.

– Вы про нее рассуждали, когда она еще висела на дереве.

Ледяного цвета глаза Рут оглядели Марианну. Лютер кивнул ей в сторону лесной дороги:

– Идем. Посмотрим на машину.

* * *

Водительская дверца внедорожника открыта. Пассажирская, наоборот, заперта, и теории Рут из-за этого снова грозит развал. В ее сценарии оба протагониста в ярости выскочили наружу, вместо того чтобы с трудом выбраться через сиденье другого. Машину покинул явно лишь один человек.

– «Безответственно!» – Рут дает волю раздражению. – Чего только мы не терпим от этой мелкой полевой крысы!

– Она свое дело знает, – говорит Лютер.

– Другие тоже знают свое дело. Нам надо было спросить Карла. Карл всегда хорош для первой экспертизы.

Лютер обходит внедорожник вокруг и осматривает почву.

– Первая экспертиза, говоришь?

– Честно, Лютер, мне что вдоль, что поперек, насколько Марианна знает свое дело и что силой своих рук она может превратить говно в печенье, когда это происходит в ее так называемом институте. А у нас тут есть шериф, следователь по убийствам, зачем нам еще это дерзкое огородное пугало? – Она набрала в легкие воздуха. – Которое к тому же еще и жрет на месте преступления.

«Потому что шериф из-за ревматизма больше не сядет в патрульную машину, – думает Лютер, – и тем более не выйдет из нее». Но это поучение он оставляет при себе. Рут принесла бы Карла Мара сюда на своем горбу, только бы избежать всякого контакта с Марианной Хазерли.

– Вот видишь. – Рут включает свою камеру на видео-модус. – На это тебе нечего сказать.

– Есть. Никто не может так точно определить момент наступления смерти.

– Это касается и ее собственной?

– Рут...

– Может, ты ее спросишь? Я бы хотела знать, когда снова выглянет солнышко и косули с зайчишками снова вернутся из леса...

Он обследовал почву перед водительской дверцей. Высоко над их головами сосны, ели и несколько черных дубов смыкались в сумрачный купол кафедрального собора, который довольно хорошо задерживал дождь. А то, что сквозь него просачивалось, впитывала опавшая хвоя, поэтому почва здесь не раскисла так, как внизу на склоне. Для следопытов это плохо, но потом он обнаружил несколько изрытых мест. То, что он увидел, укрепило его в подозрении, что за рулем сидел именно «падший ангел» и вогнал внедорожник в дугласию, чтобы как можно скорее пуститься в бегство. Бардачок стоял открытым. Инструкция по эксплуатации, ручка, бумага, рабочие перчатки и софитная лампа валялись на полу, будто кто-то выгреб все это наружу одним движением. Он заглянул в дверные полки в поиске мелочей, которые помогли бы как-то идентифицировать погибшую, откинул вверх заднюю дверцу и увидел лишь пустоту.

– Нам нужен еще кто-нибудь! – Пошел вверх к главной дороге, открыл дверцу патрульной машины и вызвал по радиации командный пункт в Даунивиле. – Кимми, где подкрепление?

– Хм, да. Не так-то это просто, Лютер. – Птичий голосок Кимми звучал в стиле кантри – верный признак того, что прошлой ночью она давала Долли Партон⁴ в театре «Юба». Точнее говоря, сьерра-вариант Долли Партон. Добавив в голос немного гелия, чтобы ей удалось невозможное: взвинтить болт пафоса еще выше, чем ее великий образец из Смоки-Маунтинс. Лютер не знал, говорит это за или против второй ее карьеры – в качестве певицы, – да и, честно говоря, ему было наплевать на это.

⁴ Американская кантри-певица.

– У нас тут машина, полная всяких волос, волокон, отпечатков пальцев, черт знает чего еще. И разве Такер не говорил, что приедет немедленно?

– Да, ты знаешь, Такер – ну, он только что звонил.

Лютер ждет. Кимми ему симпатична, в иные дни он ее прямо-таки любит. Она была бы подарком с небес, если бы не ее привычка растягивать всякую информацию, как сезон «Игры престолов».

– Я слушаю.

– Инес Уэлборн подала заявление о пропаже своей кошки.

– Да?

– Ну, ты знаешь, у нее тигровая.

Инес Уэлборн, хозяйка «Ночлега с завтраком» в Гудиер-Баре, медвежьим углом западнее Даунивилля, окруженном лесами. Правда, это ни о чем не говорит, поскольку в Сьерре все окружено лесами.

– Ах, да, – отвечает он.

– Потому что у нее есть еще и черная, – спешит уточнить Кимми. – Ну, точнее говоря, это кот, но неважно. Как бы то ни было, тигровая исчезла, и...

– А можно поскорее?

– И теперь Инес обвиняет соседей, что те убили кошку и зарыли на своем участке.

Лютер почесал в затылке.

– Каких соседей? Уж не Билли ли Боба Коули?

– Момент, Лютер. – Он услышал пощелкивания мышки, как будто она открывала на своем мониторе нужный протокол. – Точно, Билли Боб.

Коули, ранний пенсионер индейского происхождения, смотритель маленького кладбища позади церкви, где похоронена народная певица Кейт Вульф, что превратило Гудиер-Бар в аттракцион после того, как Эммилу Харрис записала ее песни.

– Билли Боб не убивает кошек, – говорит Лютер.

– А Инес говорит, что да.

– Как она до этого додумалась?

– Потому что Билли Боб всем рассказывал, а теперь дает задний ход, что он, мол, хотел позлить Инес, но Такер сейчас там и говорит, что Билли Боб запутался в противоречиях...

– А где остальные?

– Пит в Аллегани, там бесхозная машина, а потом поедет в кемпинг на перевале Крик, где вроде бы кража со взломом – или нет. Трой, должно быть, на пути в Сэттли, там в Кеш Сторе кто-то учинил дебош, кто-то нездешний, и докучает людям. Он, может, просто пьяный, но уходить не хочет...

Пьяный в восемь тридцать утра. Каких только не бывает причудливых привычек завтракать.

– А Робби?

– Горящий мусорный контейнер.

– Что-что? За это отвечает Кальфайр, пожарная охрана.

– Да, верно, Лютер, они тоже там. А Робби уже на пути в Сьерравиль, там произошло что-то странное, хотя «странное», может быть, не совсем точное слово, по крайней мере, был сигнал, с этим не шутят, а звонивший сказал, что вышел только что из закуской, и тут к нему медленно подкатили трое и наорали на него.

Лютер проглотил следующий наводящий вопрос, упражняясь в душевном равновесии.

– И ты еще за это ответишь, – нагло добавила Кимми.

– Это ты мне?

– Нет, это они так кричали ему! – Она хихикала. – Ах ты, боже мой, ты думаешь, мне – ну, в смысле, ему – это пустяк? Он теперь боится выйти. Этих людей он совсем не знает и говорит...

– Ну хватит. Где Джейми?

– Наверное, в Бассетте.

– Наверное?

– Кейт Бьюхенен звонила и просила нас посмотреть на главный вентиль водопровода. Она на пару дней уехала к своей сестре в Пламас и говорит, что, кажется, забыла его закрутить. До Бассетта отсюда нет и четырех миль.

– Хорошо, скажи Джейми, пусть свернет шею этому крану и моментально подъезжает сюда.

– Да я бы сказала, – заверяет Кимми так плаксиво, будто слышишь писк педаальной электрогитары. – Но я не могу с ним связаться. Ты же знаешь, его рация...

Сломалась, верно. Уж три недели как.

– Все ясно. Кимми, будь так любезна и найди хоть кого-нибудь из них, да? Все равно кого. И спроси, где коллега из дорожного патруля – как бишь его...

Рут поднимается по дорожке, мобильник в правой руке. Походка какая-то крадущаяся. Все в ней кажется закаленным в огне.

– Я проверила номера.

– И?

– Машина числится за этой лавочкой в Пало-Альто... «Нордвиск Инкорпорейтед».

– А, гигант хайтека. – Лютер поднял брови. – Ты смотри-ка. Значит, служебная машина.

– Вроде бы да.

– Окей. Кимми? Вот что еще. Организуй мне встречу с Фиббсом, по возможности через час у меня в кабинете. Мне надо знать все о фирме в Пало-Альто «Нордвиск Инкорпорейтед»...

– «Норд...» – повторяет Кимми, записывая, и смолкает.

– «...виск», – подключается Рут.

– «...виск», – повторяет Лютер. – Кроме того, пусть разузнает, что вчера вечером и ночью происходило в наших местах. Ну, ты понимаешь: вечеринки, пьянки, драки, кто что слышал или видел, как обычно. Ах да, Карл на месте?

– «...виск», – повторяет Кимми. – Э, кто?

– Шериф, Кимми.

– Нет, мне жаль, Лютер.

– А ты не знаешь случайно, где он?

– Как же, знаю. У врача.

Лютер закончил разговор и посмотрел на Рут.

– Служебный автомобиль группы «Нордвиск» в Сьерре?

– А чем они, собственно, занимаются?

– Айтишники. – Он подумал. – Изрядного калибра. Недавно на «Эн-би-си» была передача, что-то о ранних формах интеллекта...

– Seriously? Они что-то передали через Кимми?

Он попытался освежить свои воспоминания. Он тогда переключался с канала на канал, пока глаза не начали слипаться. Нет, не ранние формы интеллекта. Ранние формы *искусственного* интеллекта.

Они шли назад к внедорожнику, и взгляд Лютера обшаривал каждый камень и каждую хвоинку. Уже на повороте к лесной дороге, где земля была сильнее открыта дождю, ему бросились в глаза отпечатки шин, которые мог оставить автомобиль погибшей. Примечательно в

этом было то, что они вели на дорогу и, кажется, обратно с дороги на шоссе. Что плохо согласовалось с тем обстоятельством, что машина врезалась в дугласию.

– Что-то многовато следов от шин, – сказала Рут.

– Вот и я о том же подумал, – сказал Лютер.

– Здесь были две машины, и это кроме нашей скорой помощи. Две с одинаковым профилем шин. Ставлю на то, что второй автомобиль принадлежит мистеру с сорок восьмым размером обуви. – Она показала в сторону каньона. – Если мы здесь все осмотрим под лупой, мы обнаружим следы этого парня, которые ведут снова вверх, спорим? После того как она сорвалась, он пустился в обратный путь.

– Ты имеешь в виду, после того как он согнал ее к склону.

– Но-но. – Рут шутливо подняла брови. – Такого рода допущения без сокроленного знания состава преступления? Это безответственно, Лютер, в высшей степени небрежно. А где, кстати, Такер?

– Расследует одно убийство.

– Как, еще одно? – Рут уставилась на него.

– Печальная история. – Лютер кивнул. – Труп, по всей вероятности, зарыт в саду Билли Боба Коули. Такер сейчас как раз берет его в оборот. – Он надвинул шляпу поглубже на лоб и пошел назад к убитой.

* * *

Доктор Марианна Хазерли больше двадцати лет проработала судебным патологоанатомом в ФБР, пока не осознала свои корни и не вернулась в места своего детства.

Не то чтобы эта ранняя фаза ее жизни была отмечена особой радостью; равно как и время в Вашингтоне не погружало ее в воспоминания; и ее решение уж точно не оправдывалось тоской, обусловленной семейными делами. Согласно представлениям Марианны, семья есть нечто такое, что вдохновило практически всех именитых литераторов на трагедии, в которых ход порочности, обусловленной генетически, с гнетущей регулярностью приводит к ужасному концу. Себя саму она из этого презрения тоже не исключала. Честности ради, гласило ее кредо, следует еще в юные годы держаться подальше от представления, что ты лучше своих родичей, а генеалогия Хазерли действительно не включала в себя ничего такого, что хотелось бы переплести в кожу и держать на ночном столике. Насколько Марианна могла проследить линию своего происхождения, она видела лишь кучу жалких негодников, которые передавали друг другу одну и ту же наследственную спираль, как же она могла быть лучше остальных? В этом ничего не меняло и то обстоятельство, что она единственная из своего сброда получила высшее образование. Имея перед глазами всех неудачливых золотоискателей, инцестуозных куроводов и изолгавшихся баптистских проповедников, которые колотили ее все детство, она хотя бы получала повод для сомнений, но на дне всех усилий все равно проглядывал характер. А он, насколько Марианна понимала свою личность, был дурной, потому что не мог быть другим в силу наследственных причин.

Поэтому предсказания, что никогда не выйдет замуж, она принимала со словами «кому нужна такая сволочь» и черпала из своей недостаточности свободу встречать всякого как открытый нож. И когда ее отец, полный, как бочка, восемь лет назад отправился на рыбалку, а двенадцатикилограммовый карп, попавшийся ему на крючок, оказался сильнее рыбака, родительский дом в Гудьер-Баре стал свободен. Поскольку больше никто на него не претендовал, Марианна нашла двадцать лет в ФБР достаточными, а Сьерру как вполне бедную социальными вызовами, чтобы не каждый день стыдиться того, что она до них не доросла. Она открыла скромную частную практику общей медицины, в шутку назвав ее институтом, и с тех пор помогала конторе шерифа как специалист судебной медицины, и если ей там кто и нравился, то

лишь один Лютер Опоку. Только ради него она еще готова была докторствовать над трупами. В чем она, конечно, никогда бы не призналась, только рассказала своей лучшей и предположительно единственной подруге, но Лютер это тоже знал.

«Твоя единственная подруга проболталась, – думал он, – в лавке мясника, хотя я ее об этом не просил».

* * *

Дежурное помещение шерифа было обставлено скупо. Джейми Виты, которого Кимми разыскала, когда он после закручивания бюухененского водяного вентиля подкреплялся в кафе «Две реки», и немедленно отправила к месту падения, сводил воедино фрагменты отчета и попутно отвечал на звонки. Кимми ушла за молоком, и Лютер, подув в черноту своего кофе, спросил между делом, был ли тут кто-нибудь, когда шериф заболел. Маленькое царство Карла с античным письменным столом и почетными грамотами в рамках стояло открытым. Хотя Лютеру придется там восседать через пару недель, сейчас кабинет излучал ультимативную оставленность.

– Твоя Ундервуд меня что-то не любит, – еще днем завела разговор Марианна, когда они пересеклись. Это звучало будто в тоскливом ожидании, что Лютер с ней согласится.

– Мы можем сесть в кабинете Карла, – предложил он.

– Да мне все равно где. – Марианна пошла за ним. – Я-то ее тоже не люблю. – Она подтянула к себе стул для посетителей и опустилась на него как серое, растрепанное перо.

– Кофе?

– Что, я похожа на человека, который хочет сегодня ночью танцевать на одеяле?

Лютер смеется.

– Не такой уж он и крепкий. Его Джейми варил.

– Ах! – Марианна, наморщив лоб, выглянула в дежурное помещение, где Джейми в свете компьютера, сжав от концентрации губы в трубочку, сводил воедино детали следствия. – Тогда это совсем вялое варево.

– Что ты мне хотела сказать?

Она выудила документ из своей наплечной сумки и со вздохом положила его перед ним, не раскрывая.

– Перелом шейного позвоночника. От этого она и умерла. Между полуночью и часом.

– Перелом шейного позвоночника, – медленно повторяет Лютер. – И как...

– Природа-мать. В ее подбородке торчали березовые щепочки. Ударом так отшвырнуло ее череп, что зубовидный отросток шейного позвонка не имел шанса. Ее спинной мозг разорвался, немедленное нарушение центра дыхания и кровообращения. Когда ветки ее задержали, она была уже мертва.

– А что с другими повреждениями?

Марианна помотала головой:

– Остальные не смертельны и даже близко не опасны для жизни. У нее три сломанных ребра и перелом большой берцовой кости, в конце концов, она пролетела сквозь все дерево, но, если бы чуть больше везения, могла бы жить.

– Итак, все повреждения происходят от падения.

– Нет. – Марианна потирает костяшки пальцев. Жилы на тыльной стороне ее ладони перевиты, как лианы. Она смотрит на Лютера. – Не найдется ли стакана воды для меня?

– Конечно.

Он выходит к кулеру и наполняет стакан. Когда возвращается, она уже разложила на столе несколько фотоснимков. Они показывают мертвую во вскрытом состоянии, снятую на разном расстоянии и под разным углом. Ее бесчисленные раны промыты, глаза закрыты, разрез зашит.

Кожа синеватая и восковая, трупные пятна выделяются темным. Татуировки в азиатском стиле на руках и на спине.

– С первого взгляда ее не узнать, – говорит Марианна, пододвигая к себе один снимок. Это снимок шва на голове сбоку. – Большая часть скрыта под волосами, но на скулах можно это увидеть. Вот, окраска.

Лютер наклоняется. Окраска может быть чем угодно.

– Где она ударялась или по-вдоль чего скользила, в ее коже находятся микрочастички сосны, – объясняет Марианна. – И только здесь нет. Это столкновение другое. И что касается направления столкновения. Кроме того, ткани и кровеносные сосуды повреждены здесь явно до падения.

– Кто-то ее ударил?

– Да. И неизвестно, что этот удар наделал бы.

– «Наделал бы»?

Она положила перед ним другой снимок. Близко к левому локтю видна ссадина. Она тянется по предплечью под своеобразным углом, как будто...

– Давай, Лютер. Оставь меня в дураках.

– Она парировала этот удар.

– Парировала, да. – Она довольно кивает. – И, хотя нападающий ударил ее по голове, она его смягчила.

– Задолго ли до падения это произошло?

– Ты напрягаешь мои способности. Но хорошо, давай порассуждаем. Незадолго до того. Может, за час. – Она постукивала по акту ладонью. – Всю эту мелочь, микробиологическое и токсикологическое заключение, анализ ДНК, они делают в Сакраменто. Ты мог бы их завтра получить. Под ногтями у нее, кстати, были частицы кожи.

Она сделала горделивую паузу. Лютер сложил кончики пальцев.

– А я сильно напрягу твои способности, если спрошу тебя...

– Нет, ты мне польстишь. Не хочу забегать вперед этих молекулярных мародеров, но думаю, что она поцарапала мужчину, причем сбоку шеи. Я обнаружила частицы щетины. Как говорится, предварительный результат. Ну, может, особо сенсационный случай дамской бороды. Почему мне знать.

Она выпила свою воду, когда вошел Джейми. Его взгляд упал на снимки и омрачился.

– Такая красивая девушка, – сказал он.

– Да. – Марианна собрала снимки. – И сильно ей это помогло?

* * *

Никто больше ничего не сказал, пока она не покинула кабинет шерифа и не села в свою допотопную «Хонду-Сивик». Джейми стоял у окна и смотрел, как это ржаво-красное корыто покатило с заднего двора.

– Боже правый! – вырвалось у него. – И почему мне всегда после нее хочется подтереть?

– Потому что у тебя постоянная потребность подтирать.

И действительно, чистоплотность Джейми была такова, что даже удивительно, как это до сих пор его именем не назвали ни одно чистящее средство.

– Возьмешь трубку?

911. Экстренный вызов. Но это не значит, что кто-то на самом деле в опасности. Чаще всего это означает, что человек потерял своего лабрадора.

– Сбросили, – сказал Джейми.

Лютер засунул свой «глок» в кобуру.

– Окей. Остаешься за старшего.

- Ничего не выйдет. Мне надо в Лойолтон. Заявление о приставании.
- Но хотя бы дождись возвращения Кимми.
- Да она тут же снова убежит.
- Только в два.
- Да сейчас уже полвторого.

Лютер чувствует, как в нем уже поднимается раздражение.

- Кто из нас, собственно, подливает молоко в кофе?
- Только ты, я думаю.
- Не может быть.
- Поэтому она и убежала.

Ему тут же стало стыдно. Потому что, разумеется, только благодаря бухгалтерской заботе Кимми здесь исполняются все его предпочтения. Она опекает помшерифа, как волчица своих волчат, неумолимо подносит пироги и прочее съестное и снабжает отделение так, будто ему грозит многонедельная осада зомби. С ней можно выигрывать войны. Но если отсутствует то, что, по ее мнению, тут непременно должно быть, ведомство порядка в ее голове сразу бьет тревогу. Лютеру надо бы поговорить с этой снабженкой. Убегать в ларек за молоком, когда они тут разрываются надвое, – это просто вопиет о срочной переустановке приоритетов.

Джейми занял позицию перед своим компьютером.

- И отчего же она умерла?
- Перелом шейного позвонка.
- И что это значит? – Пальцы помшерифа зависли над клавиатурой. – Убийство?
- Скорее, нет.
- Тогда что же мы имеем там, снаружи? Место преступления или место происшествия?
- Возможно, оба сразу.
- И что мне писать?
- Погибла от действия темных сил, – пробормотал Лютер, мысленно возвращаясь к месту

падения.

- Очень поэтично. Что, так и написать?
- Чепуха, придурок. Оставь пустое место.

«Какая досада, все это никак не назовешь простым убийством. Телесное повреждение, принуждение, неоказание помощи – тяжелые составляющие в уравнении, на правой стороне которого будто в издевку стоит несчастный случай, это даже смешно. Как будто они тут имеют дело с результатом какой-то оплошности. Вместе с тем сомнения подтачивают его самоуверенность, и это злит его еще больше. А что, если это и в самом деле была лишь оплошность? Если ты все истолковал неправильно и следы – будь то следы мертвой, следы мужчины, следы второй машины – свидетельствуют лишь о трагедии, а не о преступлении? Убийство из всего этого не вытекает, как бы ты ни хотел. А разве ты хотел?»

Ты знаешь, к чему все это ведет. Мертвая, застрявшая в дереве. Это не просто падение, слушай. Это теперь *твоя* мертвая. Ты поворачиваешь колесо времени.

Глупость. Это не имеет ничего общего с тогдашним.

Это связано только с ним! Ты ничего не вернешь назад, скольких бы людей ты ни вписал. Ничего не приведешь в порядок, никакой порядок тебе не подчинится».

Экстренный звонок вернул его к действительности. Но трубку уже снял Джейми.

- Округ Сьерра, департамент шерифа.

Кто-то тихо дышал в трубку. К этому примешивались природные шумы, чирикание птиц, залповые порывы ветра.

- Алло! Я могу вам чем-то помочь?

Прошло несколько секунд. Потом сильный и короткий стук, как будто телефон выскользнул у звонившего из рук и жестко ударился. В следующий момент линия замерла, только номер

еще секунду светился на дисплее. Лютер нажал на повтор, слушал пустые гудки и проверял номер по банку данных. Система выдала ему адрес в нескольких милях к северу от Даунивилля.

– Мерл Грубер, – сказал он.

– Старуха Мерл?

Старуха прежде всего. И все более хилая с тех пор, как ее муж в прошлом году умер от апоплексического удара, когда подстригал кусты роз. Собственно, слишком хилая, чтобы жить одной в местечке, где до ближайшего соседа полчаса ходьбы, но Мерл столь же благодарно, сколь и уперто отказывалась переехать к своим детям и внукам – единственным, кто ее навещал. Кажется, навещать больше не придется.

– Я могу к ней поехать, – предложил Джейми. – Может, я еще успею раньше, чем...

– Нет. – Лютер взял свою куртку и направился к двери. – Мне все равно надо в ту сторону. Меня ждет Фиббс.

«И все-таки это было убийство, – думал он, выходя наружу. – Судя по всему, по крайней мере».

* * *

Округ Сьерра – это пологий склон, спускающийся к морю бок северной Сьерра-Невады. Основную часть растительности составляют смешанные леса, к которым по мере подъема в гору все больше примешиваются импозантные скалистые массивы, продырявленные, словно строения термитов. Туннели – милю за милей – оставляли после себя золотоискатели минувших эпох. На гребне золотой лихорадки конца девятнадцатого века в Даунивиле было больше пяти тысяч жителей, сегодня их осталось триста, и здесь все еще прилежно роют, как только поднимается цена на золото. Здешняя порода богата драгоценными металлами, так это называется, и словно для того, чтобы подпитать мечту, в витрине правления общины красуются изображения самородков величиной с кулак, однако эта тяжелая, мучительная работа никого не обогащает. Большинство местных давно сдались. Остатки того, что еще можно назвать поселениями, группируются вдоль извилистой нитки автострады «Золотая цепь», с Даунивилем в качестве центра управления. Города Сьерры – настолько же городские, как толкиновское Средиземье, – Сэттли, Сьерравиль и, наконец, Лойолтон на востоке, местечко, полное фермеров, дровосеков и эскапистов. У матери Лютера там кафе, и Лютер поневоле думал о ней, когда со скрипом шин сворачивал с автострады на Сэдлбек-роуд, одну из множества горных дорог, которые излучают запустение даже во время велогонок по бездорожью. Ровно пятьдесят миль отделяют Даунивилль от Лойолтона. Три четверти часа езды едва ли оправдывают редкость его посещений, даже если это местность, воспетая Робби Уильямсом, а Лютер в Даунивиле балансирует на краю изнеможения, однако именно теперь, когда он проезжает по извилистой однополосной дороге к старой женщине, которую едва знал, он спрашивает себя, не придется ли его матери звонить в экстренную службу, чтобы еще раз увидеть его.

Правда, Дарлин Опоку решительно отрицала бы, что сын ее совсем забросил. Если ей и захочется что-то вбить ему в голову, так скорее то, что он сделал для нее достаточно. Достаточно для подтверждения своей кредитоспособности когда-нибудь у небесных врат, в существование которых она верит так же непоколебимо, как в милость сил, правящих за ними. Лютер был далек от того, чтобы считать себя морально состоятельным, но и лишиться себя веры в потустороннюю сбалансированность и справедливость не мог; он воспринимал религию как коллективную неисправность, когда его мать еще клялась и божилась крепостью своего брака, а он распался, когда ему было десять лет. Тем самым его неверие – единственное, что ее беспокоит, хотя и не в той мере, чтобы это омрачило ее веру в Бога. Разве Бог не видит все? Уж он будет знать, что совершил ее мальчик, и сделает его частью своего великолепия.

Вот в этом как раз и кроется проблема. Ведь на самом деле от частых посещений матери его удерживает не столько перегруженность, сколько разница их взглядов. Это ее преувеличенно высокое мнение о нем, которое он может объяснить лишь недопониманием. Не будь она так занята служением Господу, они бы, может быть, лучше понимали друг друга в земных делах и она бы его беспощадно тыкала носом во все безобразия, которые он натворил, но она преподносит ему вишневый пирог его детства и поминутно называет его своим славным мальчиком.

Деревья проносятся мимо его бокового окна.

Через две с половиной мили Лютер, не сбавляя скорости, врывается на Ок-Ранч-роуд, паркует патрульную машину на обочине и идет по пыльной подъездной дороге к дому Мерл Грубер, держа правую руку на кобуре. Яркий полуденный свет высасывает всю силу красок, как на плакате, долго провисевшем на солнце. Дорогу окаймляют сахарные сосны и золотые ели, стволы голые до верхушек, а между ними пышные тисы и черные дубы. Лютер миновал гараж на две машины со шторными воротами. «Шевроле»-пикап давно стоит без движения, на стеклоочистителях скопились облетевшие бурые листья и хвоя. Над ним раздается предостерегающий крик ореховки. Белочка сломя голову взбежала на ель, подозрительно окинула Лютера взглядом и с предосторожностями скрылась. Сюда наверх не доносятся шумы автостреды и Даунивила.

– Миссис Грубер?

Он окинул взглядом изношенный деревянный дом, фасад которого подпирают сваи, чтобы выровнять наклон земли. В промежутках сложены поленицы дров, хранится электрическая газонокосилка, прикрытая пластиковой накидкой. Перед окнами висят цветочные ящики, в которых ничего не растет. Слово из солидарности с хозяйкой двускатная крыша артритно просела под тяжестью лет. Телевизионная антенна марки Eigenbau приникла к каменной кладке камина, справа лестница с литыми светильниками ведет к двери и окружающей дом веранде. Оглушительный аромат аканта и сирени стоит в воздухе, смешиваясь с эвкалиптом и цитрусоподобным запахом елей. Лютер поднимается по лестнице, заглядывает сквозь сетчатый занавес от мух. Звонит в колокольчик и слушает его отзвуки в пустом помещении.

– Миссис Грубер? Вы здесь?

За домом лает собака. То же самое залиvistое тявканье, которое он слышал и по телефону. Он спешит по веранде, одолеваемый недобрый предчувствием. Перед ним открывается сад. Пожелтевшие газоны с кустиками перловника, между которыми бегают лохматый беспородный пес, гоняясь за своим хвостом.

Первое, что он видит, – босые распухшие ступни.

– Миссис Грубер!

Она не шевелится. Лютер спешит к простертой женщине, опускается подле нее на колени и щупает пульс. Из ее полуоткрытого рта доносятся хрипы. Нет, не хрипы – Мерл Грубер храпит. И лежит она не на земле, как он теперь видит, а на лежаке для кемпинга, сложив ладони на раскрытой книге, словно боясь, что та может упорхнуть, пока хозяйка тут вздремнула. Очки для чтения аккуратно размещены на носу, в полупустом стакане чая рядом с ней муха, обесилев, прекратила борьбу за жизнь.

Он мягко трогает Мерл Грубер за локоть.

– Миссис Грубер. Не пугайтесь. Проснитесь. Я просто хотел узнать, все ли в порядке.

Ее храп усилился. Подняв голову, Лютер видит в открытой двери на террасу мальчика лет трех, тот тарашится на него, держа в руках беспроводной телефон. Его пальцы беспорядочно нажимают на кнопки.

* * *

– Кимми?

– Да я уже слышала, ты недоволен, что я ушла за молоком, вот беда, время было действительно неподходящее, я знаю, Лютер, *я знаю!* Я лишь хотела, чтобы всем было хорошо, а ты ведь не любишь черный кофе, но это, конечно, не может служить извинением, когда столько работы, я понимаю, что о таких вещах я могла позаботиться и в нерабочее время...

– Все хорошо, Кимми.

– Да было бы важное дело, а то молоко, но теперь я прямо...

– Не думай об этом. – Его взгляд падает на часы. – А ты разве еще не освободилась?

– Я осталась сегодня подольше, – решительно сказала она.

Он вырулил патрульную машину с Ок-Ранч-роуд обратно на горную дорогу.

– В самом деле? Это для тебя не проблема?

– Не проблема, босс! – Он видит ее лучистую улыбку. Даже сама рация, кажется, сияет. – Вилли у моего брата. Из-за рыбалки и уроков игры на гитаре.

Если уж ты стал родным во вселенной Кимми, то недолго узнать, что своего сына она могла назвать только в честь Вилли Нельсона⁵.

– И как там дела у бедной миссис Грубер? – спрашивает Кимми.

– Ее внук играл с телефоном. А с таким состоянием, в каком я ее нашел, она еще нас всех переживет. У тебя есть что-нибудь для меня?

– Фиббс велел передать тебе, что вынужден перенести место вашей встречи.

– Окей.

– Ты должен явиться на поле позади Юреки, которое Такер обнаружил на прошлой неделе.

«Почему он сам не мог мне это сказать?» – думает Лютер.

– Он говорит, его мобильник там не ловит, – тут же ясно добавляет Кимми.

– Вон оно что. Как же он тогда дозвонился до тебя?

– У одного из людей УБН в машине была рация.

Лютер не верит своим ушам.

– Что еще за люди из УБН?

– Не знаю. – Кимми медлит. – Он только сказал, что с ним там их несколько. Ты же его знаешь. Он иногда немного... эм-м... загадочный.

Загадочный – это точно.

– Что-нибудь еще?

– Надоедливый шум в Форесте, бесхозный эвакуационный тягач (или охотничья поисковая собака), два случая превышения скорости – возможно, одна и та же машина. Запрос из Калпайна по поводу спецпатрулирования: местные говорят, кто-то там разъезжает. Из Сьерравила мы получили заявление о пропаже: дементный мужчина уехал на машине, последний раз его видели у озера Стемпид, он там разделся и бросил в воду свои ботинки. И Билли Боб Коули сознался, что убил кошку. Но это, мол, был несчастный случай.

– А что новенького про мертвую из каньона?

– Ничего.

– Хорошо. Я еду к Фиббсу. Ах да, нам надо чаще поглядывать за миссис Грубер. Ее семья, кажется, ничего не предпринимает против того, что в ее холодильнике развивается разумная жизнь.

Он свернул и помчался вверх по Сэдлбек-роуд.

Люди из УБН?

Детектив Фиббс действовал ему на нервы. При этом неплохой человек и в остальном безальтернативный, потому что единственный детектив на всю Сьерру. Лютер знал, как никто другой, что Фиббс проделал выдающуюся работу как раз по части борьбы с наркотиками. В

⁵ Американский певец в стиле кантри.

отличие от помощников шерифа, он носит исключительно гражданскую одежду и ездит на гражданской машине, которую ему предоставляет округ, чтобы он не бросался в глаза как полицейский. Он пользуется некоторыми привилегиями, планирует свою работу по собственному усмотрению и уполномочен обмениваться информацией со службами других округов – одна из причин, почему отношения департаментов между собой носят дух кооперации.

Естественно, Фиббс работает и совместно с УБН, которое подчиняется министерству юстиции и вступает в игру только тогда, когда Вашингтон усматривает угрозу национальной безопасности. Как и ФБР, УБН склонно вмешиваться в коммунальные дела, а представление окружного шерифа о самом себе как последней линии защиты граждан против Большого Брата вызывает у него лишь жовиальное презрение. Фиббс в некоторой мере шарнир, чтобы конфликт интересов не слишком скрипел.

Два года назад Фиббс стоял, привалившись к своей машине, с холодным светлым элем «Сьерра-Невада» в руке и оживленно беседовал с хорошенькой следовательницей по наркотикам из Сакраменто на краю нелегальной плантации марихуаны в округе Пламас. Владельцев ее только отправили в окружную тюрьму, как кто-то пришел к роскошной мысли просто сжечь плантацию и заодно огромные тюки, полные сухого гашиша, который они нашли в сарае неподалеку. Как следствие вскоре задымился самый большой притон в истории Северной Калифорнии. Неожиданно поднявшийся ветер сделал свое дело, и двенадцать судебных исполнителей, среди них Фиббс и следовательница по наркотикам, загремели в больницу с дымовым отравлением и навеселе, как тот Большой Лебовский. С тех пор Фиббс, как удачно выразилась Кимми, стал немного загадочным.

Лютер направил патрульную машину вдоль отрога в Тахо, национальный парк. Сэдлбек-роуд была в пятнах солнечного света, прорывающихся сквозь верхушки деревьев. Отсветы скользили по лобовому стеклу. Дорога широкой дугой поднималась в гору. Он много раз обгонял велогонщиков, которые в своих шлемах выглядели как инопланетяне из малобюджетного научно-фантастического сериала и, согнувшись, крутили педали. Потом лес поредел. Дорога теперь вела мимо скальных обрывов, по горным лугам, мраморированным голыми камнями и снежными полями. Незадолго до вершины Лютер свернул к Юреке, и дорога повела его к кварцево-желтой долине, усыпанной обломками, испещренной кустарником и бледно-зелеными озерцами. Щит, на котором из реквизита вестернов не хватало только дырок от пуль, рассказывал о городке золотоискателей Юреке из времен Авраама Линкольна; городок, как и все поселения такого рода, возник в золотой лихорадке и потом исчез.

В одной миле к западу от него заросшая бурьяном дорога раздваивалась. Под ветками, провисшими под тяжестью листвы, Лютер увидел припаркованный «додж» Фиббса и еще одну гражданскую машину. Он вышел, вдохнул свежий прохладный воздух и аромат сырой земли, свернул в кусты и последовал за руслом ручья, который к таянью снега хотя и не должен был пересохнуть, но представлял собой жалкую струйку. Через несколько сотен метров в поле зрения попала и причина. Кто-то запрудил приток, который должен был пополнять ручей, и перенаправил воду через систему гибких пластиковых трубок, которые через полмили впадали в скрытый ареал. Тысячи литров воды отводились таким образом. Лютер уже был здесь однажды, после того как помощник Робби Макаро, следуя наводке, обнаружил плантацию. Эта картина снова вызвала в нем прилив ярости. Между двумя красными елями стояла хижина-временка с криво сидящей гофрированной крышей. Между деревьями были натянуты полотнища, на которых сушился урожай марихуаны. Всюду валялся мусор. Пустые банки, пластиковые бутылки, где еще плескался инсектицид, которым плантатор старался защитить чувствительные растения каннабиса; емкости от жидких удобрений, канистры, надписи на которых лишили бы сна защитников природы: фурадан, карбофуран, метимол. Высокотоксичные вещества: хватило бы и четверти чайной ложки, чтобы убить человека. Вскрытые консервы распределялись вокруг керосинки и свидетельствовали, что здесь питались в основном лапшой быстрого при-

готовления. Рядом с генератором стоял без дела ламповый телевизор, оклеенный пленкой под дерево. Посреди всего этого безобразия Фиббс взволнованно разговаривал с двумя мужчинами, на ветровках которых красовался герб УБН с орлом.

– Привет, Лютер! Извини, что пришлось тебя сюда...

Лютер отвел его в сторонку.

– Как так может быть, что я ничего не знаю о вашем пребывании здесь?

Агенты УБН повернули головы, разглядывая его, и он разглядывал себя в отражении их очков. Один деловито улыбнулся:

– При всем уважении, сэр, теперь вы это знаете.

Лютер снял свою шляпу, провел ладонью по черепу и вытер пот с затылка.

– Извините, я, должно быть, ослышался. Что вы сказали только что?

– Здесь не происходит ничего такого, что должно вас беспокоить.

– Это приятно слышать, агент... – он подался вперед, чтобы прочитать его фамилию на шильдике, – Форрестер, но нам необходимо все-таки кое-что прояснить.

– Эм-м, Лютер, – сказал Фиббс.

– Здесь не тот случай, когда должны вмешиваться федеральные органы, – продолжил Лютер, не обращая на него внимания, – или я ошибаюсь? До вчерашнего дня здесь была просто нелегальная плантация.

– Лютер...

– Заткнись, Фиббс. Не поймите меня неправильно, мы рады всякой поддержке, и это я серьезно. Хочу сказать, в тех случаях, когда мы в вас действительно нуждались, потому что в нас летели мексиканские пули с полым наконечником, – мы бы тогда приносили в жертву наших девственниц от радости видеть вас здесь. А еще я настаиваю на том, чтобы все ваши действия в Сьерре были согласованы с нами.

Агенты УБН переглянулись, и один из них сказал:

– Все было согласовано. С вашим шерифом.

– С Карлом Мара?

– А есть еще другой шериф?

– Я все время пытался тебе это объяснить, – пробормотал Фиббс.

Проходили секунды, никто ничего не говорил. Лютер ждал, что в нем проснется злость на Карла, который просто забыл его проинформировать, что теперь с ними в одной лодке будет УБН. Вместо этого он погрузился в печаль. Ревматизм Карла и прочие недуги – это уважительные причины, чтобы досрочно передать дела в более молодые руки. Как только Лютер будет избран, что благодаря его популярности и отсутствию других кандидатов не подлежит сомнению, старик сможет под аплодисменты почивать на лаврах трех своих сроков, и надо сказать, это были хорошие времена. А про то, что Лютер в последнее время был занят преимущественно тем, что прикрывал прогрессирующую деменцию Карла, миру знать не обязательно.

– Коль уж мы заговорили про пули с полым наконечником, – возобновил разговор агент Форрестер. – Это вам не хиппи, которые хотели отпраздновать здесь их персональную California Dreaming.

Лютер уставился на него:

– Что, правда?

– Правда. – Форрестер кивнул Фиббсу: – Объясните ему это.

– Что объяснить? – спросил Лютер.

– Ну да. – Фиббс почесывал свою козлиную бородку. – Я рассказывал Карлу, я имею в виду, что нашел указания на то, что вся эта муть делается за счет продажных голосов наших нищелюбов. В Пламесе они вчера ночью накрыли одного нелегала со связями с тамплиерами Лос Кабальерос. Его много раз видели в окрестностях Юреки. Кстати, сознался, но про марихуану, дескать, ничего не знал.

– Нет, он полагал, что вкладывается тут в декоративный сад. – Лютер увидел, как второй агент УБН поднял с земли брошенный кем-то хот-дог, с одного края надкушенный и усеянный черно-красными муравьями. – Осторожно! Он отравлен.

– Да что вы говорите. – Мужчина повернул хот-дог к себе надкушенной стороной. – Значит, никто из ваших помощников им не лакомился?

«Сука», – подумал Лютер.

– Господин помшерифа, мы *знаем*, что эти типы специально выкладывают отравленную приманку, чтобы черные медведи не кусали их тут за жопу. – Агент усмехнулся. – Но спасибо за предостережение.

Агент Форрестер посмотрел на свои ступни, снял темные очки и протянул Лютеру правую руку. Его возраст трудно было оценить. Ему могло быть пятьдесят с лишним или чуть больше шестидесяти.

– Мне очень жаль, что мы так неудачно стартовали.

– Вам не за что извиняться.

Взгляд Форрестера упал на шильдик с фамилией:

– А вы сами не были в нашем объединении?

– Нет, но у нас были общие дела.

– В середине нулевых, верно?

– Мы, должно быть, встречались?

– Не напрямую, но у вашего имени в УБН добрая слава. Вы были уважаемым номером в департаменте шерифов Сакраменто.

– Расследования по наркотикам, да.

– И что вы делаете в Даунивиле?

– То, на что у меня не хватало времени в Сакраменто.

– Звучит прямо-таки интригующе. Но я-то имел в виду, что вы делаете в такой дыре, как Даунивиле.

Лютер вздохнул. «Добро пожаловать на карусель. Вот уже больше десяти лет этот вопрос крутится по одной и той же траектории – садитесь на лошадку, агент Форрестер, устраивайтесь удобнее у меня в голове».

– У меня мать живет в Лойолтоне, – ответил он. Вот, пожалуй, последняя причина, почему он из самого большого Калифорнийского департамента шерифа, да еще и на стремительном взлете карьеры, переехал в сонную Сьерру, чтобы заниматься тут розысками пропавших собак и объяснять старушкам, чтобы они прятали беспроводные телефоны от вывода своих дочерей и сыновей. Но правда не касается этих типов из УБН.

– Если вы меня извините на один момент, агент Форрестер... – Он кивком головы отозвал Фиббса в сторонку от агентов. – Это недоразумение пусть пойдет на мой счет, ясно? Моя ошибка.

– А разве она была твоя? – спросил Фиббс.

– Не будем вешать ее на Карла. Конечно, ошибка не моя, он меня не проинформировал. Я не знал ни того, что в игру вступило УБН, ни про вашего нелегала.

Фиббс неспешно кивнул и сплюнул на листья каннабиса.

– Я был до последнего времени в Квинси, иначе бы я пришел к тебе в офис. Это здесь, должно быть, часть большого дела, то есть как я должен был себя вести? Не говоря уже о том, что впредь я буду держать тебя в курсе обо всем.

– Если это станет делом федерального масштаба, пусть будет федеральным.

– Форрест, вообще-то, вполне в порядке.

– Хорошо. Смотри, чтобы он придерживался правил.

Фиббс запрокинул голову и стал вертеть ею, дожидаясь щелчков.

– Ясно, Лютер.

– Ну, валяй, выкладывай.

– Итак, я провел кое-какие розыски, пока два моих друга брали в оборот мексиканцев. Ничего подозрительно вчера ночью не было.

Почти огорчительно. Выходные приводят в Даунивилль заметную волну туристов. Они шляются по блошиному рынку, наперегонки набивают животы грудинкой на гриле, а вечером танцуют на улицах. Ничего дикого и безумного: танцы в стиле кантри в память о блаженных временах золотоискателей, трудную действительность которых им не приходится переживать, тогда как пара дюжин музыкальных поклонников в Юба-театре приветствуют местные подрастающие таланты и потом в салуне «Резиденция св. Чарльза» запивают это пивом «Будвайзер» или «Корона». К одиннадцати все стихает и нет ни одного по-настоящему пьяного или желающего поскандалить. В старом руднике в Сьерра-сити, к западу от места падения автомобиля, Рэтлин Бенс и Жюльетт Гоберт играют свой блистательный фолк, в Сорако-гардене повышается потребление вина. Незадолго до полуночи Робби Макалло, после того как люди нагрузились, едет к неподалеку расположенному кемпингу «Вильд Плам», где группа студентов из Рено оглушает местную фауну Уэстом Канье и Джей-Зи, и заботится о том, чтобы белочки, ласки и дятлы могли поспать, и на этом все кончается.

– Что у тебя есть про «Нордвиск»?

– Из того, что я смог наскоро собрать. – Фиббс сует Лютеру в руки бумажку и флешку. – «Википедия», статьи, интервью. Записал тебе несколько прямых номеров. Их вожак гнездится в Силиконовой долине. Как и Google, только менее известный в публичном пространстве. Они не гоняют поисковики и не заморачиваются с социальными медиа, чтобы разложить мозги одуревшим тинейджерам. Это создатели, Лютер. Типы, которые непрерывно высидивают яйца, из которых потом вылупляются какие-нибудь чудо-звери.

– А можно не так цветисто?

– Искусственный интеллект и машинное обучение, – говорит Фиббс. – Они разработали своего рода суперкомпьютер, наподобие HAL из 2001 года, только не такой низменный. Их называется A.R.E.S., он же «Марс». Аккордно какающий золотой осел. Тем самым «Нордвиск» дает всему миру героя: ведущий в «больших данных», предметный интернет, робототехника, медицинские лечебные программы, пилотируемые машины, познания мимики и языка – все самое горячее. Эльмар Нордвиск и его команда пишут программы и продают лицензии. А железо делают по большей части другие, в этом они сравнительно гибкие. Всего тысяча сотрудников, кроме нескольких, все в Пало-Альто.

– А что эти несколько?

– Они тоже в Пало-Альто. – Фиббс подмигнул и посмотрел вслед пролетевшей птичке.

– Давай к делу.

– Официально – там. Но я немного порылся. Похоже на то, что есть некий филиал. И угадай где.

– Сьерра, – сказал Лютер.

– Никакой Google Earth не найдет, – кивнул Фиббс. – Ни фотоснимков в сети, ни описания местоположения, ни слова на домашней страничке. Но я серфил и наткнулся на блог каких-то растяп-заговорщиков, которые предполагают, что «Нордвиск» в Сьерре поддерживает контакт с внеземными. Ну, обычное дерьмо. Тем не менее я проверил регистрации в поземельной книге – и вот тебе! У Эльмара Нордвиска есть землевладение в Сьерра-Вэлли. Причем размером с аэродром.

– Да? – Лютер наморщил лоб. – И где же это?

– На границе с Пламасом.

– Но там же ничего нет.

– М-да. – Фиббс пожал плечами. – Есть там что-то или нет, а твоя мертвая могла быть как раз оттуда.

* * *

Лютер ехал назад по желтой равнине, с которой когда-то был стерт целый город золотоискателей с отелями и салунами, борделями, церквями, отделами шерифа, похоронными бюро, жилыми бараками и зданиями рудников, стерт так чисто, как будто существовал лишь в фантазии Джона Форда, – и Лютер решил не сразу возвращаться в Даунивилль. На перекрестке он свернул налево и поехал в сторону вершины Сэдлбека. После короткого лесного участка гравийная дорога повела вокруг голого холма к самой высокой точке, и небо, больше не зажатое между верхушками деревьев, скалами и архитектурой, открылось на всю ширь, какую только допускало смутное чувство тоски – может быть, ностальгии по раннему времени космического геноза, когда всякая жизнь, какую Земля когда-либо носила в себе, уже присутствовала в могучих облаках водорода.

Лютер припарковался рядом с красным пикапом и вышел. На дороге лежали частицы пыли, отражающие свет полуденного солнца. Стояла необычная для конца апреля жара. В какую сторону ни глянь, горизонт лучился белизной, как будто жара испаряла атомы из почвы и медленно покрывала землю паром. Здание с круговым остеклением венчало скалу – пожарная вышка горы Сэдлбек. Лютер поднялся по ступеням крыльца и вошел в пронизанное светом единственное помещение, в котором царили измерительные приборы и вращающийся угломер, чтобы локализовать лесные пожары. Рядом с маленьким письменным столом на старинной газовой плите кипела вода. Кровать была свежезастлана – спальное место, вероятно, с самым лучшим обзором на всю Сьерру.

– Хай, Бастер, – поздоровался он с грузным мужчиной в фуражке, который заметил его еще издали и уже поставил на стол две кружки. – Как твой день?

– Как и всякий другой. – Бастер снял с огня чайник и заварил кофе. Тут же всю пожарную вышку заполнил оглушительный аромат. – Дел полно, Лютер, все мелочи, про которые ты и слышать не захочешь. Но ты как раз вовремя пришел.

В рации шумело, какие-то голоса пронизывали эфир. Над Сьеррой и прочими округами были распределены несколько пожарных вышек, и они круглые сутки поддерживали между собой связь. Их пеленгаторы перекрывали друг друга, позволяли точно установить координаты очагов пожара и целенаправленно заслать команду пожарных. Бастер открыл пластиковый контейнер:

– Хочешь сэндвич?

– Нет, спасибо.

– Жена сегодня утром приготовила. – Он отрезал уголок пакета с молоком. – Ты не представляешь, от чего отказываешься.

– Ну, индюшка. С халапеньо и сыром.

– Да, я человек привычки. А ты скоро станешь шерифом. Должен есть, чтобы стать большим и сильным. – Он хрипло засмеялся, щедро подлил молока в кофе Лютера и протянул ему кружку.

Лютер подул на дымящуюся жидкость и вежливо улыбнулся застарелой шутке. Бастер был на голову меньше него.

– И что же тебя привело ко мне, юноша?

– Твой кофе.

– Правильно, а я здесь ради шумной вечеринки.

– У нас смертельный случай. Человек сорвался с обрыва.

– Ох уж эти подростки, – сказал Бастер, качая головой. – Городские.

– Не подростки. Речь может идти о преступлении.

– Ох, уж только не в нашей прекрасной Сьерре.

– Нет, никогда. Тут сложно. А может, и очень просто. Мне надо спокойно подумать. – Лютер постучал себя по виску. – Если увидишь, что поднимается дымок, не бей тревогу: это из моей головы.

* * *

Он вышел со своим кофе наружу и сел на обломок скалы. Какое-то время наслаждался тишиной здесь, наверху. Шумы, казалось, больше не были связаны со своими источниками, а свободно парили в пространстве – постоянный поток звуковых частиц, которые приносил и снова уносил с собой ветер. Становление и исчезновение, свидетелем которого был Лютер, не имея возможности удержать ни то, ни другое. Если преходящее есть природа всех вещей, и мыслей тоже, то здесь подходишь к ним ближе, чем где бы то ни было, а в некоторые дни ему это было необходимо, чтобы погасить свои воспоминания или чтобы ветром их просто унесло.

Чуть пониже, на уровне самых высоких верхушек деревьев, торчал из кучи камней покосившийся флагшток. В горячем воздухе реял звездный флаг. И хотя сочная зелень господствовала в ландшафте, переходя по мере удаления в голубизну и наконец в глубокую синеву, так что на горизонте уже мерещился океан с застывшими огромными валами, все-таки в этом сценарии было что-то от 1969 года: Море Спокойствия, грубопиксельный черно-белый экран старого лампового телевизора, шумы и потрескивания, сквозь которые прорывается голос, словно череда атмосферных помех: *«Для человека это всего лишь маленький шаг...»* Как будто достаточно одного куска материи на палке, которую воткнули в землю, чтобы взять эту землю себе во владение, а еще лучше целое небесное тело.

«Может, – думает Лютер всякий раз, когда сидит на этом камне, – не столько гордость заставляет американцев устанавливать в своих садах звездный флаг или прибавать его на фасады своих домов, сколько потребность ежеутренне убедиться, что это еще их земля. Может, нами движет страх опять ее потерять. Из-за индейцев, коммунистов, мусульман, наркобаронов, атеистов, гомосексов, феминисток, инопланетян. Из-за мексиканцев, сквозь ночь и туман рвущихся через границу, из-за всех этих бедных алабамцев из-за проволочного забора, которые в отчаянном усилии бегут из ада своих обстоятельств, не страшась препятствий. Из-за беженцев с Ближнего Востока, из-за климатических апокалиптиков, из-за травмы прошлого, стали на горизонте, разрушенного фронта, в котором отражается величие Америки, да уже почти все равно, из-за чего или кого, пока реет этот флаг свободы. Как будто надо упаковать страну в ее национальные цвета, словно рукой Христа, чтобы защитить ее от чужого нападения».

Но мир парадоксальным образом становится проще по мере усложнения его проблем. Объяснения становятся проще. Визгливее. Бесчеловечнее. Когда Лютер выходит утром с Галлоуэй-стрит на Корт-Хаус-сквер и проходит несколько шагов к отделению шерифа, он всякий раз чувствует себя как подстегнутый. Сбоку от здания суда, в пещерообразной тени могучих сосен таится старая виселица Даунивила, как будто она еще может понадобиться. Сооружение высотой в двойной человеческий рост будит желание галопом выбежать в солнечный свет, как будто тебя подгоняет нарастающий вопль тех, кто поверил правым популистам, будто можно выбрать в Белый дом прошлое. Лишь единственный раз, в 1885 году, это сооружение нашло употребление, когда тогдашний шериф велел вздернуть двадцатилетнего убийцу. То была последняя легальная казнь в Сьерре, как объясняют туристам, которые благоговейно оглядывают виселицу, – но что это значит в стране, которая казнью, то есть осуществлением смерти, пытается защититься от смерти?

Лютер любит свою страну. Вместе с тем его поражает скорость, с которой ее разрывают приливы и отливы провальной глобализации, дергающие весь мир и позволяющие компьютерным игрокам, фашистам и безумцам вести повсюду зажигательные речи такими словами, какие еще несколько лет назад были запрещены. И кажется, что уже не скрывается от того яда,

который разбрызгивают эти типы. Нигде. Если он и думал, что найдет покой в таком месте, как Даунивилль, то сейчас он в этом обманулся во многих отношениях.

Лютер и флаг любит. Но в конце дня это лишь кусок ткани.

Он выпивает еще глоток кофе, и его мысли возвращаются к мертвой на склоне.

* * *

Ветер посвежел. Небо еще безоблачное, но к вечеру обещают дождь. Рут Ундервуд припарковала патрульную машину позади автомастерской Дэнс в Сьерра-сити и, экономя дорогу через регистратуру, прошла прямо в мастерскую сквозь поднятые шторные ворота. Смесь запахов из старого и свежего масла, резины и бензина ударила ей в нос. Из матового стеклянного купола в крыше шел рассеянный свет, подкрепленный неоновым освещением. На многих подъемниках велись работы, голые стены перебрасывались между собой звуковыми рефлексам. Между полками, полными инструментов и запчастей, Брюс Спрингстин боролся с недостатками радиоприемника, диапазон частот которого не заслуживал своего названия. Мег Дэнс шла ей навстречу, на ходу вытирая руки тряпкой. Ее черты озарились:

– Рут!

– Я тут подумала, дай-ка посмотрю, как далеко вы зашли.

– Мы свернули этот ящик налево. – Мег закатила глаза. – Проклятый танк.

Она бросила тряпку на полку и пошла к внедорожнику, стоящему над ямой. Рут не спеша последовала за ней. Мег – темноволосая женщина сорока одного года, с вечно девчоночьим лицом, которое не хочет стареть. Когда Рут приехала сюда из свинцовой духоты Теннесси, автосервис Дэнс уже довольно долго был договорным партнером отдела шерифа для множества случаев криминально-технической экспертизы. Пять лет назад новенькая секретарша автомастерской заняла место на приеме и покинула это место вместе с влюбленным в нее до безумия мистером Дэнсом, чтобы все-таки бросить его сразу после пересечения границы с Колорадо, променяв на порнопродюсера. Мистер Дэнс, жестоко отрезвленный, объявил, что хочет вернуться в Сьерру. Мег дала ему знать, что в случае его появления в первую же ночь познакомит его член с ножницами для обрезания кустов. Мистер Дэнс после этого открыл на краю города Гранд-Джанкшена торговлю шинами и донимал своего адвоката, чтобы тот затеял процесс против Мег из-за ее якобы фригидности. Но суд не успел приступить к рассмотрению дела, как мистер Дэнс после ночного кутежа, окрыленный несколькими промилле, сел в свою машину, въехал в реку Колорадо и утонул. С тех пор автомастерская находилась безраздельно в руках Мег, и она вела дела так, что больше никто не спрашивал про мистера Дэнса.

Рут глянула на часы. Четверть четвертого. Ее первый перерыв в этот день. И не настоящий, но ощущался как перерыв. Еще до прибытия Лютера она спустилась с ручной камерой на дно каньона – вдоль плотно зажатых кусков гранита, края которых выглядели такими свежими, будто только что отломились от отвесной скалы. Она оскальзывалась на зыбких осыпях и пробиралась сквозь колючий кустарник к пологому подлеску, из которого могла заснять падавшего ангела. К тому времени, когда прибыл Джейми, она уже отсняла свой «кубриковский» опус и задокументировала весь ареал вокруг места падения с разных расстояний и под разными углами. Все было бы проще, будь у нее та камера HRD на 360 градусов, какие уже есть у других департаментов, но другие департаменты пользуются и другими государственными вливаниями, а они здесь, в Сьерре, обходились техникой на уровне обитателей ранчо Шило⁶. Последующие замеры и заливка следов, прочесывание местности в поисках волокон, клочков кожи и следов крови отняли у нее всю первую половину дня, в то время как телефон у Кимми перегревался из-за неправильной парковки, бесхозных, лающих или еще как-то привлекаю-

⁶ Имеются в виду персонажи сериала «Вирджинец». – *Примеч. ред.*

щих внимание собак, из-за супружеских ссор – всего этого среза провинциальной жизни, не говоря уже о ложных тревогах разного рода. Хорошо еще, у нее была возможность, завидев в зеркале заднего вида приближение кого-то из местных, нажать на педаль газа, чтобы приступить к патрулированию и избежать встречи с Марианной Хазерли. С тех пор она выпила бутылку воды – поедание тако с курицей в промасленном бумажном пакете на пассажирском сиденье потерпело поражение из-за того, что чувствительный к шуму пенсионер выстрелил из штурмовой винтовки в садовый пылесос соседа и ей пришлось долго увещевать обоих. После этого мастерская была чисто местной зоной отдыха.

Мег взяла с крыши внедорожника подложку с зажимом.

– «Мерседес» G 65 AMG, 6 литров, V12-битурбо, 463 киловатта, крутящий момент 1000 ньютон-метров, максимум 143 мили. Самое мощное, что они сделали. Настоящая хайтек-штучка.

– И тем не менее сломалась, – сказала Рут, уже зная слабость Мег к этим драндулетам.

– Ну это как сказать. То, что мы приташили его сюда на эвакуаторе, еще не значит, что он не способен к передвижению.

– И вы могли бы его снова завести?

– Бывает, бортовой компьютер после такого столкновения отказывает, но ничего. Ударный датчик на месте, в досягаемости.

Рут присела перед радиатором. Дугласия пострадала ощутимо больше. Основную часть удара взял на себя бампер.

– И как быстро она ехала?

– Судя по следам, я думаю, миль двадцать пять – тридцать.

– Это быстро.

– В обычных условиях это тотальное повреждение. – Мег похлопала по радиатору. – Но у нашего сокровища усиленное шасси – я бы сказала, чтобы его не сожрали в парке юрского периода.

– И кому же в Сьерре мог понадобиться такой танк? – пробормотала Рут.

– Я бы предпочла этого не знать.

«Удар был, должно быть, очень сильный, – думает Рут. – Тем не менее женщина смогла выскочить и побежать. По крайней мере, это столкновение не оставило на ней никаких следов. Кузов и ремень ее защитили, но почему она не попыталась снова привести машину в движение? Что, преследователь так плотно сидел у нее на хвосте, что она не хотела терять время в попытках завести мотор?»

– А ключ?

– Ключ зажигания... лежал на заднем сиденье. – Палец Мег скользил по строчкам записей. – Подушки безопасности были отключены. Мы обследовали машину на проделанные манипуляции, отказ тормозов и прочее. Ничего такого. Установка сиденья соответствует телосложению мертвой. Волокна текстиля на обивке, волосы и следы потовыделения на подголовнике, отпечатки пальцев на руле, водительской дверце и на ключе – все проверено. Кроме того, все внутреннее пространство нетронута, как задница Жанны д'Арк. Никаких следов на пассажирском кресле, зато...

– погоди, – Рут заглянула внутрь машины через пассажирское окно, – а что с бардачком?

– М-да. Бардачок.

– Он мог быть открытым?

– Даже если был, не все могло из него вылететь.

– Это значит, что она его очистила.

– Может быть, но тогда силой духа. Возможно, она Буря из «Людей Икс». Понятия не имею. На бардачке мы не обнаружили ни одного отпечатка.

– Совсем ни одного?

– Ну. Хочешь что-нибудь знать про вторую машину?

– М-м...

– Шины идентичные, Goodyear Eagle. По следам можно сделать заключение о весе и колесной базе. Та же модель, если хочешь знать.

– Ты смотри-ка, – Рут подняла брови, – маленькое убийство среди своих.

– Не хочешь ли ты сказать, что это машина какой-то фирмы?

– Да.

– Тогда у нас две служебные машины.

– Когда ты доложила все это в письменной форме?

– Поступит к вам в течение четверти часа. – Мег отложила назад подложку с зажимом. – Все ворсинки и ниточки я отправила прямиком в Сакраменто. Ну и самое лучшее, как всегда, на закуску. – Она вытянула из нагрудного кармана прозрачный пакетик, какие обычно применяются для сохранения следов. В нем поблескивало что-то продолговатое.

– Флешка, – сказала Рут.

– Была зажата между сиденьем и спинкой. Глубоко. Но от нас ведь ничего не утаишь.

Рут разглядывала флешку сквозь прозрачный пластик. Мег стояла рядом.

– Своеобразный штекер, ты не находишь?

– Может быть. – Мег пожала плечами. – Компьютеры – это не по моей части.

– Хватит с тебя и машин, – сказала Рут.

Ореховые глаза Мег блестели, зрачки расширились.

«Ох уж эта Мег», – подумала Рут, не зная, кто из них двоих круче в своем деле.

– Если что-нибудь еще найдешь, звони.

– Ясно.

Мег помедлила, с внезапной спешкой повернулась и строевым шагом направилась в заднюю часть помещения, где ей нечего было делать.

* * *

Рут вернулась к патрульной машине. Высоко над ней в сторону юга перемещалось монотонное гудение. Когда она подняла голову, далекая машина чертила в синеве меловую линию, перекрещивая более бледную, уже старую, так что наверху красовалось протяжное Х. Станным образом обе полосы, казалось, имели не человеческое происхождение, а были выражением универсальной загадки, решение которой устранило бы всякий конфликт, какой хомо сапиенсы когда-либо имели между собой. Скрещение – такое простое, что не требовалось бы более изысканной символики. Одна линия идет туда, другая сюда, следы бледнеют, картографирования это не заслуживает, поскольку собственное направление ты можешь выбирать из множества возможностей. Со своих четырнадцати лет, когда ее тело стало посылать сигналы, Рут чувствовала безучастность природы, которая делает все мыслимые приглашения – и ей плевать, использует ли их кто-нибудь. Зубчатые гребни Сьерра-Бьютс по ту сторону лесистого горного склона могли бы быть спинами окаменевших гигантских динозавров, которые однажды очнутся к жизни и снова поползут в сторону моря, откуда их изгнали сто тридцать миллионов лет назад. Людям, которые поселились в их тени, тогда не придет в голову значение воспоминания, почему мы в этот крохотный миг жизни длительностью с комариный пук отказываем друг другу в существовании, кто мы такие?

Она прислонилась к радиатору, запрокинула лицо к солнцу и отдалась беглому прикосновению ветра. Свободный от желаний, он ощупал лоб Рут, ее скулы, грудь – любовник, не питающий к ней никакого интереса. Ей надо бы думать о более важном, но, словно поезда, порядок вагонов которых перепутали, мысли гроыхали у нее в голове, а сердце билось учащенно. Ощупывающий ветер пробудил в ней воспоминания.

Рут, вероятно, все еще несла бы службу на шерифском дежурстве Мэдисонвиля, округ Монро, Теннесси, безотказно, до конца жизни, если бы однажды днем, когда все помощники шерифа были на выезде по району, в участок не завернул Уиллард Бендьекер, жалкий тип, образец ничтожества.

Она отложила свои воспоминания в сторону. Внезапно ее охватил стыд – быть застигнутой в этот ослепительный раннеосенний благоуханный день за заклинанием духов. Духов, которых Лютер, пожав ей руку, поменял на своих демонов. Когда он склонился над мертвой женщиной, Рут форменным образом чувствовала, как воздух вокруг нее похолодел. Как при частичном затмении солнца, она видела, что краски теряют интенсивность, тогда как театраль- ный свет озарял прошлое. «Ничто не проходит, – думала она. – Современность – это лишь другой угол зрения». Она смотрела в сторону мастерской, но поток мыслей уже начал отгонять ее от размышлений про Мег. Лютер стал с годами ей привычным. Еще привычнее для нее его семья. Она знала, кому должна теперь позвонить. Ее большой палец скользнул по экрану мобильного.

– Хай, Рут! – сказала Тами.

– Хай, дорогая. Где я тебя застала?

– В целительном месте.

– У Дарлин?

– Да. Мы сидим на террасе и пытаемся вспомнить, в каком это было году.

– Давай я отгадаю. Давняя история?

– Сдвоенный урок! Ускоренный марш по гражданской войне и ее отражения в американ- ской истории начала двадцатого века. Я снова детально вспомнила, что думали люди, которые давно умерли.

– Звучит, хм, зашибись.

– Прошу тебя, Рут, – вымученно сказала Тами, – не используй слова, от которых мне самой стыдно.

– Откуда мне знать, что тебе в настоящий момент стыдно?

– «Зашибись» я не говорю уже целый год.

– Я больше не буду.

– Тинейджеры не изобретают новых слов, и нам следует непоколебимо стоять на своем, – поучала Тами, как будто ей самой не исполнилось только что семнадцать лет. – Молодеж- ный язык производит бросовые слова. Сезонная мода. Несколько понятий, которые выдержали испытание временем, ты можешь подсчитать на логарифмической линейке.

– Откуда ты знаешь, что такое логарифмическая линейка?

– Есть еще в обиходе. Речь идет об удовольствии и перемене, понимаешь? Тренировать креативность. Создавать новое. Было – и хватит. Новое. И снова долой. Пока не возникнет консенсус, уточнение, словотворчество, чтобы, например, свести недопонимание до точки...

– Остановись – или замучаешься объяснять каждое недоразумение.

– Я серьезно. Мы слишком мало думаем о выборе наших слов. Знаешь, что сказал Редь- ярд Киплинг? Слова – это самый мощный наркотик, какой только используют люди.

– К тому же такой дешевый.

– Как ты можешь об этом судить, госпожа Стой-стрелять-буду?

Рут засмеялась:

– Ну ладно.

– Я надеюсь, ты не почувствовала себя слишком старой.

– Для этого уж ты мне не понадобишься.

– У вас там все окей?

Она помедлила.

– Хм, да. Но у нас есть что-то вроде убийства.

- Жестко. А как дела у моего отца?
- Позвони ему сама.
- Позвоню. – Короткая пауза. – Точно позвоню.

На заднем фоне Рут могла различить неразбериху голосов. При такой превосходной погоде школьники могли толпиться на солнечной террасе у Дарлин. Ее кафе – любимое место встречи старшеклассников Лойолтона. Тами ходила в одиннадцатый класс. Еще один год – и она будет подыскивать себе колледж, что при ее оценках не должно представлять собой проблему. В настоящий момент она присматривается к Беркли или Стэнфорду и, главным образом, к идее когда-нибудь получить Нобелевскую премию по биологии.

- Послушай, – сменила тему Рут, – ты могла бы помочь нам в одном деле.
- Конечно.
- У нас есть одна улика. – Она повертела пакетик в пальцах. – По всей видимости, это флешка. Немного футуристическая, с дисплеем и некой кнопкой...
- Ключ ID.
- Хорошо, эм-м, штекер выглядит иначе, чем у тех флешек, к которым я привыкла.
- Меньше?
- Да.
- Скругленные углы?
- Точно.
- Тип С. Скоро станет новым стандартом.
- И куда это втыкать?
- В настоящее время есть один-единственный ноутбук от Apple, который предлагает такую опцию. – Самодовольный тон Тамми и искусственная пауза позволяли предположить, что будет дальше. – *Чисто случайно* у меня есть такой прибор. Итак, если вы познакомите меня с деталями следствия, я могла бы взаимно... – Она подвесила фразу в воздухе, не завершив ее.
- Это должен решить твой папа, – сказала Рут.
- Когда вам понадобится компьютер?
- Еще сегодня.
- Хм. Как глупо. Итак, я бы приехала, но не знаю, найду ли я кого-то, кто сгоняет со мной быстро в Даунивилль, собственно, это было запланировано только на среду...
- Я приеду за тобой. – Рут раздумывала. – Твой папа меня привезет.
- А с Лютером действительно все хорошо?

С тех пор как Тами перешла в статус «взрослая», она называла своего отца по имени. Из уважения, как она говорит, чтобы не сводить его до уровня функции. И Тами могла быть очень взрослой. Видимо, она научилась этому рано, как и Лютер, хотя учебный процесс Тамми протекал при гораздо более болезненных обстоятельствах. Рут знала слишком хорошо, что девочку не проведешь.

- Я надеюсь на это, – сказала она.
- Как-то ты неуверенно отвечаешь. Умный ребенок.
- Твой отец – самый сильный человек, какого я только знаю. Не беспокойся за него и не рвись сюда, а позвони ему, окей? Я знаю, он обрадуется.
- Окей.
- Спасибо, Тами.
- Прекрати уже. Ты не должна благодарить за то, что я позвоню собственному отцу.
- Я дам знать, прежде чем мы выедем.
- Еще кое-что, – сказала Тами. – Учтите, что флешка закодирована. Ключ ID может открыть только авторизованный владелец.
- Рут кусала нижнюю губу.

- С этим будут трудности.
- Почему?
- Если все действительно зависит от владелицы, ее уже нет в живых.
- Понимаю. А ее труп имеется в наличии?
- Да.
- Тогда не все так плохо.
- Не все?
- Нет. Просто прихватите ее правый большой палец.

* * *

Лютер двигает детальки пазла по синему небу в надежде, что сложится картинка. Первая деталька пазла: машина принадлежит «Нордвиску», хайтек-гиганту из Пало-Альто. После того как Марианна придала мертвой более-менее презентабельный вид, установление ее идентичности не должно стать проблемой, если она действительно работала на «Нордвиск». Деталька пазла два: она прибыла с восточной стороны, где находится территория «Нордвиска». Третья деталька: стремительный конец ее поездки говорит о недостаточном знании местности и о действии в панике, потому что вторая машина ехала за ней по пятам. В-четвертых, смерть наступила между полуночью и часом ночи. За полчаса или за час перед тем у нее состоялась разборка с применением физической силы. Это совпадает с тем временем, которое требуется водителю, чтобы проехать из Сьерра-Вэлли вблизи границы с Пламасом до места бедствия, если учесть, что они жали на газ, значит, борьба могла состояться еще на территории «Нордвиска». В-пятых, бардачок был очищен – возможно, ею самой, но тогда почему она оставила там единственный предмет, который мог бы ей пригодиться, а именно софитную лампу?

Потому что это *не она* рылась в бардачке. А ее преследователь. Что он искал? Нечто фрустрирующее для него. Он потерял свою добычу в ночи, он не может быть уверен, что она мертва, и пока не перепроверяет. Для этого ему пришлось бы спуститься вниз, к реке, а в крошечной темноте и в дождь это бессмысленно. И хотя на рассвете он мог бы организовать лодку, но тут уже появляются первые туристы, и поэтому он поехал назад, на восток.

Но куда именно? Назад, на тот пресловутый участок? Верно, там наверху что-то есть. Какое-то сооружение, скрытое в лесу. Карл рассказывал о нем? Лютер никогда не бывал на том лесном участке, даже самый сведущий помшерифа не может знать каждый уголок такой громадной области, как Сьерра, почти сплошь состоящей из непроходимой природы. Никогда не всплывало название «Нордвиск инкорпорейтед». Однако похоже на то, что ключ к преступлению – именно «Нордвиск».

Лютер слушает трепет звездного флага и смотрит, как горизонт со стороны океана становится молочно-мутным, как будто там вырастает могучая стена из пены. Когда позвонила Рут, чтобы доложить результаты обследования автомобиля, на свое место встали и другие детальки пазла, и теперь он был полностью уверен: кто-то обыскивал машину и стер отпечатки своих пальцев, а флешку за обивкой сиденья не заметил. Затем Рут объяснила ему проблематику ключа ID.

– И как Тами себе это представляет? – спросил он. – Мы должны отрезать большой палец этой дамы?

- Но ведь это ничего не изменило бы, – пролепетала Рут.
- Да ты в своем уме?
- Сэр, да, сэр! Нет, сэр!
- Ты когда-нибудь пробовала запустить эту штучку?
- Да откуда, размышлялся? Я вот только что запустила свою стиральную машину, да и та музейной модели.

- Твоя задача только выяснить, появится ли что на дисплее.
 - Она такая крошечная, что может выткнуть глаз полевой мышке. Мы вставим флешку в этот проклятый ящик типа С и посмотрим, что будет.
 - Ну ладно, – сказал Лютер. – Я так и так собирался в Лойолтон.
 - Зачем?
 - А тебе есть до этого дело?
 - Это я смогу решить, только когда буду знать.
- Лютер вздохнул.
- Меня мучает совесть из-за Дарлин, и по Тами я скучаю каждый день, когда ее нет дома.

Довольна?

- Пока не совсем.
- Кроме того, у «Нордвиска» в Сьерра-Вэлли есть земельный участок близ Пламаса.
- «Нордвиск»? – удивленно повторила Рут. – И где же там?
- Вот и я спрашиваю где.
- Там же сплошь только фермы и птицы. Больше птиц, чем ферм.
- Фиббс раздобыл запись в поземельной книге и план расположения. Мы осмотрим это место, попробуем открыть флешку, а если она не откроется, мы прихватим Тами вместе с компьютером, поедем к Марианне и поднесем большой палец этой...
- Неправильно. Ты поедешь к Марианне.
- Знаешь что? Твоя антипатия уже становится смешной.
- Тогда все на месте. Я так и так чувствую себя очень смешной во всем.

Лютер удержался от спонтанного замечания. Что-то в тоне Рут подсказывало ему, что происходящее не было частью их обычной перебранки.

- Моя помощь понадобится? – осторожно спросил он.
- Jim Beam⁷ может помочь. – На несколько секунд воцарилось молчание. – Ах, пустяки, забудь. Не время для этого. Ты уже знаешь, когда мы поедем в Лойолтон?
- Я буду через двадцать минут.

Он закончил разговор. Ветер трепал его рубашку и штанины. Солнце сместилось на запад, свет стал теплее и мягче. На обветренных обломках скал светился оранжево-желтый лишайник. Дикие цветочки пробивались из трещин гранита, холмы сверкали в изношенном великолепии травяного ковра, испещренного обломками; карликовые кустики, ежевика и вереск цеплялись за камни – переплетенное сообщество живучести. Каждый цепляется за то, что находит.

Ему надо было спросить Рут, не поедет ли она с ним после работы поужинать в салун «Резиденция св. Чарльза». Помимо того что он беспокоился за благополучие Рут, ее проблемы могли бы заслонить собой его собственные. Он пошел назад, на обзорную платформу, но остановился на полпути и глянул вниз на тропу, усеянную камнями, которая вилась среди последних пятен снега через долину и на противолежащий склон светящейся линией, пока ее внезапно не поглощали ели. Между спинами гор взгляд падал вниз, скользил по Гудиер-Бару, чтобы потом снова вспорхнуть вверх, на отдаленные горы к югу от Северной Юбы. По мере удаления вездесущий лес казался Лютеру изрубцованной шкурой организма, который простирался за пределы постижимого, некоего гигантского зверя, чье дыхание, казалось, исходило прямо из недр земли и исчезало за пределами человеческого ощущения времени. Он не мог сказать, происходит ли эта картина целиком из его фантазии, поскольку Рут ему недавно призналась, что видит в наслоениях Сьерра-Бьюттса коматозных динозавров, но какую роль это может играть, это просто похоже и красиво.

⁷ Марка виски.

По дороге назад он набрал номер автобазы «Нордвиска». Сотрудница проверила номер и подтвердила, что речь идет об их фирменном транспортном средстве.

– А сколько у вас таких крутых «мерседесов» G-класса в Сьерра-Вэлли? – спросил Лютер. Она ответила не сразу.

– Шесть.

– И каждый выезд документируется?

– Разумеется. Если вы мне скажете, что именно произошло, я смогу...

– Тогда мне потребуются данные по движению всех ваших транспортных средств за последние сутки, – перебил ее Лютер и дал ей имейл-адрес отдела шерифа. – Время выезда, цель, водитель. Аварийная машина находится на криминально-техническом обследовании в Сьерра-сити, мы дадим вам знать, когда вы сможете забрать машину.

– Кто-нибудь пострадал?

Он дал ей описание мертвой.

– О, это... мне очень жаль. – Кажется, ответ ее затруднил. – У нас в системе сотни сотрудников, имеющих доступ к машинам. Мало кого из них я знаю лично.

– Вы же разрабатываете программы для автомобилей без водителя, верно?

– Для пилотируемых машин, – поправила она. – Среди прочего.

– Автомобиль, который мы обнаружили въехавшим в дерево, не показался мне таким уж пилотируемым.

– Большинство наших машин электроприводные и автономные.

– И в Сьерре тоже?

– Конечно. – Она помялась. – То есть частично у нас в эксплуатации есть специальные машины.

– И почему?

– Особые требования.

– Если вы имеете в виду особенности местности, то хватило бы и обыкновенных внедорожников.

– «Мерседес» производит обычные внедорожники.

– Но не в исполнении «звездный крейсер „Галактика“».

– Это... – Ему было слышно, как слова застревали у нее в горле. – Мне очень жаль, сэр. Мне действительно очень жаль. Я не уполномочена разговаривать о Сьерре.

– А я уполномочен. Я тут шериф.

– Понадобится время, чтобы найти в системе женщину, подходящую под ваше описание.

– Как я это вижу, ваша система должна по одному нажатию кнопки выплюнуть данные выезда соответствующей машины, и вы бы очень быстро узнали, кто выезжал на ней в последний раз.

Учащенное дыхание перегрузки доносилось до его уха.

– Это... итак... – Прошло несколько секунд. – Боюсь, что по последней ночи нет данных. «Я так и думал».

– Тем не менее пришлите то, что есть, мне на работу. И дайте мне, пожалуйста, номер вашего отдела кадров. Причем кого-нибудь уполномоченного.

Женщина по имени Кэти Риман, с которой он говорил после этого, действительно оказалась другого калибра.

– Как, вы сказали, ваше имя?

– Помшерифа Лютер Опоку, департамент шерифа округа Сьерра.

– Где я могу это перепроверить?

– На нашем сайте. Я там обозначен, с портретом.

– Но вы можете быть кем угодно.

– Верно. Лучший способ это выяснить – приедете за триста миль на северо-восток, если я вас вызову в качестве свидетеля. Хотите сидеть у меня в отделе уже завтра утром? Кофе у нас превосходный.

– Умерьте пыл. Ваши полномочия не распространяются на Пало-Альто.

– Да, но эти полномочия есть у наших друзей в тамошнем департаменте. Поверьте мне, я быстрее наколдую заявку на служебную помощь, чем вы закажете билет на Сакраменто. А оттуда еще час езды на машине.

– Вы же понимаете, что я не могу просто так раздавать закрытую информацию. – Ее тон стал мягче. Можно было даже сказать, она пожертвовала пешку. – Вы даже не представляете себе, чего только люди не делают, чтобы получить доступ к нашим данным.

– Тогда просто позвоните в отдел шерифа в Даунивиле, – сказал Лютер, тоже беря примирительный тон. – Они вас свяжут со мной, и вы получите ваше доказательство.

«Моя пешка», – подумал он.

– Я думаю, мы обойдемся без этого, помшерифа, – милостиво сказала она. – Вы говорили об умершей персоне?

– Которая, возможно, работала у вас. В Сьерре.

– Это не так-то просто отделить. Все сотрудники зарегистрированы в Пало-Альто.

– А нет представителя в Сьерра-Вэлли?

– Не напрямую.

– К этому мы еще вернемся. – Он еще раз описал мертвую, не скупясь на детали. С тем эффектом, что Кэти Риман совсем раскрылась.

– Как это ужасно, – сказала она, и это звучало совершенно непрофессионально взволнованно.

– У вас есть предположение, кто эта женщина? – спросил Лютер.

– Возможно. Я надеюсь, что ошибаюсь.

Лютер ждал.

– Послушайте, помшерифа Опоку, – сказала она, глубоко вздохнув, – я не хочу разбрасываться именами, пока не смогу удостовериться полностью.

– Это нормально. Мы пошлем вам ее фотоснимки.

Он записал себе ее имейл, связался по радиации с Даунивилем и попросил Кимми отсканировать фотографии и послать Кэти Риман.

– Мне незачем их сканировать, – сказала Кимми, и он так и увидел ее ямочки, маленькие руны радости, что она эти снимки, да, действительно не должна сканировать.

– Нет?

– Нет.

– Для этого наверняка есть какая-то причина.

– Марианна их отправила в цифровом виде. Ох, Лютер, мы получили запрос из-за дополнительного патрулирования. С кемпинговых площадок наверху у Бьюттса: там шарятся какие-то подлые типы и крадут одежду. Две женщины не могут выйти из воды: когда они купались в Золотом озере, кто-то у них все украл, даже *трусики!* – Кимми понизила голос. – Итак, они купались голые, за такое мы должны бы их наказать, но в данном случае придется закрыть на это глаза, только теперь другая проблема: Такер испортил себе желудок...

– При эксгумации кошки?

Кимми засмеялась:

– Он был хорош, Лютер, а Карл позвонил и сказал, что на целую неделю возьмет себе больничный. – Она откашлялась. – И это уже не так весело.

– Этот вопрос мы урегулируем позже, Кимми.

– Но я должна туда все же кого-то отправить.

– Мы найдем решение.

– Потому что Пит же патрулирует в Келпайне, а у Робби три дня подряд ночная смена, у Рут даже еще больше, а Джейми на дне рождения у брата в Рено...

– Я знаю.

– Или мне им сказать, пусть сами ищут свои шмотки?

– Нет, мы позаботимся об этом. Мы что-нибудь сделаем, Кимми. Что-нибудь.

Кимми не сдавалась:

– И что именно?

«Ну, что... – вертелось у Лютера на языке. – Мы найдем еще кого-нибудь, мы же купаемся в государственных дотациях, подумай только, до вечера мы сидим тут, четверо помощников в свежестриженных униформах, и не знаем, куда деваться с вашим гребаным адреналином».

– Скажи им, я приеду к семи и посмотрю.

– О, круто! Супер, супер. – Кимми, которая терпеть не может передавать плохие новости. – Где ты сейчас вообще, Лютер?

– Недалеко от автострады. Через десять минут буду в конторе. Мы там встретимся с Рут и поедем в Лойолтон. Я увижу тебя?

– Нет, я уже к тому времени уйду. Но Дон здесь и возьмет на себя.

– Окей.

– Действительно окей? – осторожно переспрашивает она.

– Конечно. Спасибо, что ты задержалась подольше.

– Потому что Вилли захотел, чтобы мы пожарили на гриле. Раз погода такая хорошая. И мне надо еще купить колбаски и бургеры, и для салата у меня еще ничего нет...

– Тогда беги, Кимми. Удачи вам обоим.

Он вздохнул. Его жизнь – сплошное упражнение в одобрении. То ли дело представлять собой государственную власть в объединенном фронте против зла, однако правда такова, что на реке Юбе нет никакого государства, только границы с Невадой и соседними округами. Никто в Вашингтоне ни хрена не беспокоится о Сьерре. Они тут девять с половиной против тех, кому нравится совершать преступления против ближнего, продавать наркотики, врать, воровать, грозить, ранить, убивать или красть нижнее белье, и, в то время как их в департаменте никак не становится больше, другая сторона являет собой полную противоположность.

Когда он въезжает в центр города, ему звонит Тами, чтобы спросить его, когда они будут в Лойолтоне.

– Через час, Там.

– Отлично. Ноутбук у меня с собой, встретимся у бабушки. И не зови меня Там.

– Извини.

– У тебя все в порядке?

– Все в лучшем виде.

– Правда, Лютер? – Ага. По имени. – У тебя все окей?

– Лапочка, твоя бабушка по случайности приходится мне мамой, то есть мать у меня уже есть, спасибо за заботу.

– О господи! – взрывается Тами. – Вот как раз поэтому мне редко приходит в голову тебе позвонить и спросить, как у тебя дела. Всякий раз получаю эти дурацкие отповеди.

Лютер паркуется у отделения. Рут стоит, скрестив на груди руки, откинувшись на радиатор своей патрульной машины, и коротко вскидывает руку в приветствии. Ее рыжеватые локоны сияют, как будто накопили в себе запас солнечного света. Темные очки Ray Ban отгораживают ее взгляд.

– У меня правда все в порядке, сокровище мое, – заверяет Лютер.

– Рут говорит, у вас там убийство, – не унимается Тами.

– Что-то вроде того.

- Что значит «что-то вроде убийства»?
 - После тебе объясню.
 - Надеюсь. Иначе мое гнездо типа С в компьютере непременно заклинит.
- Лютер закатывает глаза. Рут подходит, снимает темные очки и смотрит на него сбоку:
- Все в порядке?
 - Ну вот только ты еще не начинай, – рычит он.
 - Окей, окей.
 - Скажи-ка, ты что-нибудь рассказывала Тами про меня?
 - Только то, что ты самый сильный человек из всех, кого я знаю.
 - Да, – Лютер вздыхает и выезжает назад на дорогу, – вот этого я и боялся.

* * *

Тами может вспомнить время до того и, конечно, время после того, но не сам день. Иногда она представляет себе, что зияет некая дыра, наполненная туманом пропасть. Но «прежде» и «после» сливаются воедино, разве что вдруг все становится другим – и это, собственно, еще гораздо призрачней, чем заглянуть в черную дыру амнезии. Наверняка бесшовный вариант имеет свои преимущества, если бы при этом не оставалось ощущения, сбивающего с толку и высмеивающего всех участников, что никакой катастрофы вообще не было.

Перед этим было состояние порядка, определяющим признаком которого была высокая мера присущего ему беспорядка, как если бы, например, кто-то написал большое слово «да» из множества маленьких «нет». За сердечностью следуют спор, неопределенность и страх, заверения и угрозы, распад и еще бо́льшая искренность. При этом в центре урагана стояла Тами, поскольку каждый из окружающих старался держать ее подальше от семейных турбуленций, которые как раз она вообще и вызвала своим существованием. В игру вступила Дарлин, чья бабушкинская забота действовала как поле тяготения, которое физика домашних ссор хотя бы иногда выводит из действия. Тами между тем проводила в Лойолтоне недели, и это ничего не меняло в том, что Сакраменто, где она родилась и выросла, она воспринимала как свой дом. Она знала, частью кого и чего является.

Когда она стала достаточно взрослой, чтобы понять, что буря разыгрывается всегда заново, то есть достаточно взрослой, чтобы разглядеть свое невольное действие на это – например, сама она никогда не выдвигала требование, чтобы ее отец больше не подвергал свою жизнь острой опасности, а предоставляла это заботам матери, – она взвешивала опции: быть раскольницей или примирительницей. Роль раскольницы предполагала быть на одной стороне, чтобы вину приписывать другой, втайне усматривая эту вину за собой, потому что без нее не было бы и самой неприятности. Запутанно и саморазрушительно. В качестве же примирительницы попадаешь в домашний дефицит, никого не делаешь своим врагом – наоборот, считаешься умным и понимающим, заслуживаешь моральный кредит. Поскольку Тами любила мать и отца одинаково, выбор давался ей нетрудно. Никто из двоих ее не предавал, так что она приняла то, что семья переехала в сонный Даунивилль, и – после того как и это не спасло брак – перебралась с матерью назад в Сакраменто, тогда как Лютер остался в Сьерре, где Тами могла его навещать, когда хотела. И это было нормально. Пусть ее родители и были разведены, но любовь обоих давала ей защищенность, а она давала утешение обоим по мере сил. Мир был в порядке, по крайней мере, до ее одиннадцатого года жизни. После этого порядок пропал.

* * *

– Тем не менее она стала нормальным подростком, – сказала Рут. – Только таким, который задумывается.

– Так и должно быть, – ответил Лютер. – Но обо мне меньше.

– Почему о тебе меньше?

– Потому что это моя задача – быть тут для нее, а не наоборот.

– Глупости. – Рут действительно казалась рассерженной. – Я едва могу поверить своим ушам. Ты говоришь такие примитивные вещи.

Лютер молчал. Он был бы рад, если бы Рут направляла свою неудовлетворенность на что-нибудь другое, а не на него. И ему было бы гораздо спокойнее, не будь она не так однозначно права.

– Ей уже семнадцать, – обессиленно сказал он. – Ей нужна опора.

– Вы годами давали друг другу опору. Ты никогда от нее не отгораживался – и теперь ты вдруг будешь мне внушать, что бедняжку не надо грузить?

– Да чем же грузить?

– Ах, перестань! Что плохого в том, что она присмотрит за своим отцом?

– Честно говоря, я не знаю, о чем ты вообще говоришь.

– Это ты-то не знаешь, о чем я говорю? – Рут издала фыркающий смешок. – Может, годы назад тебе следовало бы держать язык за зубами, когда ты грузил меня историей своей жизни.

– А ты грузила меня своей.

– Но Тами всего лишь хочет знать, как ты себя чувствуешь.

– После того, как ты ей сказала, что я самый сильный человек на свете. Это приблизительно то же, что сказать: у папы есть проблема.

– А у тебя есть проблема?

– А у тебя?

Лес заметно поредел. Вот уже добрых двадцать минут автострада вела их на восток – высокими подъемами и затяжными прямыми, в окружении сосен и елей, между которыми высились пагоды калифорнийского лавра, красного дуба и растрепанных черных дубов. В местности вокруг Базета, где русло Северной Юбы внезапно сворачивает на север, они следовали сужающемуся зигзагу дороги в сторону перевала, оставляя позади изрезанный, пронизанный лиловой тенью массив Бьютса. Теперь взгляду открылся Сьерра-Вэлли, который некогда был огромным озером, пока осадок не заполнил его и не создал цветущий речной и пойменный ландшафт. На востоке к нему примыкали холмы, изборожденные болотами. Там, на последних наружных постах перед границей с Невадой, и находился Лойолтон.

Лютер загнал машину в углубление и остановился, не заглушая мотор.

– Что такое, Рут?

– А что такое? – Ее тон потерял остроту, голос звучал устало и как-то растерянно. – Я видела тебя сегодня утром, Лютер. Тебе было больно. Мертвая женщина. Я знаю, это все далекое прошлое и это исключительно твое дело, но, по моему опыту, это прошлое похоже на подводное землетрясение, которое рассылет волны через большие промежутки. Со временем они теряют амплитуду, но приходят. Приходят снова и снова. Я именно это имела в виду, когда говорила Тами, что ты самый сильный человек, какого я знаю, но ты, черт бы тебя побрал, еще и самый одинокий.

Лютер задумался над ее словами. Потом заглушил мотор.

– Я хочу, чтобы у Тами зажили шрамы, Рут. Чтобы она никогда никоим образом не чувствовала себя ответственной.

– За что же ей чувствовать себя ответственной?

– Плохо ты знаешь подростков.

Рут скривилась:

– Хорошо, я знаю подростков плохо, я же никогда не была подростком.

– Я не это имел...

– Только ты ее недооцениваешь, если думаешь, что она не видит тебя насквозь каждую секунду.

Лютер надул щеки, потер двумя пальцами переносицу.

– Я просто думаю, она должна знать, что со временем будет лучше.

– И будет. Только не потому, что ты так делаешь.

Он молчал.

– Послушай, Лютер, – она подалась вперед, – ты доказал свою силу, каждый день продираясь сквозь трудные времена, но ей не нужен Железный Человек в качестве отца. Ты не понимаешь? Окажи ей уважение, дай ей принять в этом участие. Чтобы она не чувствовала себя погано, если проявит слабость у тебя на глазах. Иначе именно она будет одинокой. – Рут сделала паузу. – О господи, почему я вообще должна тебе это объяснять? Я тут говорю тебе какие-то прописные истины одну за другой.

– Ну и продолжай.

– Не хочу больше.

Он положил ладони на руль и на какое-то время закаменел.

– Ладно, ты права. До меня дошло.

– Ну наконец-то. – Рут откинулась на спинку сиденья. – Ты поймал волну. Я знала.

– Да, и волна большая. И как всякая волна, она приходит и уходит. Ты права, я это принимаю, но Тами не должна подхватывать каждую волну, пока я прочно стою на доске.

– «Прочно». – Она подняла брови.

– Да, а что, относительно прочно.

Море ее веснушек пришло в движение. От уголков глаз разбежались морщинки смеха.

– Но я был бы рад, если бы мы сегодня вечером пошли вместе поужинать в «Резиденцию святого Чарльза», – сказал он. – Как ты на это смотришь?

– Я умираю от голода!

– Хорошо! Я тебя приглашаю. Тебя и Jim Beam.

Рут посмотрела на него, и на долю секунды Лютер уловил в ее глазах вспышку, которая ему не понравилась. Наверное, просто блик. Солнце.

* * *

Ярое око небес, молочно-белое за дымкой. Влажная тяжелая жара.

В августе 2010 года над Монро, штат Теннесси, колыхался такой колокол праисторического климата, в котором можно было бы высидывать яйца динозавров, а всякая мысль и действие замедлялись до полной стагнации, тогда как все отсталое зарождалось, привнося в воздух свои испарения, зловоние порчи, мерзости и грубого насилия.

И алчность размножалась в этой жаре. Алчность, которая выступала на свет как пот.

В один из этих дней у Рут уже при первом утреннем шаге за дверь возникло чувство, что она вошла в стоячий фронт горячей воды, в которой по непонятным причинам хотя и можно было дышать, но больше ничего нельзя было делать. Практически каждый боролся с нарастающим давлением на грудь, которое ворочалось перед сдерживанием, перед жгучим требованием и неудержимой тоской. Словно противодействие, из церкви доносилось пение – и глохло в духоте, которая не ослабевала даже ночью, когда грозовые громады нависали прямо над Аппалачами, желтовато пульсируя, но не проливая ни единой капли дождя.

Вентиляторы в отделении шерифа перемешивали горячий воздух, словно суп. Рут дежурила одна.

Три дня назад она по делам расследования ездила к дому Уилларда Бендьекера, в котором помшерифа жил со своей женой Алисией. Домик был красивый, по-южно американски окруженный верандой, хоть сейчас снимай его в экранизации романа Джона Гришэма в качестве

образца буржуазного благосостояния. Наступающий вечер вибрировал от пения тысяч цикад, пялившихся в сумерки. Этот непрерывный треск, который туристы находили романтичным, пока он не начинал сводить их с ума. Рут, дружившая с Бендбекерами, хотела, собственно, вручить Уилларду один акт, но тот был на рыбалке. «В такую жару, – сказала Алисия, – рыбам можно позавидовать: хоть с крючком в губе, лишь бы в воде», – и принесла два огромных стакана чая со льдом.

Два часа спустя, когда чай со льдом уступил место элю со льдом, который, казалось, рос в холодильнике Алисии, как в огороде, Рут уже имела представление о причине бездетности Бендбекеров.

Спустя еще один час, с водкой Ole Smoky Moonshine в стакане и уже без способности ясно мыслить, она знала, что Уиллард регулярно поколачивает свою жену, а также почему он ее поколачивает, точнее, почему считает, что ее следует поколачивать.

По мере подливания виски она узнала, что связывает ее с Алисией.

После новой добавки вращающееся в ней чертово колесо спросило, как теперь быть со всем этим.

«Не „быть“, – подумала она на третьей мертвой петле, – а „как я хочу с этим поступить!“» На что не так просто было ответить, потому что она жила самоотверженно трезво, если не считать пары пугливых опытов в старших классах и одного-единственного тайного романа в студенчестве. Для этого были основания: одинокая женщина на службе в полиции, к тому же с внешностью Рут Ундервуд – достаточно женственной, чтобы коллеги интересовались ее личной жизнью в намерении обогатить ее, но и смущенно держались на дистанции, потому что угловатое, жилистое тело и жесткость ее черт все-таки слишком выпадали из привычных рамок и к тому же не посылали ободряющих сигналов, – хотя каждый и ожидал от нее всякой мыслимой обиды, но самое естественное никому не приходило в голову.

Цикады наполняли вечер своим гипнотическим пением. Над Аппалачами гремел театральный гром.

Уиллард позвонил и доложил, что он с друзьями продолжит рыбалку в салуне, так что пусть Алисия ложится спать одна.

Что она и сделала.

* * *

Солнечный блик исчез из ее глаз, будто она его сморгнула, и Лютер терпеливо ждал.

– Что? – спросила Рут.

Он пожал плечами:

– Ничего.

– Да не бойся меня. – Она забилась поглубже в свое сиденье. – Мне вообще нравится Мег Дэнс.

– И что на это говорит Мег?

– Она говорит: «Турбонагнетатель, крутящий момент, впрыскивание во впускной коллектор». Мег говорит только о машинах.

– А ты расскажи ей про Лупе Вальдес, дочь мигранта: полевые работы, колледж, университет, специалист по уголовному праву и криминалистике. С 2005 года в ее руках департамент шерифа округа Даллас, и она привнесла новый облик в подчиненную ей организацию, погрязшую в коррупции. В традиционном понимании ценностей славных техасских парней она объединяет в себе чуму, холеру и чесотку с заразным кашлем: женщина, испанских корней, демократка.

Всеми почитаема и любима.

– Классный пример, – сказала Рут. – Если ты знаешь сходную биографию хозяйки автомастерской из северокалифорнийской провинции, мне было бы интересно послушать. – Она надела свои черные очки, что, как известно, надо было понимать как окончание разговора. – Давай-ка посмотрим эту флешку типа С. На всякий случай зажму большой палец.

– Что-что зажмешь? – раздраженно спросил Лютер.

– Езжай давай. Это была шутка.

По дороге на Сьерравиль Лютер получил, наконец, давно ожидаемый звонок из «Нордвиска».

Долина сияла в свете послеполуденного солнца. Эту долину, состоящую сплошь из лугов и пастбищ, можно было представить в виде озера, гладкого и резко отграниченного от лесистой береговой линии гор. Автострада «Золотая цепь» пересекала южную бухту ареала, окруженная телеграфными столбами, похожими на церковные кресты, и милями тянулись проволочные ограждения пастбищ. Коровы с пустыми белыми мордами и розовыми ноздрями смотрели вслед патрульной машине, фермы и амбары жалась к земле под осинами. Он вставил мобильник в держатель на средней консоли и включил громкую связь.

– Помшерифа? – надменный алыт Кэти Риман. – Соединяю вас с Хьюго ван Дэйком. Минуточку.

Петля ожидания. Рут нахмурила брови:

– Ван Дэйк?

– СЕО, генеральный директор. – Лютер вызвал в памяти бумаги Фиббса. – Погоди, как там было? Нордвиск передал управление концерном ван Дэйку и полностью перестроился на развитие производства. Несколько лет назад. Ван Дэйк вывел лавочку на биржу, теперь они готовят обратную замену. «Нордвиск» снова становится полностью автоматизированным офисом, ван Дэйк уходит, я думаю, в совет правления...

– Шериф Опоку? – прозвучало в громкоговорителе.

– На связи.

– Это Хьюго ван Дэйк. Извините, что я заставил вас ждать ответа. – Голос оказался превосходно модулированным и настолько лишенным всякого диалектного акцента, что создавалось впечатление, будто слушаешь киноактера.

– Это ничего. Спасибо, что нашли время позвонить.

– Ну еще бы. Кэти боится, что между вами могли возникнуть какие-то недоразумения. Я надеюсь, она вас ничем не задела.

– Ни в малейшей степени.

– Само собой разумеется, мы и здесь уважаем ваш авторитет. И если у вас сложилось обратное впечатление...

– Мисс Риман держалась вполне корректно, мистер ван Дэйк. Фотоснимки до вас дошли?

– Они лежат передо мной.

– И вы могли бы идентифицировать женщину?

– Да. Поэтому я и звоню сам. Покойная была ближайшей и важной сотрудницей нашего предприятия. – Лютеру показалось, что в жемчужно-ровной последовательности слов был крохотный слом, короткая запинка после «покойной», как будто ван Дэйку тяжело было смириться с тем, что он больше не увидит свою сотрудницу живой. – Ее имя Пилар Гузман.

Возникла секундная тишина. Как всякий раз, когда безымянный труп снова превращается в человека, обладавшего личностью и жизнью. Возвращается нечто вроде достоинства личности, она больше не объект на столе для вскрытия.

– Какую работу у вас выполняла мисс Гузман, мистер ван Дэйк?

– Она была руководительницей проекта.

– В Сьерре?

– Среди прочего.

– Не могли бы вы мне объяснить, что там произошло прошлой ночью?

– Нет, шериф. Не могу.

– М-да, что бы то ни было, в качестве прямого или непрямого следствия она устроила несчастный случай и упала в пропасть.

– Ужасно. Мы стараемся реконструировать события.

– Мисс Гузман, значит, была в Сьерре неофициально?

– Иначе бы я знал.

Они проехали Сьерравиль, это было делом одной минуты. Местечко объединяло две сотни жителей, и выдающейся особенностью был единственный светофор на всю округу, он загорался красным и был необходим приблизительно как полосы «зебры» в Антарктиде.

– Мне не хочется это говорить, мистер ван Дэйк, но нельзя исключить, что ваша сотрудница стала жертвой преступления.

Возникла пауза.

– Кто же мог иметь что-то против Пилар?

– Это вопрос скорее к вам. Мне необходимо ее личное дело. Имена и адреса ее близких и коллег. И еще бы я хотел знать, что такого делает «Нордвиск» в моем округе и что именно было там задачей мисс Гузман.

– Мы всеми силами окажем вам помощь.

– Как мне попасть на вашу территорию?

– На какую? Пало-Альто или Сьерра?

– Сьерра.

– В настоящий момент никак. Там сейчас только охрана.

– Прежде всего там доказательный материал, сохранность которого я должен обеспечить. Ван Дэйк помедлил.

– Я не могу допустить вас ходить без должного сопровождения по территории высоко-сложных исследовательских сооружений, шериф, как бы мне ни хотелось раскрыть обстоятельства ужасной гибели Пилар. Вы там, на ферме, не сориентируетесь, и наша служба безопасности обладает там известной верховной властью. Разве что у вас есть прокурорский ордер на обыск.

– Я могу его добиться, – сказал Лютер. – Но, честно говоря, мне была бы симпатичнее кооперация с вами.

– Абсолютно! – заверил ван Дэйк. – Давайте договоримся прямо на завтрашнее утро – или нет, погодите... Оставайтесь на линии, я попытаюсь ускорить дело. – Его голос сменился сферической музыкой.

Рут и Лютер переглянулись.

– Он назвал это «фермой»?

– Похоже, так они называют свой исследовательский комплекс.

– «Верховная власть», – фыркнула Рут. – Я думала, мне примерещилось!

Лютер почесал висок.

– Он прав, мы не можем так просто туда заявиться. Кто знает, как велик этот комплекс. Может, всего департамента не хватит, чтобы обыскать только мужские туалеты. Это значит, мы должны затребовать команду спецназа из Сакраменто, а при нынешнем положении дел с предоставлением доказательств я как-то не вижу прокурорский ордер лежащим у меня на столе. Поэтому...

Убаюкивающий поток атмосферного саундтрека истончился, и ван Дэйк снова был на проводе.

– Послушайте, шериф, я могу вылететь из Пало-Альто через час. В Сьерре я буду на вертолете между шестью и половиной седьмого, как вы смотрите на это?

– Это было бы великолепно, – сказал Лютер.

– Я проведу вас по комплексу и гарантирую, что вы там получите ответы на ваши вопросы.

– Где мы встретимся?

– Ферма находится в четырех с половиной милях к северо-востоку от Келпайна. Поезжайте вверх по Келпайн-роуд, на Т-образном перекрестке сверните налево и проезжайте еще одну милю по Уэстсайд-роуд до поворота на Форест-роуд.

– Но эта дорога ведет к сельскохозяйственному предприятию, – сказала Рут. – Это и есть та ферма, о которой мы говорим?

– Нет.

«Меня бы тоже удивило, – подумал Лютер. – Тогда бы там был старый Херб, лесоруб по семейной традиции, а с недавнего времени предприниматель-программист. Херб, у которого нет даже мобильного».

– Ждите меня на повороте, – сказал ван Дэйк, – я вас там подхвачу. Когда вы сможете там быть?

– В семь?

– Превосходно. – Он дал Лютеру номер своего мобильного и положил трубку.

Сразу же по завершении разговора позвонил Робби Макаро, чтобы сообщить: поступило заключение экспертизы из Сакраменто, что все пробы волокон и ткани в «мерседесе» принадлежали мертвой. Шоссе повернуло и теперь вело мимо покосившегося сарая из девятнадцатого века, он находился в конце грунтовой подъездной дороги, как остаток декорации для киносъемок. Задворки в этой части Вэлли были пронизаны переплетенным лабиринтом водопроводных труб и тихими маленькими озерами, окруженными камышом и отражающими небо. В болоте жили журавли, серые цапли и дикие утки нескольких видов, а еще водилась форель – больше, чем где бы то ни было еще в Калифорнии. На пешей прогулке можно было наткнуться здесь на беспорядочно раскиданные обломки скал, на заросли колючих кустарников и колонии высокомерно расхаживающих диких гусей. Местность, полная впечатлений; вот только современных исследовательских сооружений нигде не было видно.

Рут залюбовалась канюком, который завис над полем как пригвожденный.

– Но одно, по крайней мере, примечательно. Смерть Пилар Гузман занимает лично генерального директора. Тогда, значит, она была ярким светилом.

Перед ними появилась табличка с названием Лойолтона.

– Может, светила чуточку ярче, чем надо, – сказал Лютер.

– Красиво сказано. И на что она светила?

– Не знаю. На что-то такое, чему лучше было оставаться в темноте.

* * *

В то время как Даунивилль со своими салунами и домами золотоискателей позволял проявиться Дикому Западу, Лойолтон излучал всю ухоженную сонливость сельской области – от отсутствия архитектурного апогея до расположения улиц. Практически непредставимо, что эта община в восемьсот душ была когда-то вторым по величине городом Калифорнии, одним из самых развитых сельскохозяйственных регионов федеративного государства и эльдорадо для лесоторговцев. Теперь здесь выращивали детей, обменивались кухонными рецептами с соседями, а субботние блошинные рынки представляли собой общественную жизнь, как где-нибудь в другом месте рок-концерты. Была хорошая средняя школа, исторический музей, а для неисправимых романтиков салун «Голден Вест» с отелем и рестораном, с баром и двустворчатой дверью, которая открывалась в обе стороны, хотя там все же чувствуешь себя скорее в сериале Cheers, чем в фильме с Джоном Уэйном. Станция Уайт Сьерра набирает очки деликатесными сэндвичами, «Рондас Лиль Фрости» – мороженым, а «Вэлли Кафе Дарлин» – домаш-

ним вишневым пирогом, который исписанная от руки рекламная доска аттестует как «Лучше, чем в Твин-Пикс!» – с непоколебимой достоверностью с тех пор, как Кайл Маклахлен годы назад заглянул сюда для съемочных работ, а Дарлин упростила его сфотографироваться с ней; он поднял вверх большой палец, и это могло означать все, что угодно. Мать Лютера знала толк в бизнесе.

Подъезжая, они увидели Тами, сидящую на террасе у Дарлин, вытянув перед собой длинные ноги и явно находясь в другом мире; ее уши прикрывали объемные беспроводные наушники в хромопике, придавая ей наивно-дерзкий вид астронавтки из «Эры Барбареллы». Губы ее двигались в такт неслышимым строчкам текста, взгляд устремлен в неопознаваемую точку, о которой можно с уверенностью сказать лишь то, что она находится не в Лойолтоне. Вопреки всякой рассеянности, ее пальцы на клавиатуре ноутбука, балансирующего у нее на коленях, вели собственную проворную жизнь.

Лютер припарковался напротив почти пустой террасы. Воинство школьников рассеялось и приступило к домашним заданиям, чтобы позднее быть готовыми к поездке в Неваду. Все блестело и сверкало. Дарлин каждый год обновляла сиреневую краску дома, построенного из кедровой древесины, а оконные рамы, опорные колонны и перила веранды сияли белизной такой свежести, будто выпавший ночью снег. Не найдешь ни одного засохшего цветка в подвесных чашах над столиками быстро и над плетеными софами у входной двери, над которой жирными золотыми буквами по дубу значится: «Вэлли Кафе Дарлин». Со времени основания кафе ни одна муха не оставила своих следов на стеклах дольше, чем до захода солнца.

– Вы что, *тащили* машину на себе? – воскликнула Тами им навстречу, когда они пересекли улицу, и сняла свои наушники.

– Как это понимать?

– Но вы приехали так поздно!

– Мы живем в Сьерре, если ты этого еще не усвоила, – сказал Лютер. – Горная дорога, повороты...

– Ага, а мне нужно только полчаса отсюда до Даунивилля.

Высказывание, которое навело его на мрачные выводы о привычках вождения ее одноклассников. Он обнял дочь, и она этому не противилась. Явно не держала обиды на их недавнюю ссору.

– Как ты тут, сокровище мое?

– Было бы еще лучше, если бы я сделала свой реферат.

– И чем они терзают тебя на сей раз?

Тами улыбается. Понимание ее радует.

– Систематика хищных птиц Северной Америки. Но это не так страшно. Вчера мы были в луговине Джексона и видели краснохвостых канюков и белоголовых орлов. О боже! – Она проглотила кусочек шоколадного пирожного со взбитыми сливками. – Это было круто! Пара орлов. Просто громадные.

Рут оперлась на перила, устремив заинтересованный взгляд на сократившееся лакомство Тами.

– Скажи-ка, а ты разве не веганка?

– Я?

– А кто же еще?

Тами скривила губы:

– Обойдусь без этих чудачков. Я не ем животных. А яйца, сыр, сметана – это окей.

– В прошлый месяц ты твердила кое-что другое.

– Эй, Стой-стрелять-буду, это что, допрос?

– Стой, стрелять буду? – непонимающе повторил Лютер.

– Это наше, девичье, – сказала Рут.

– Ясное дело, она была веганка! – Из дома вышла Дарлин Опоку, неся два капучино. – Еще месяц тому назад! И даже проповеди читала, что Господь наш Иисус Христос был против этого.

– И что? – Тами преувеличенно закатила глаза.

– Она у нас гибкая, – съязвила Рут.

– Да, податливая, как пластилин.

– Тинейджеры – они такие, – удовлетворенно сказала Тами и доела остаток своего пирожного. – Сколько мне еще вам это объяснять?

– Ну я-то свои уроки выучила, – сказала Рут, погружая верхнюю губу в молочную пену.

Дарлин присела к ним за стол. Она – тонколодыжная дева, ветхозаветная Юдит, ей даже вблизи не дашь ее семьдесят один год. Раз в две недели она идет в местную парикмахерскую и красит волосы в смоляной черный цвет.

– Может, хотите что-нибудь съесть?

– Спасибо. – Лютер отрицательно помотал головой. – Мы ненадолго заехали.

– Как дела в вашем департаменте?

– Идут.

– Тами говорит, у вас там произошло убийство?

– Что-то *вроде* убийства, – поправила Тами. – А это большая разница.

– Кого-то из местных?

– Из Пало-Альто, – сказала Рут.

– Ужасно. Что только не делают люди друг другу. – Дарлин покачала головой, а во взгляде уже светилась новая тема. – Послушай-ка, Лютер, тут Лиза Вагнер сегодня приходила, спрашивала, не сможешь ли ты на следующей неделе в «Ротари-клубе» сказать пару слов о предстоящем баскетбольном турнире. Я ей...

– Стоп! – Лютер поднял обе ладони. – Почему это Лиза Вагнер прикрывается тобой?

– Потому что это работает?

– И что я должен тут рассказать? Объяснить, что такое баскетбол?

Вот уже девять лет Лютер тренировал девичью команду Лойолтонской средней школы. Вскоре должны были состояться соревнования, в которых примут участие команды из всей Сьерры, – благотворительный турнир, сборы от которого должны пойти на ремонт театра «Юба». Или нет – все зависит от Ротари, президентши Лойолтона, которая ссылается на нехватки в собственном городе и предпочла бы вложить деньги в расширение школьной библиотеки.

– Пообещай ей деньги, тогда больше ничего не придется говорить, – сухо подвела итог Дарлин.

– Ма, я не могу на это повлиять.

– Да я знаю.

– И что?

Дарлин растопырила пальцы:

– Если хочешь получить совет от старой матери: ты мог бы обойти эту проблему.

– Как? – недоверчиво спросил Лютер, съжившись в тени монструозности материнского предложения.

– Пригласи ее пообедать, – прочирикала Дарлин. – Я думаю...

– Ни в коем случае!

– ...это то, чего она хочет на самом деле.

– Но я не хочу.

– А я нахожу эту Лизу достаточно милой.

– Для ее возраста просто супер, – поддакнула ей Тами. – Я слышала, ей нравится Суфьян Стивенс.

– Это не годится, девочка моя, – сказала Рут. – Лютер со мной.

– С каких это пор?

– С сегодняшнего дня. Первая помощь.

– Придумай новую фишку, – зевнула Тами. – А что там с вашей флешкой?

Рут достала сумку, извлекла блестящую черную флешку и положила на ладонь Тами:

– Надеюсь, вставится.

– Не вставится. Пока вы мне не расскажете, о чем идет речь.

– А это надо? – спросила Дарлин, искоса взглянув на Лютера. – Столько насилия?

– Это должно быть логично, – сказала Тами.

– Зачем тебе знать эти ужасные вещи, радость моя? Потом плохо спишь.

– Отец, – просительно сказала Тами, – ну пожалуйста.

Лютер отмахнулся:

– Успокойтесь.

– Лютер! Ты обещал.

«Я это обещал? – спросил он себя. – Возможно».

– Строго говоря, тебя это не касается.

Она скрестила руки на груди:

– Я вам помогу, только если вы меня возьмете в дело. Я вам не общедоступное гнездо для зарядки.

– Тами! – Дарлин ударила ладонью по столу.

– Что?

– Как ты можешь?

Лютер повеселел:

– Да она же говорит про компьютер, ма. О чем ты говоришь?

– Вот видишь? – сказала Тами. – Компьютер.

Дарлин улыбнулась тонко, как лезвие бритвы.

– Я *очень хорошо* знаю, о чем она говорит, Лютер, и я знаю также, о чем она говорит *и помимо этого*.

– Мы нашли труп, – лаконично сказал Лютер. – Наверху, над Сьерра-сити. Падение в пропасть. Ее машина врезалась в дерево. Кто-то, возможно, загнал ее в смерть.

– Круто, – прошептала Тами.

– При обследовании машины нам в руки попала эта флешка. Мы понятия не имеем, что на ней.

Тами ухмыльнулась как сытая кошка:

– Сейчас выясним.

– Не здесь, – сказал Лютер, окинув взглядом немногих посетителей, которые еще оставались на террасе. – Наверху, в твоей комнате.

Дарлин со вздохом поднялась:

– Давайте посмотрим.

– Без тебя, ма. – Лютер обнял ее за плечи и поцеловал в щеку. – Как ты сама правильно сказала: после такого плохо спишь.

* * *

Большая неожиданность произошла в самом начале, еще до того, как они что-то увидели.

– Да она без пароля, – растерянно сказала Тами.

Когда они открыли флешку, возникли иконки трех видео, датированных предыдущим вечером. Тами кликнула на верхнюю, и открылось окно с навигационной планкой, разделенное крестообразно. Появился двор, снятый с четырех перспектив, просторный, безвыходный

и обставленный световыми мачтами. Сильные светодиодные прожектора освещали ночь, в кадр попадали части одной платформы. На заднем плане виднелись знакомые горы, длинные амбары. В этой картине не было ничего примечательного. Она передавала уныние самоосвещенных строений целевого назначения, документ отсутствия.

– Камеры охраны, – сказала Рут.

– А вам не смешно? – спросила Тами. – Я имею в виду, для чего кто-то использует ключ ID, если он даже не заперт? Это как записать в дневник свои тайные фантазии и оставить его лежать открытым.

Лютер потер подбородок и посмотрел на Рут.

– Где именно Мег нашла эту флешку?

– Между сиденьем и спинкой. Завалилась туда.

Он рассеянно смотрел на экран. Тами была права. Что-то бессмысленное крылось в этой истории с флешкой. И тут он понял. С ясностью, как будто включился свет в голове, он увидел всю ситуацию.

– Не завалилась, – сказал он.

– А что?

– Она ее туда *засунула*.

– С риском, что ее кто-то найдет?

– Нет. *В надежде*, что ее кто-то найдет.

Взгляд Рут застыл в пустоте. Потом зажглась искра:

– Конечно! У нее не было времени после аварии. Даже чтобы...

Чтобы снова завести «мерседес». В зеркало заднего вида уже попадал свет фар. Ее план был обмануть преследователя, пустить по ложному следу. Вот она врезалась в дерево, и парень видит ее задние огни между деревьями. Уже громыхает по лесной дороге, быстро приближается. Секунды на взвешивание вариантов. Она испугана, растеряна после столкновения с деревом, а может, и после борьбы, которую пережила еще на ферме. Единственное осмысленное – скрыться в чаще. Во тьме и под проливным дождем она могла ускользнуть, если повезет, но если нет? Тогда он найдет при ней флешку, и ее содержимое останется тайной. Тайной, которую Пилар хотела выдать. А может, он и не знал ничего про флешку. Только то, что у нее против него есть улики, поэтому гнался за ней, но что именно он должен был у нее искать? Оправданная надежда, что при обыске машины эта маленькая флешка, скрытая за сиденьем, ускользнет от него, – и она сунула ее туда, выскочила из машины и побежала в чашу.

– В расчете на то, что мы вывернем машину наизнанку, если с ней самой что случится.

– Да. – Лютер кивнул. – Она хотела, чтобы мы это увидели.

– А если бы ее преследователь нашел эту штучку? – спросила Тами.

– Он бы, вероятно, не увидел ничего такого, чего бы он не знал.

– В крайнем случае, себя самого, – сказала Рут.

Двор, парковка, что там еще – лежат в холодном свете прожекторов. Стервятник кружит в освещенном небе, высматривая добычу, мягко разворачивается и улетает.

– Можешь промотать вперед? – попросил Лютер.

– Промотать. Какая прелесть. Без проблем.

Тами умножает скорость просмотра. Таймкод мелькает по нижнему краю картинки, добегают до половины одиннадцатого. Без перехода перед платформой стоят два грузовика.

– Поставь на нормальную скорость.

Подъезжают грузовики с корабельными контейнерами, такие черные, что вбирают весь свет. Мужчины, лица которых под козырьками кепок почти неопознаваемы, охраняют проворные погрузчики со ступенчатыми рычагами, похожие на вилочные автопогрузчики, но без водителя, – они размещают контейнеры на платформе трека и закрепляют их, тогда как муж-

чины прохаживаются вдоль платформы, патрулируя, со стрелковым оружием на изготовку и с громоздкой поклажей на спине. Все это происходит в полной беззвучности.

– Круто, – говорит Тами. – Что это за ружья такие?

– НК МР7, калибр 4,6×30 мм, – рефлекторно бормочет Лютер, он умеет различать такие вещи и при куда худшем освещении. Просто слишком много их перевидал в руках хорошо оснащенных дилеров, которые привыкли пользоваться самым новейшим оборудованием, производящим дырки. – Давай покадровую съемку, Тами.

Грузовики вместе с грузом двигаются со двора. Потом и вооруженные исчезают.

Следующее, параллельно снятое видео показывает внутренность освещенного ангара, изборозжденного рельсами и открытого в сторону платформы. Грузовиков еще нет, но в ангаре что-то делается. В выжидательной готовности там замерли погрузочные роботы, затем задняя стенка приходит в движение. Поднимаются шторные ворота, и раскрывается затененный куб, размеры которого трудно оценить. Вместо дна у него зияет шахта, из глубины ее проникает рассеянный свет, интенсивность которого нарастает, затем из подземелья поднимается решетчатая структура – устойчивая, освещенная светодиодными трубками клетка, в ней громоздятся зловеще черные ящики. Лютер заворуженно смотрит, как лифтовая платформа останавливается на уровне пола ангара, вооруженные люди занимают свои посты. Один великан выглядит так, будто его смастерили в отделении компании «Маттел» как игрушку супергероя, и его пальцы порхают над планшетом. Ящики приходят в движение – вернее сказать, бортовые грузовики под ними катятся по своим рельсам к платформе, эскортируемые роботами и людьми, – и, несмотря на отсутствующие звуки и дистанцированный угол зрения, царящее там напряжение можно потрогать руками.

Рут подается вперед.

– У них на спинах двойные резервуары с горелками...

– Огнеметы, – кивает Лютер.

– Для чего им огнеметы?

Великан поднимает голову от своего планшета и смотрит прямо в камеру. Тами даже отпрянула. Какой-то своеобразный момент: кажется, что он засек их троих в маленькой комнатке в Лойолтоне, – но на самом деле камера его совсем не интересуется, и Лютер испытывает облегчение.

– Он не знает.

– Что? Не говори загадками.

– Что его снимают, – говорит Лютер. – Я имею в виду, он знает, что комплекс находится под видеонаблюдением для охраны, но о том, что Пилар смотрит и все архивирует, он не подозревает.

Вагоны останавливаются. Роботы берут перегрузку на себя и взгромождают ящики на платформу, где находятся грузовики. В зернистой дали прорисовываются знакомые очертания горной цепи, и Тами говорит запоздалое:

– Вон там пик Бекворта. Это горы Пламаса.

Снятые с юга. Разумеется.

– Ферма. – Лютер усмехается через ноздри. – Ну, ясно же! Мы на ферме.

– Где прошлой ночью якобы никого не было, – дополняет Рут. – Если верить ван Дэйку.

– Все-таки были. Охрана.

– Окей, это похоже на охрану. Они до такой степени настороже, будто рассчитывают на появление Годзиллы.

– Тами, достаточно. Покажи нам последнее видео.

Которое, как он надеется, раскроет им происхождение груза, а может, его свойства, ведь пока что они увидели только переходный мостик.

Дважды та же картина. Свободно парящий, без перил, мостик, снятый с точки его начала – или его конца, это как посмотреть. Несущие элементы на переднем плане находят свое соответствие там, где мост завершается, глаз камеры смотрит по центру и с некоторой высоты за прямолинейным движением и оставляют без ответа вопрос о длине, ширине и содержимом ящиков, как и о свойствах помещения, которое они пересекают. Лютеру кажется, что он видит переливы, вытекающие из одного в другое состояния столь смутной природы, что едва ли можно вести речь о тени или освещении. Сплошная непрерывность всех углов и стенок, без дна и крышки. В них всегда парит конструкция, не выказывающая никаких форм, поддающихся определению, и светящиеся тела искать напрасно. Единственно вратообразные выемки и двусторонние двери там, где они заканчиваются как обрезанные, позволяющие делать вывод о материальном ограничении.

– Почему мы видим двойную сцену? – удивляется Рут.

– Мы не видим. Тут стальной переносчик – слева равномерно светлый, справа свилеватый, как от материальной окраски. Естественно! Они осматривают мостик из противоположных перспектив. Образование, идентичное зеркалу в среде, отсутствие свойств которой кажется тем призрачнее.

– Что это, ради всего святого? – шепчет Рут. – Где это?

«Изменения и переливы его не касаются, – думает Лютер. – Скорее муар, извивание пространства, будто что-то движется вплотную под его поверхностью, бесцельно и вяло. Нет, еще другое. Нечто уже в пространстве, *промеряет* его, но все же невидимо, так что лишь искаженное действие мимолетности попадает в восприятие». Таймкод проходит деление в десять часов.

– Теперь надо бы постепенно что-то...

Обе камеры отключаются.

Внезапно экран наполняется белым шумом, потом опять возвращается мостик, сперва призрачно слабо, едва различимо в этой каше пикселей, быстро приобретая контуры и форму, снова остро-резкие. Лютер тянется через плечо Тами, останавливает, и они таращатся на замерший момент – на черные, как ночь, ящики в центре мостика. Становится ясен и размер обособленных конструкций – протяженностью в сотню метров, шириной с автостраду. Неизменно загадочно течет пространство, и Лютера охватывает представление, что ящики могут иметь свой исток в кружении и растягивании облаков, как из хаоса мозговых токов проступают слова и превращаются в ясные мысли. Он запускает продолжение фильма. Одни из ворот в «изголовье» мостика порождают вооруженных, в сопровождении роботов-грузчиков и бортовых грузовиков – следовательно, борозды – это рельсы; великан подходит к одному из ящиков и обнажает поле действия, остальные идут на дистанции, их автоматы на изготовку. Медленно выползает наверх ящик...

В комнате Тами было бы слышно упавшую иголку.

– Резервуар? – гадают Рут.

Молочно-бледная пластина, которая простирается на всю ширину, пульсирует от света. Прорисовываются очертания, намеки, аморфность, лишенная черт, как макроскопированный фрагмент черно-белого фото, и тем не менее то, что находится позади пластины, не вполне чужеродно. Это будит ассоциации так же, как и лишает возможности его отнести к чему бы то ни было. Лютер видит привычное в непривычном, подобно миру клеточных структур, но что он видит *в действительности*? Что он может видеть на расстоянии? Ящик отдален на пятьдесят метров, едва его черная броня расплзется в стороны, как тут же смыкается снова, и игра теней скрывается от взглядов. И вероятно, все это было бы не столь путано, если бы в память Лютера не вьелось последнее впечатление перед тем, как свет окончательно иссяк: что тени двигались едва воспринимаемым, столь же гипнотизирующим, сколь и отталкивающим образом – вызывающее содрогание растяжение и ощупывание, сонное и голодное, как будто что-то в резервуаре очнулось и теперь рвется наружу – в мир, к которому оно не принадлежит.

* * *

Когда они вернулись на террасу, в кафе было оживленно. Дарлин отделилась от своих разговоров с посетителями и подошла к ним.

– Ну? Случай решен?

– Безумие, – прошептала Тами, все еще не придя в себя.

– Этот мостик... – Рут надела свои темные очки. Вечернее солнце обрисовало ее черты мягче и проявило ту калифорнийскую девушку, которая в ней давно пропала. – Говорю вам, он впадает в грузовой лифт! Он протягивает это... это... черт, как бы это назвать...

– Пространство, – подсказал Лютер.

– Пространство, которое выглядит как закуска к поганой вечности, я имею в виду... – Ее руки двигались, пытаясь выудить слова. – Не проблема найти тот двор и ангар, но где тот проклятый мостик?

– Там же – на ферме.

– Очень глубоко в земле, – благоговейно прошептала Тами.

– В глубине земли? О чем вы говорите? – Дарлин переводила взгляд с одного на другого. – Звучит как одна из этих серий – «Очень странные дела».

Дарлин – уж ей ли не знать. По тому, как она поглощает эти сериалы, в фойе «Амазона» и «Нетфликса» давно бы уже должен красоваться памятник ей, кроме того, у нее роман с пенсионером, бывшим помшерифа, а ее сын уже половину своей жизни отдал борьбе с преступлениями. Никто не сравнится по эмпатии, богобоязни и жалобам на испорченность мира с Дарлин Опоку. Вместе с тем ее забота о невинности Тами ярко контрастирует с ее пристрастием к ужасно плохим сценариям.

Лютер смотрит на зелено-золотые горы запада – где-то позади них лежит Даунивилль. Он чувствует смутную тоску. Рут права, это никогда не кончится. Волна следует за волной. Солнце плавится на его лице и дает недолгое утешение. Между тем оно опустилось уже довольно низко, так что можно смотреть вдаль не шурясь, но перед глазами у него по-прежнему стоит мостик и те черные ящики. Кочующие тени, странствующий свет...

– Шар, – говорит он.

– Шар? – эхом повторяет Рут.

Тами отваливается спиной на дверной косяк и скучаяще закатывает глаза:

– Ну, *это* же и так было ясно.

– Что было ясно, Гермина?

– Что помещение шарообразное. Твоя сраная вечность!

– Эй, – Лютер мягко тычет ей кулаком в плечо, – подбирай выражения.

– Это *она* сказала «сраную вечность», – оправдывается Тами, – а я только повторила.

У Рут такой вид, будто ее вдруг осенило, что и небо над Сьеррой можно было бы нарисовать на внутренней вогнутости шара. Потом она качает головой:

– Нет, там было еще что-то. Движущееся.

– Это шар, – терпеливо повторяет Тами. – Все остальное – случай для твоего окулиста.

– Так или иначе, сейчас мы туда поедем.

– Хорошо. Я знаю, где это.

– Я тоже, – говорит Лютер. – У меня в машине лежит выписка из поземельной книги и план участка. Ты останешься здесь.

– Папа! Я знаю *точно*, где это.

– Мой навигатор тоже знает, но даже он мне не понадобится.

Взгляд Тами наполнился гневом.

– Прекрати, пожалуйста, закатывать меня в кокон!

– Я не закатываю.

– Еще как! Но это ничего не изменит.

Они уставились друг на друга, и Лютер увидел в ее взгляде, затуманенном упрямством, Джоди. Насколько сам он был похож на своего отца из Ганы, настолько же Тами «уродилась» в мать – пепельная блондинка, светлоглазая, кожа едва затронута ее черными генами.

– Это опасное место, – сказал он, не поддаваясь на провокацию.

– Ерунда. Это всего лишь местечко в лесу. И я там бывала уже много раз.

Лютер нахмурил брови:

– Для чего ты там бывала?

– Мы наблюдали за животными. Красная дичь, хищные птицы. Это прямо рядом с луговиной Кнатсона. На отшибе, но и нельзя сказать, что они делают из этого большую тайну. Только внутрь нельзя попасть.

– Что это означает конкретно?

– Там всюду ограждение и контрольные посты. – Тами горячилась. В вопросе Лютера она почувствовала шаг к себе навстречу. – Я могу вам показать амбары! Тогда вам не придется долго их искать. И двор!

– Там, где были припаркованы грузовики? – спросила Рут.

– Ну да.

Дарлин издала многозначительное покашливание. Она взяла своего сына под руку и увлекла его внутрь кафе.

– Послушай, Лютер, я ведь ничего не имею против, если ты говоришь с Тами о своей работе. Но не бери ее с собой в такие места.

– Ма...

– Не забывай, почему она в Лойолтоне!

– Потому что здесь она ходит в лучшую школу нашего округа. Потому что здесь у нее бабушка, которая о ней заботится, если я как раз не могу. А я довольно часто не могу.

– И поэтому ей не приходится постоянно торчать в отделении шерифа.

– И это тоже.

– Ты сам так решил, – напомнила ему Дарлин, – чтобы у нее перед глазами не было все самое худшее.

– Ма, тогда ей было десять лет.

– А сейчас она что, уже взрослая?

Лютер бросил взгляд наружу, где Тами осчастлививала Рут богатой жестикуляцией.

– Боюсь, что да.

– Черт того и гляди перебежит ей дорогу.

«Уж это точно, – подумал Лютер. – А меня, может, не окажется рядом, чтобы оградить ее. Нет, не так. Меня совершенно точно там не окажется. Она будет жить где-то в другом месте, в отношениях, в работе, у нее будут дети, друзья, и однажды она столкнется с неотвратимым, и если повезет, то выйдет из этой встречи невредимой. Пока я жив, я буду за нее стоять, но эти тучи, в которых грозой накапливается судьба, прольются и над ней. И у меня не будет власти воспрепятствовать этому. Это самый суровый из всех уроков. Так что я не буду вить вокруг Тами кокон, потому что он ее только задушит».

– Ма, – он положил ладонь ей на плечо, – Тами в принципе права. Там всего лишь ферма.

– А только что там был еще мост – в вечность.

– Ты серьезно думаешь, что я подвергну ее какой-то опасности?

– Нет, но...

– Да, ты так думаешь. Не беспокойся, хорошо?

Она посмотрела ему в глаза, и на какой-то миг Лютер почувствовал, что она видит его насквозь. Потом она улыбнулась, погладила его по щеке, как будто щека была фарфоровая.

- Лютер. Мой дорогой мальчик. Я знаю. Это не в наших руках.
– Нет, – возразил он, – в наших.
«Даже если мы его не удержим». Но вслух этого не сказал.

* * *

За Келпайном, где шоссе Уэстсайд-роуд как по линейке делит пополам болотистое захолустье, из побуревшей травы одиноко торчали три пня, черных и потрескавшихся, они всегда напоминали Лютеру отмершие зубы. Одному из этих гнилых пней как-то удалось выпустить из себя пять тощих веток. Изогнувшись когтистыми лапами, они цеплялись за что придется в постоянно веющих в долине ветрах и даже в зное раннего вечера не выглядели ни капельки приветливее.

Так и осматриваешься почти рефлекторно в поисках побелевших костей, но видишь только отдельные загоны для скота да сарай у подножия дальней цепи холмов и разве что редкую вспышку там, где солнце отразится от стекла трактора – последний привет последнего пограничного поста Сьерры. В нескольких милях дальше Пламас манит своими тростниковыми ландшафтами вокруг стального моста. Горячие источники создали там неповторимый биотоп. Перспектива скользить в каяке по ртутно-серебристой поверхности воды и любоваться орлами, белыми пеликанами и бобрами заставляет приезжих ускоряться на дороге, из-за чего они пропускают узкий поворот, ведущий вниз по склону под старыми соснами-пондерозами и дугласиями.

На самом же деле последние границы Сьерры лежат по другую сторону этой возвышенности. Ландшафт, невидимый с дороги, опускается там к болотистой низине, окруженной лесами. По левую руку дорога ведет на луговину Кнатсона, одну из любимых туристами полян, где по весне колышется море фиолетовых и пурпурных цветов, тогда как осень окрашивает осины в золотистый цвет. Рядом, отгороженная прудами и каналами, тянется менее живописная область. Узкая галечная дорога вьется здесь вглубь, окаймленная вывесками, которые обозначают этот ареал как частное владение. Лютер припарковал патрульную машину в углублении, и дальше они пошли пешком, бесшумно ступая по мягкому ковру опавшей хвои. Ветер и листва вокруг них вели неумолкающую беседу между собой. Через некоторое время вездесущие красные ели придвинулись, сомкнули ряды и загородили дорогу, которая поднималась все круче...

Внезапно они очутились перед забором. Частокол высотой в два человеческих роста, заостренные железные прутья которого на гребне были изогнуты наружу так, что не перелезть. Дальше дорога шла вдоль барьера, затененная козырьком из колючей проволоки. По другую сторону забора осины и черные дубы росли так плотно, что скрывали от глаз все, что находилось позади них. Рут тем не менее подошла к решетке.

- Даже не думай, – сказала Тами. – Нам надо налево вверх.
– А что там? – спросила Рут. – Вход?
– Конечно, – прочирикала Тами. – Я приведу вас ко входу! И сразу внутрь. Не проблема, там меня все знают.
– А нельзя было ответить просто: «да, Рут» или «нет, Рут»?
– Тебе было бы скучно.
– Не беспокойся. Я не настолько глупа, чтобы скучать.
– Но я этого и не...

Лютер размышлял о преимуществах глухоты. Они шли по тропе, забор от них слева, Тами впереди. Быстро остывающий воздух тяжел от озона – верный признак того, что надвигается дождь, спрогнозированный на вечер, – белый фронт, который он видел недавно с пожарной вышки.

- Скажи-ка, Там... – Он поравнялся с ней.
 - Я не откликаюсь на «Там».
 - Тами.
 - Так-то лучше.
 - А тех мужчин, что на видео, ты здесь хоть раз видела?
 - Припоминаю их фуражки. Я всегда так и думала, что это охранники.
 - Якобы служба безопасности, – сказала Рут.
 - Да не якобы. – Лютер оглянулся на нее. – Слушай, что Тами говорит. Это и была на видеозаписи служба безопасности.
 - Для чего бы Пилар Гузман делать тайную съемку службы безопасности фирмы?
 - Может, потому что служба действует не в рамках предписаний?
 - А мы, собственно, верим ван Дэйку?
 - Верим ему в чем?
 - Что он ничего не знает о том, что произошло вчерашней ночью.
 - А он не сказал, что он этого не знает.
 - Он сказал, что у него нет объяснения тому, что его сотруднице делать на ферме; якобы там была только охрана.
 - Верно. А кого мы видели в этих видео?
 - *Возможно*, службу охраны.
 - При некоем деле.
 - Хм. – Она вытянула губы трубочкой. – Теперь, когда ты говоришь, вроде бы и подозрительно. А выглядело вполне нормально. Кто же выходит из дома без огнемета.
 - Да я просто так сказал. Может, это была вполне легальная процедура.
- В сопровождении автоматов НК МР7. Обычно такого рода вооруженные предприятия противоречат всему, что легально, но легально было, в конце концов, и сбросить на Японию атомные бомбы – «Толстяка» и «Малыша». Легально было подвергать арестованных опытам по утоплению, раз кто-то объявил это правильным и не противоречащим конституции. Применять тяжелый калибр, чтобы защитить себя от зловещей тени, тоже может быть образцовой легальностью. Лютер снова и снова мысленно пробежал глазами те сцены – угрожающе, но разве нельзя было на некоторой дистанции прийти к выводам, не требующим такого выброса адреналина? Свет? Лампы, способствующие выращиванию. Тени? Какие-то растения. Может быть, в ящиках скрываются теплицы. Какие-нибудь генные томаты. Черт их знает. Подвижные томаты...
- Эти люди из «Нордвиска» не станут перед нами отчитываться в том, что происходит у них в исследовательском комплексе, – продолжал он. – Но это не значит, что они делают что-то противозаконное. Допустим, Пилар попыталась задокументировать что-то, выходящее за рамки интересов предприятия, но тогда ван Дэйк должен быть рад всякой дополнительной наводке. Или ее акция была нацелена на *предательство тайны*. Так или иначе, был повод препятствовать ей в ее деятельности.
 - Хладнокровно замочить.
 - Может быть.
 - Что же случилось? Некорректно выразился? Ну хорошо, заткнуть ей рот. Желательно навеки.
- О небо, какая же все-таки жесткая борьба за объективность, в то время как его внутренний голос кричит об убийстве так, что отдается эхом в его черепной коробке. Жестко и безвыходно.
- Окей, еще один вариант. – Рут отмахнулась от насекомого. – Что, если она вышла на след обычных махинаций, которые скрывались от самого Нордвиска? Я имею в виду, она ведь *хотела*, чтобы ее флешка была найдена.

– Этот ван Дэйк, по крайней мере, не знает того, что знаете вы, – вмешалась Тами. – Он не может знать, что вы видели эти видеозаписи.

– Стратегическое преимущество, однако, – согласилась Рут.

– Однако. Стоп.

Участок забора, задняя сторона которого поросла деревьями не так густо. Наверное, в прошлую зиму, когда долина стонала от череды всех мыслимых бурь, в кустах появились прогалины. Эоловы разрушения увенчались вырванной с корнем сосной, останки которой перегнивали в высокой траве. Никто не приложил усилий к тому, чтобы убрать их отсюда. В прогалине разрослась всевозможная зелень, самое позднее летом могла восстановиться естественная преграда видимости. А пока что открывался вид на ареал площадью в несколько футбольных полей. Сеть дорожек разбивала газон на мелкие участки, безупречная зелень которых позволяла предположить там систему орошения, – и действительно, несколько фонтанчиков работали. Позади невыразительных строений стояли в ряд трубчатые резервуары, приспособленные к стальной конструкции, обрамленной лестницами и мостками. На другой стороне взгляд упирался в ангар, задняя стена которого примыкала прямо к забору. Отдаленный передний фронт был обращен к бетонированной площадке, несомненно месту разгрузки из видео.

– И кто же, кто в теремочке живет? – спросила Рут, кивнув подбородком в сторону северного края, где красовалось отдельное импозантное строение. – Может, дух Скарлетт О’Хара?

Лютер сдвинул свою шляпу на затылок.

– Я думаю, это причина, почему они и назвали все это фермой.

Потому что ничто во всей окрестности не носило на себе никаких признаков крестьянского производства, за исключением белого трехэтажного господского дома с верандой в стиле позднего девятнадцатого века, деревенская роскошь которого резко отличалась от окружающих построек специального назначения и технических сооружений. Легко можно было представить в таком доме семейное гнездо династии состоятельных животноводов, воскрешающее в памяти своим лесным положением славные времена, когда вместе с древесиной Сьерра-Вэлли вырастали одно за другим гнезда золотоискателей и сюда протянулась окруженная цивилизацией железнодорожная сеть «Сентрэл Пацифик». Окна-шпросы с мелким переплетом отражали небо, на террасе никого. Вообще никаких признаков присутствия людей. Судя по всему, оросительная система работала в автоматическом режиме.

«Терминатор здесь садовником», – подумал Лютер.

В тот же момент из малоэтажного строения вышли две молодые женщины, сели на велосипеды ярко-неоновой расцветки, стоящие тут дюжинами, и покатали в сторону господского дома. Только теперь Лютер заметил части серебристой конструкции, которая возвышалась дальше, выступая над крышей ангара, с громоотводом и токораспределителем. Трансформаторная подстанция. Они тут производят собственное электричество.

Кому же и на что требуется столько энергии? Его взгляд опять обратился к резервуарам. Они теснились плотными дюжинами. Хранилище горючего? Потом он увидел полосы ржавчины на краске и затем – насосы и теплообменники. Не горючее. Вода. Все это было системой охлаждения.

– Тами, а есть здесь еще такие места, как это?

Она уставилась на него. Ее губы замерли, сформировав букву «О», что бы она ни хотела этим сказать. Ее взгляд уткнулся в лесную почву, потом снова вернулся к ангару. Когда она подняла глаза на отца, он смог прочесть ее мысли.

– Грузовой лифт.

Рут нахмурила брови:

– А что с грузовым лифтом?

– Он должен был бы подниматься вверх вон там, у забора, в ангаре. В нескольких шагах отсюда. Это значит...

– Значит, мы стоим прямо над тем пресловутым мостиком. – Лицо Рут окаменело. Она рефлекторно отступила на шаг назад, в предвидении величины шарового пространства волнующей бессмысленности.

– Круто, – прошептала Тами. – Хочу туда, вниз.

– Вниз?

– В то помещение. Хочу на него посмотреть!

Лютер постучал по лбу пальцем:

– Про это можешь забыть.

– О боже! И почему я знала, что ты это скажешь?

– Потому что ты умная.

– Да благодаря мне и моему ноутбуку вы здесь вообще стоите!

– Не надейся, что отдел шерифа округа Сьерра ни на что не пригоден без твоего ноутбука, сокровище мое.

– Пожалуйста, папа! – Тами приплясывала на месте. – Может, они нам сделают официальную экскурсию!

– Ага, сейчас, – сказала Рут. – Именно так все и выглядит.

– Хорошо, это была попытка. – Тами пожала плечами. – Вероятно, не подкрепленная документально.

Мягкое превращение подростка, требующего бессмысленных вещей, в понимающую юную женщину. Лютер уже тосковал по тому дню, когда она будет стыдиться этого ребяческого театра.

Он посмотрел на часы и сказал:

– Черт.

– Ну что опять? – встрепенулась Рут.

– Спецпатруль.

– Что? Тебе еще и патрулировать?

– Потому что Кимми на меня надела. – Он закатил глаза. – Но опять не получилось! Я ей обещал в семь часов быть на Золотом озере.

– А это еще зачем?

– Господи, зачем! Да потому что там какие-то придурки украли у туристок одежды, и те не могут выйти из воды. – Он сделал шаг влево, потом вправо, топчась на месте. – Господи, на что мы убиваем время? Кого-то надо туда послать. Раз уж мы обещали людям, что придем, надо прийти.

– А разве Пит сейчас не патрулирует в Келпайне?

– Да, в семь.

– Вот и пусть оттуда...

– Он не успеет, Рут, разве что мы его клонируем. – Лютер похлопал себя по брючинам. – Ну, неважно. Ничто не поможет. Может, возьмешь это на себя? Если сейчас выедешь, ты еще успеешь забросить Тами в Лойолтон и в семь часов быть в Бьюттсе.

– А ты как?

– Келпайн тут за углом. Пит меня здесь подберет, когда я управлюсь.

– Голые бабы в воде. – Рут подняла брови. – Почему бы нет?

– Папа, – во взгляде Тами вдруг отразилась очень взрослая озабоченность, и он увидел там страх потери, – будь, пожалуйста, осторожнее, да?

– Я всегда действую с оглядкой, малыш. Спроси хоть у кого.

– Окей.

Лютер обнял ее.

– Сегодня все равно больше не будет ничего интересного. Фиксация следов подождет до завтра. Через два часа я отсюда уже уеду. Рут, флешка у тебя?

– Ты хочешь взять ее с собой?

Он задумался.

– Нет, пусть будет у тебя. Так лучше.

– Потом встретимся в «Резиденции святого Чарльза».

За поздним напитком и еще более поздней добавкой. Жесткое желто-медовое короткое замыкание, которое она вберет в себя, – сам Лютер редко пьет больше одной пинты. Салун не закрывается раньше двух, Рут там хорошо, все лучше, чем сидеть дома.

– Договорились. Я тебе позвоню, как только вернусь.

* * *

Снова сам с собой.

Он без спешки проследовал вдоль забора в северном направлении. После нескольких сотен метров барьер оборвался и продолжился в непролазной чаще, в то время как тропинка вышла из лесочка и большой дугой повела его в обход. Отсюда открывался вид на фермы Бекворса, маленького белого светила цивилизации. Плоское пастбище всасывало последние солнечные лучи и горело, как тлеющая древесина, а на вершинах светилось обещание безмерного богатства – огромный самородок в вечернем свете, каким он когда-то должен был показаться золотоискателям. Мир, напоенный кровью и дешевым виски, пленительно хорош.

Весь груз свалился у него с плеч. Пространство раскрылось. Голое присутствие, лучистое и чистое. Сейчас оно снова замутнится. Лютер коротко чувствует милость прощения, но, не желая удержать неудержимое, он дает ему утечь сквозь пальцы. Он отворачивается и звонит ван Дэйку по мобильнику.

– Мы переносим место встречи. Вы можете ждать меня у двери в приемной.

– Вы где, шериф? – Приглушенный рокот мотора самолета.

– Я прогуливаюсь вокруг вашей фермы.

– О, вы добрались туда самостоятельно.

– Это нетрудно. Здесь мой округ.

– Тем лучше. Мы приземлимся через четверть часа. Ничего, что вам придется еще столько гулять? Я, конечно, могу связаться с охраной и попросить, чтобы вас впустили, это позволит вам скоротать время в бистро за обозримыми удовольствиями.

– Не нужно. Я подожду снаружи.

Он сунул мобильник в карман и пошел дальше. Дорогу пересекал ручеек, в котором среди разноцветных камешков плавали крохотные рыбки. Он освежился. Облака, похожие на обрывки сахарной ваты, плыли над руслом Юбы – нежно-розовые призраки, за которыми небо быстро омрачалось. Мутно-белым платком накрыло Сьерру, и Лютер замер, своеобразно взволнованный. В воздухе лежала прощальная прохлада, мир тихо и незаметно менялся, и то, что пропадало, уходило безвозвратно. Когда-нибудь больше не будет весны, не будет лета, осени, зимы. Циклы не будут кончаться, не вещи будут исчезать, а люди, которые их называли и жили в них. Все, происходившее от начала времен по сей день, и потом продолжится в безымянности первого творения, которое не знает творца, а знает только себя. Крик женщины, падающей в пропасть. Крики другой, с долгим отзвуком...

Тропа снова приблизилась к лесу. Недалеко была подъездная дорога и предупреждающие надписи: «Частная территория», «Стоп», «Въезд посторонним запрещен». Между стволами сосен виднелась охранная будка вместе с турникетом, усаженная спутниковыми антеннами и камерами. Красный светящийся глаз светофора враждебно смотрел навстречу Лютеру, позади него был штакетник. За забором господский дом, великолепное строение цвета слоновой кости с балконами и с довоенным флером, который можно встретить скорее в Луизиане: беседкой, построенной из дерева. Последним магическим жестом солнце окрашивает верхний этаж в

оранжево-красный цвет, прежде чем тихоокеанская дымка окончательно проглотит его. Лютер садится на камень, что лежит заброшенный в траве, словно упавший с телеги, и пускает свои мысли на самотек.

Частная исследовательская станция, укрепленная, словно армейская опорная база. Чем дольше он рассматривает железные барьеры с их заостренными стойками и вездесущими камерами, тем меньше ему кажется, что их смысл – защититься от непрошенных гостей, причем непрошеным считается всякий, кто не авторизован в «Нордвиске», не разъезжает по территории на ярком велосипеде или не орудует в подземных сферах. Он увидел внедорожник с помятым радиатором, но – благодаря Мег – еще пригодный для передвижения. Как командир части в департаменте борьбы с наркотиками, он имел доступ к специальным средствам передвижения, которые даже под длительным обстрелом не превращались в решето, с пуленепробиваемым стеклом и стальным корпусом, но и выглядели эти средства соответственно. «Мерседес» же, который Пилар вогнала в дерево, был оборудован с косметическим пониманием дела. Превосходно замаскированный танк, наверняка не присутствующий ни в одном торговом каталоге. Кому может понадобиться такая машина, если обладатель не собирается таранить гризли? Да и для этого при необходимости хватило бы серийной комплектации.

Помещение с мостиком внутри, до зубов вооруженные люди, черные как ночь ящики, в которых что-то пульсирует, что-то теневое направляет свой интерес на внешний мир...

Может, у этого забора есть еще и другая задача. Что, если на этой ферме есть что-то такое, что нельзя *выпускать наружу*?

* * *

Оранжево-розовая полоса на верхнем этаже погасла.

До прибытия ван Дэйка ему надо остыть. Попытка раздуть неприятные процессы до кошмара велика и соблазнительна, но что он на самом деле увидел? Что такое факты, а что – недопустимые попытки драматизировать случай Гузман? Вот стоишь тут, такой молодец, а раскрытое преступление отвратительно, хуже не бывает. Но, даже если он день за днем раскрывал случаи убийства, это не может идти в зачет за прежнюю вину.

Итак, предприятие хайтек. С безупречной характеристикой, кстати сказать. Акт Фиббса, который он пробежал глазами на Сэдлбеке, рассказывает историю, готовую для Голливуда. О высокоодаренном ребенке по имени Эльмар Нордвиск, который терпеть не мог свою собаку, из чего – подвод к этому он был вынужден пропустить – получилось поразительное предприятие по спасению мира, явно более сенсационное, чем Google. От «Единорога» – как они тогда в Силиконовой долине назвали свой стартап – они затычным галопом промчались к рыночному обороту свыше миллиарда долларов, к платформе «Муншот», к проведению проектов, казавшихся неосуществимыми в силу радикальных идей и таких же технических решений.

В черных ящиках. Почему бы нет?

Над горами нарисовался элегантный самолетик с двумя огромными винтами. Вечерним ветром донесло пение турбин. Тут же винты опрокинулись в горизонтальное положение, и машина отвесно опустилась позади вилок. Лютер поднялся со своего камня, без спешки побрел к контрольному пункту, увидел за тонированным стеклом охранной будки очертания человека в форме. Дверь открылась, и человек вышел наружу.

– Шериф Лютер Опоку?

– Помшерифа, – поправил Лютер порядка ради.

– Будьте любезны предъявить документы?

Он достал свое служебное удостоверение и протянул охраннику, который взял документ двумя руками и внимательно рассматривал, пока взгляд Лютера был испытующе устремлен на собеседника. Фуражку и нагрудный карман украшал фирменный логотип «Нордвиска»: два

противонаправленных угла, образующих букву N. Мужчины на видео носили такую же униформу.

Кто-то быстрым шагом приближался со стороны виллы. Охранник вернул Лютеру удостоверение, циклопический глаз светофора загорелся зеленым. Бесшумно, словно паря на воздушной подушке над шинами, ворота откатились в сторону, и Лютер, входя, испытал странное чувство, будто покидает свой округ и ступает на территорию чужого царства. Он посмотрел на небо, которое уже заметно помутнело. Розовый цвет исчез с фасада верхнего этажа, солнце за туманной дымкой казалось вырезанным из красного картона. Ворота у него за спиной закрылись так же бесшумно, как и открылись. Навстречу ему спешил приветственный комитет в одном лице: среднего роста, плотный, светлые волосы пронизаны серебряными прядями, очки без оправы, галстук расслаблен, рукава рубашки закатаны. Между вялыми щеками, изрытыми следами от угрей, рот казался маленьким; глаза – два бледно-голубых стеклянных шарика, вдавленных в тесто, в них мерцал холод и высокая степень целеустремленности. Человек, на физиономии которого рано отразились профессиональные занятия с цифрами; с ним еще в школе никто не хотел связываться, потому что даже драчунам его свойства казались подозрительными: не получишь ли от него больше, чем врежешь ему.

– Хьюго ван Дэйк, – назвалса он и протянул Лютеру руку. Он улыбнулся, и эта маленькая мимическая поправка оказала поразительное действие. От холода не осталось и следа. Голубые глаза светились, открытость стала определяющим признаком его характера.

Лютер пожал ему руку – крепкое, контролируемое пожатие.

– Спасибо, что нашли время для меня.

– Это мелочи. – Ван Дэйк указал ему на вход в виллу: – Прошу вас.

Так же быстро, как встретил Лютера, он зашагал впереди него. Они вошли в фойе, обшитое темными досками, там господствовал лифт, широкий фронт которого не соответствовал его функции соединять пару этажей, тем более что рядом была лестница. Бронированное стекло окружало лифтовую шахту и лестницу, его нарушал шлюз трубчатой формы, стоявшие открытыми двери показывали пустые рабочие помещения. Лютера привели в господскую заднюю комнату, уставленную старинной мебелью, уютными диванчиками, рабочими местами для ноутбука, шкафами, забитыми книгами, и хорошо заполненным баром. Ван Дэйк, не останавливаясь, прошествовал через раскрытую двустворчатую дверь на террасу, и Лютер впервые увидел весь ареал в его полной протяженности. Слева сарай, обветренные стены и крыши которых могли происходить из времен, когда был построен главный дом, граничащий с трансформаторной подстанцией. Громоотводы, трансформаторы, сборные шины и ряды генераторных блоков, казалось, могли обеспечить электричеством небольшой город. Он посмотрел направо, где начиналась протяженная череда домов. Красные фронтоны, размеченные палисадники и плетеная мебель на верандах – все это было будто вырвано из Флорида-Бич и посажено перед бесконечным рядом водных резервуаров, которые ограничивали ареал с южной стороны. Тем более простыми казались низкие строения – возможно, лаборатории. Центральная ось, исходящая от виллы, проходила по летному полю и парку с природным прудом и трепещущими на ветру парусиновыми лежаками, прежде чем упереться в погрузочный двор ангара. Он простирался, массивный и отталкивающий, шторные ворота подняты, но взгляд Лютера уже поглощала темнота.

От самолета шли к дому три человека. Мужчина с пружинящей небрежностью врожденного спортсмена, женщина слева от него – в форме пилота. Другая, цвета красного дерева, высокая и стройная, была в форме охранника. Ее движения были плавными, как будто она в любой момент готова была взвиться вверх и заскользить по воздуху, как рыба в воде. Она что-то сказала мужчине, не сводя глаз с Лютера, и улыбнулась.

– Эльмар непременно хотел при этом присутствовать, – сказал ван Дэйк. – Пилар была его ближайшей сотрудницей.

Лютер выдержал взгляд женщины цвета красного дерева, высокий гладкий лоб которой и узкий нос придавали ей облик эфиопской царицы. Она не сводила с него глаз. Ее улыбка могла выражать все что угодно: от дружелюбия через страстное желание и до бездонного презрения.

– Ближайшей в чем?

– Если быть точным, «сотрудница» – слишком примитивное понятие. – Ван Дэйк уклонился от ответа. – Их отношения были другого свойства.

– И какого же?

– Не того, каким заполняют колонки светской хроники.

– Я тоже совсем не это имел в виду.

– Зато я имел в виду это. – Ван Дэйк взглянул на него. – Вы ведь не обязаны рыться в мусоре, помшерифа? Спрашивать, кто с кем проводил сверхурочное время?

– Такое я выясняю, не задавая вопросов.

– А как же тогда?

– Достаточно послушать, что говорят. Мусор сам по себе болтлив. Но раз уж мы коснулись этой темы...

– Ответ гласит: нет. Ни я, ни Эльмар.

– И больше никто в «Нордвиске»?

– Строить догадки было бы рискованно, – сказал ван Дэйк. – Я могу говорить только за себя и за Эльмара.

Группа внизу разделилась. Красное Дерево разорвала контакт их взглядов и ушла с летчицей в сторону жилого крыла. Лютеру показалось, что в ее улыбке было что-то вызывающее, голодное и в то же время вопросительное, как будто она искала пути встретиться с ним отдельно от других.

– А почему вы готовы говорить и за Эльмара?

– Потому что мы как Инь и Ян. – Ван Дэйк улыбнулся. – Может быть, не в классической пропорции. Насколько я знаю, Пилар была одинока. Элинон Бендер это знает.

– Бендер... – Лютер вызвал в памяти досье Фиббса. – Есть сотрудница с такой фамилией, верно?

– Элинон руководит нашей медицинской секцией. К сожалению, она сейчас не здесь, но, может, ваши розыски приведут вас в Пало-Альто. Эльмар, позволь представить тебе помшерифа Лютера Опоку из здешнего департамента шерифа.

У мужчины, который взбежал к ним по ступенькам веранды, были коротко остриженные черные волосы, мягкие густые брови и лицо вечного студента. Из-за затеняющей щеки и подбородок трехдневной щетины казалось, что ему не больше тридцати с небольшим, тогда как на самом деле Эльмару Нордвиску было уже за сорок. Он носил джинсы, кроссовки, футболку с принтом Radiohead, а поверх нее пиджак того сорта, что не мнется, даже пролежав два дня в чемодане. Когда он подал Лютеру руку, это произошло так рассеянно, что можно было опасаться, что он тут же забудет про него.

– Шериф. – Мимолетный контакт взглядов. – Это вы нашли Пилар?

– Поднимал ее труп с обрыва. Обнаружили ее туристы.

– Она мучилась?

Лютер помедлил.

– Думаю, нет. Все произошло очень быстро.

– Быстро? И насколько быстро?

– Она рухнула в дерево. И сломала шею.

Нордвиск посмотрел на свои ладони, как будто видел их впервые. Растопырил пальцы, как будто тестируя их.

– Окей, у вас есть к нам вопросы. Я не сторонник невзвешенных выводов, поэтому предлагаю перейти на последнее состояние. Мне все равно, в какой последовательности. – Он поднял глаза: – Может, вы начнете? Коротко факты.

– Мисс Гузман...

– Пилар. – Он печально улыбнулся. – Называйте ее Пилар.

– Мы тут в принципе обращаемся по имени, – пояснил ван Дэйк.

Пока Лютер излагал состояние сведений, глаза Эльмара Нордвиска блуждали по территории, как будто там разыгрывались параллельные события. Лютер припомнил тех молодых женщин, которых они видели из-за забора. Сидел ли кто-нибудь в офисах, когда он пересекал фойе? Этого он не знал. Был слишком увлечен монолитным лифтом и барьерами из бронированного стекла. Все здесь взрывало рамки относительности. Может быть, все эти вещи: трансформаторная подстанция, водные резервуары, старинная архитектура – и раскроются специалисту, какова бы ни была его экспертиза, но разве мог бы он объяснить мостик в подземелье?

– Мне нужен список, – завершил он свои выкладки. – Кто был на ферме в последние 24 часа?

– Да кто же... – Эльмар Нордвиск посмотрел на ван Дэйка. – Обычные подозреваемые, разве нет?

– Выражаясь идиоматически. – Ван Дэйк указал на комплекс зданий с верандами и палисадниками. – Кто остается на ночь, спит в этом крыле. У некоторых здесь прямо-таки второй дом.

– У Пилар тоже? – спросил Лютер.

– Угловые апартаменты.

– Я хотел бы взглянуть. Но если вы настаиваете на ордере на обыск...

– Да плевать нам на этот ордер, – сказал Нордвиск. – Вы можете посмотреть все, шериф, только не разгуливайте тут один. Вы тут мало чего поймете.

– Кстати, что мы могли бы вам предложить? – ван Дэйк попытался сгладить тон партнера.

– Спасибо. – Лютер отрицательно покачал головой. – Если бы вы могли собрать всех присутствующих для опроса. Через четверть часа сможете?

– Конечно. Их не так много. Охранники да две программистки.

– Почему так мало?

– Потому что A.R.E.S.y не требуется нянька, – нервно сказал Нордвиск. – Основное автоматизировано, даже, собственно, все, понимаете? Нет, откуда вам знать. Итак, пока мы не проводим эксперименты, для которых нужны люди, ферма управляется сама, это ведь одна из главных целей машинного обучения. Вообще-то логично. Если вы хотите задавать тон в индустрии 4.0 и интернете вещей, вам требуется универсальный ключ идентификации ИИ, который вам служит так, что вы не должны ему служить. Вы вообще понимаете, о чем я говорю?

– Нет.

– Ну ясно, я наскучил вам этим иррелевантным хламом. – Голос у него был тихий, губы едва шевелились. Тем быстрее пробивался между ними речевой поток. Червяки слов нагоняли друг друга на краю внятности. Нордвиск, кажется, пренебрегал говорением, видя в нем неповоротливого посланника мысли. Чтобы уравновесить свой лепет, он пользовался размашистой жестикуляцией, и именно таким Лютер припомнил его в одной из телепередач. Там шел спорный разговор. Нордвиск тогда завладел всем временем, а его руки постоянно чертили круги и параболы, черпая из неиссякаемой символики. На чертах его лица лежала самозабвенная улыбка и удивление большого мальчика, который видит в будущем неограниченные возможности, только всегда глядя мимо своего собеседника, вот и теперь его зрачки ускользали, плавали туда и сюда, ни на чем не фокусируясь.

– И у вас нет никакого предположения о том, что Пилар вообще могла делать вчера вечером на ферме?

Ван Дэйк пожал плечами:

– Но нет ведь никаких подтверждений, что она здесь вообще была.

– А что в этом, собственно, было бы необычным?

Нордвиск поморгал:

– Что она появляется здесь?

– Как ведущая сотрудница...

– Нет никакой причины. Совершенно никакой! Ферма не то место, где надо появляться вне плана. Пилар – я имею в виду, она могла приходить и уходить когда угодно, но она не сделала бы это тайно. – Его правая рука прочерчивала воздух, как будто ища где-то причину, и потом вяло опустилась.

– Да и зачем? – завершил ван Дэйк. – Итак, что же было вчера ночью? Программистки привычно завершили проверку системы, а охранники – свое патрулирование. Не было никаких сообщений, ничего необычного. Сразу после вашего звонка я просмотрел протоколы и видеозаписи. Пилар здесь не было.

– Вы говорите об охранным видеонаблюдении?

– Здесь все охвачено видеоохраной. – Голубые глаза ван Дэйка фиксировали Лютера так, будто и за ними скрывалась маленькая камера.

Лютер чувствовал неуверенность. Фильмы, которые они видели на компьютере Тами, датировали записи вчерашней ночью, но насколько надежно такое датирование? Разве дата не изменяется с каждой обработкой?

– А у нее были враги? Какие-нибудь стрессы с коллегами?

– Пилар была не из тех, у кого есть враги, – сказал Нордвиск.

– Это звучит так, будто вы были друзьями.

– А мы ими были? – Он уставился в точку над своими ботинками. – Господа, да что такое дружба вообще? Да, вроде были. Я не вел хронику ее приватной жизни, но мы ею – да – обменивались. Ну хорошо, давайте назовем это дружбой.

– Знаете ли вы кого-либо из ее родных, кого мы должны были бы оповестить...

– Нет. Ну, лично не знал. Семья перебралась в Канаду, когда она была еще маленькая. Родители, брат, тетка, я думаю. Остальные все еще живут в Мехико. Тут у нее был только друг. Бывший друг, если быть точным.

– И вы его знали?

– Джим Гарко. Славный тип. У него было кафе для серферов в Монтре, и оно прогорело. Пилар привела его к нам на предприятие. Они расстались, когда она у нас ушла на второй круг, но остались друзьями.

– А с чем она ушла на второй круг?

– С микробами, разлагающими нефть. Это нечто действительно важное! – Нордвиск широко улыбнулся Лютеру, как будто вручил ему рождественский подарок и ждал его ответной радости. – Она изучала биохимию и синтетическую биологию в Беркли. Элинор была руководительница Пилар, и потом произошла эта неприятность – но вы действительно хотите это знать?

– Говорите.

– Глубоководный горизонт, 2010. Что-нибудь кликает?

– Буровая платформа.

– Внезапный выброс! Эта дрянь взлетела в воздух и опустилась, но внизу продолжало фонтанировать. Никто не знал, что делать. Дыра на глубине в полторы тысячи метров, из нее бьет нефть, и никто не знает, как ее снова заткнуть. Месяцами там мудрили, а нефтяное пятно расплзлось все шире. Пытались его собрать, пытались сжечь, бросили, остальное довершили бактерии. Такое бывает, но длится годами. Проблема в том, что, если микробы пожирают нефть, они часто выделяют вещества, которые еще хуже нефти, кроме того, они при этом раз-

множаются как бешеные и расходуют огромное количество кислорода, а в итоге все это дерьмо загрязняет море. Пилар пыталась вывести микробы, которые быстро разлагают нефть, но при этом не уничтожают кислород в огромных масштабах и не забивают все вокруг своими клонами.

– И ей это удалось?

– Ей и Элинор. – Нордвиск кивнул, полный затаенной злобы. – Им за это полагается проклятая Нобелевская премия.

– И она это здесь, наверху...

– Да. Нет. – Его взгляд скользнул поверх Лютера. – Это проблема оптимизации. Имеется бесконечно много возможностей вмешаться в геном микроба, но время не бесконечно. Где-то в облаке опций, миллионов и миллионов опций... – его ладони охватили воображаемое пространство, расширили его, – кроется решение. Всегда есть *одно* решение. И мы здесь вышли на след этого решения.

– Мы говорим об A.R.E.S.e? Месте работы Пилар?

– Да.

– О ферме?

– Ферма и есть A.R.E.S. – Нордвиск прочесал себе волосы пальцами, замер и улыбнулся своей робкой мальчишеской улыбкой. – Извините, помшерифа, я тут разглагольствую, а вы даже не представляете, о чем я говорю.

– Представляю. Вы говорите о компьютере.

И это он тоже знал из акта Фиббса, только забыл, из чего составлена эта аббревиатура. A.R.E.S. – это флагман концерна, супер-ЭВМ, вышедшая из ранней программы Эльмара Нордвиска, задуманной для того, чтобы самостоятельно разрабатывать исследовательские программы. Что-то вроде синтетического ученого. За годы A.R.E.S. Нордвиска охватил бесчисленные бизнес-поля. Правда, работа искусственного интеллекта превосходила понимание Лютера, зато благодаря ей он постигал разные вещи.

– Требуется огромное количество энергии, чтобы держать такую машину на плаву, верно?

Ван Дэйк снял очки, поглядел на них на просвет и снова надел.

– Я думаю, помшерифа, пора уже приступить к экскурсии.

* * *

Пока он смотрел, как ван Дэйк прикладывает свою ладонь к сенсорному экрану и заглядывает в глазок сканера, Лютера стало глодать смутное недовольство. Он последовал за менеджером в трубу из бронированного стекла, где чувствовал себя странным образом выставленным на обозрение. Казалось, этот шлюз удерживал их внутри бесконечно, глазок то одной, то другой камеры ощупывал их тела, сенсоры измеряли возможные следы загрязнений. Не посмотрел ли он чего? Вернее сказать, не увидел ли то, на что должен был среагировать, вместо того чтобы ждать, пока... пока что? Пока они с ван Дэйком стояли на террасе, это недовольство в нем ворочалось. Шлюз распахнулся, и он подумал, выходя: «Ждать до коллективного опроса. Точно! Я не должен был ждать. Солнечные лучи не исследуют с наступлением сумерек, как и улыбку, когда спустя часы спрашиваешь себя, что бы она могла означать, – а улыбка этой египтянки казалась в предлагаемых обстоятельствах, собственно, неуместной, разве нет? Так привычно, как она обходилась с Нордвиском, она, должно быть, знала о смерти Пилар Гузман, и разве так улыбаются шерифу? Совершенно незнакомому? Что она хотела, что транслировала, что пыталась сказать? Моя ошибка! Я должен был немедленно с ней заговорить, вместо того чтобы...»

Должен был, и вот уже двери лифта раскрываются. С удовольствием бы с ней поговорил. В том числе и потому, что в ее взгляде было что-то манящее; не столько чувственный соблазн,

сколько обещание обширного понимания. «Уж ты поймешь», – говорил ее взгляд. Мимолетное предложение, которое, казалось, мелькнуло в момент ее отказа, упущенная возможность. Упущенная из рук, как и многие другие шансы, и самое позднее теперь Лютер должен был признаться себе, что его демоны снова взяли его в удушающий захват. Поскольку, разумеется, дело здесь не только в женщине красного дерева. Дело в том, что не поговорили, когда еще было время, а теперь, может, уже никогда не удастся сказать то, что нужно.

Пот выступил у него над верхней губой. Паника будто схватила его за горло, одиночество и страх потери сжали его сердце судорогой. Наэлектризованный импульсом выскочить из смыкающихся дверей, он ошупывал стенку лифта и чувствовал приближение атаки. Она нахлынула мощно и унесла его в отдаленное прошлое, еще дальше, чем тот роковой день, о котором у Тами больше не осталось воспоминаний. Мысленно он бежал через лабораторию наркоты, охваченную ярким огнем, потому что один из гангстеров выстрелил в экстрактор, наполненный газом бутаном; видел, как его люди и варщики наркоты совершали свою убийственную игру теней в красном чадающем дыму в сопровождении перестрелки; выкрикивал команды, тогда как его полицейский спецназ брал лабораторию в клещи. Кричал навстречу адской ударной волне, которая непосредственно несла в себе пулю, и чувствовал, как она попадает ему точно под сердце. Ах, что там попадает. Она вдруг уже в нем, тяжкая, неподходящая. Что ж такое? Бежал дальше и падал как подкошенный на пол, и в тот же момент наступала боль и раскаленное добела понимание, что он сейчас сдохнет в этой вонючей дыре, то есть вот это место и время! – их шоковое соединение. Он покатился по полу, сжал свой Heckler & Koch, который все еще весомо лежал у него в руках, когда дым и пламя выплюнули из себя чей-то силуэт; мужчина, который в него попал, все еще держал свой пистолет, прижав к себе локоть, чтобы выпустить остаток пуль.

Потом он увидел, что это не мужчина, а мальчик. Стоял, скрючившись, один из тех полудетей, брошенных в дробилку картелей и беспощадно перемолотых, и в глазах этого мальчишки вспыхивала не жажда убийства, а голый страх – страх перед Лютером, страх смерти, страх перед всем, чего он не понимал, а он совершенно точно не понимал, почему он оказался тут вместо желанной обители белого, сытого среднего слоя, в котором самый большой риск состоит в том, что тебя застукают за кайфом. И страх самого Лютера был огромным, потому что его пальцы попадали в пустоту, и страх еще больше расширил ему глаза, когда голова мальчишки лопнула, как перезрелый плод, и сорвалась в огонь. Полицейская, спасшая в этот момент Лютеру жизнь, так и тащила потом за собой этого мальчишку, как и каждый из них тащил на себе тяжелую поклажу, но привыкнуть можно ко многому. И может быть, эта живая сцена с годами застыла бы в картину, покрытую уже потемневшим лаком, если бы Джоди после этого случая не настояла, чтобы он уволился из отдела наркотиков в Сакраменто и они переехали в Сьерру, где жила мать Лютера, вторым браком вышедшая замуж за помшерифа из Плама-маса, который со своей стороны задействовал дружеские связи в хронически недоукомплектованном отделе шерифа в Даунивиле...

– Помшерифа? – Ван Дэйк с тревогой смотрел на него. – Вам нехорошо?

Лютер отнял руку от стены лифта. Чувство невесомости подсказывало, что кабина быстро опускалась вниз.

– Все нормально.

– Вы побледнели.

– Побледнел? – Смех зашекотал его горло, пробил себе дорогу и оказал освобождающее действие. – Мне еще никогда никто не говорил, что я побледнел.

– Никогда? Значит, вы должны чувствовать себя дискриминированным.

– Что?

– Пардон.

– Нет проблем, мистер ван Дэйк...

– Хьюго.

– Хуже, чем вышучивать цвет моей кожи, – это его игнорировать, лишь бы только не сесть голым задом в крапиву. Мой отец из Ганы. Я черный, как пустой космос, как часто говаривал мой старик.

– Вы никогда не видели себя побледневшим?

– Полицейские настроены скорее на то, чтобы бледнели другие.

– Ничто и никто не построены на цвете, – сказал ван Дэйк.

– В этом много хорошего и истинного, Хьюго. Но в тех местах, где меня не знают, в моей личной машине, в гражданской одежде, меня тем не менее останавливают в три раза чаще, чем вас. И тогда лишь немногие черные могут предъявить документ шерифа.

– Да, к сожалению. Что я хотел сказать: есть бледность, которая кроется глубже под кожей.

– И вы можете ее разглядеть?

– Посмотрите на меня. Я же эксперт по бледности.

– Знаете что, Хьюго? – Лютер указал на потолок. – Это в первую очередь из-за жуткого освещения в лифте.

– Это поправимо. A.R.E.S., не мог бы ты включить нам более приятное освещение?

И действительно, ван Дэйк в кабине выглядел еще бесцветнее, чем был на самом деле. Брови и ресницы светлые, зато еще отчетливее обозначены рытвины от его давних угрей. Лютер представил себе, как протекала подростковая жизнь этого мужчины. Совсем иначе, чем жизнь Эльмара Нордвиска, подумал он. О том не надо было много знать, чтобы представить его способность к самодемонстрации, которая давала о себе знать с юности, – располагающая внешность в паре с умом и хитро выставленная напоказ скромность действовали как на девочек, так и на их матерей. На последних так действовала развитая смесь из ума и благопристойности, что они всеми силами поддерживали – в предвкушении гламурного свадебного торжества – первые опыты флирта своих дочерей, от которых в свою очередь ускользало, с какой легкостью робкий юноша соблазнял их к тому, чтобы они соблазнили его. Досье Фиббса содержало и цветочки из бульварной прессы, согласно которым Эльмар вступил в прочные отношения – с неудавшейся поп-певицей по имени Лиза Мартини – только после множества заметных любовных походов. А что ван Дэйк? Борьба за выживание. Служить вечным мусорным ведром, которому девочки платонически доверяли свои тайны, потому что им и в голову не приходило, что он нечто большее, чем бесполое существо без потребностей. Тип, у которого можно списать, но которого не приглашают на вечеринки...

Свет в лифте приобрел более мягкий тон.

– Ты смотри-ка. Ваш компьютер понимает иронию.

– Лучше, чем большинство его программистов. – Ван Дэйк отмахнулся: – Да не впечатляйтесь вы так уж. Обычные карточные трюки. Мы с их помощью выуживали миллиарды из карманов инвесторов. Как сказал бы Эльмар, это дерьмо всегда работает.

Дверцы кабины раскрылись. Застекленный проход тянулся до мерцающего фронта, на котором красовалась увесистая N «Нордвиска». За стеклянными стенами – пульта управления и мониторы, мужчины из службы безопасности. Шелковистый, вездесущий свет исходил не из какого-то определенного источника; казалось, его производило само помещение.

– А что это за служба охраны? – спросил Лютер, когда они шли к этому светящемуся фронту. – Откуда все эти люди?

– Мы сами их наняли.

– Не от стороннего подрядчика?

– Извините, – Ван Дэйк даже развеселился. – Здесь самое значительное исследовательское предприятие Соединенных Штатов.

– Несоизмеримое со степенью вашей известности.

Он улыбнулся:

– Самые красивые цветы расцветают тайно. «Нордвиск» – лидер на мировом рынке искусственного интеллекта, Пало-Альто – всего лишь ярмарка. Там ежедневно возникает что-нибудь новаторское. Настоящий биотоп для чокнутых, зверинец своего рода. Любой, кто попросит, получит экскурсию. Но мозги – здесь, в Сьерре, и эту информацию мы не хотим никому навязывать. Разумеется, охрану нашего комплекса мы не можем доверить в руки обычных ночных сторожей.

– Я бы предположил ваших противников скорее в лице китайских хакерских кругов.

– Вы не имеете представления о том, кто ведет за нами охоту. Технологические страхи – это как инфекция, как вирус. Противники цифровой трансформации предпочли бы нас истребить, не говоря уже о религиозных фантазиях уничтожения: нас ведь подозревают в том, что мы притворяемся богом. Проблема в том, что защитить вы можете только то, во что вы проникли интеллектуально. И «морские котики» с великим магистром в информатике на дороге не валяются. Но мы хорошо укомплектованы.

– Отлично. Поговорим о засекреченности.

– От китайских хакеров?

– Нет. – Лютер остановился. – Что в «Нордвиске» есть такого секретного, за что Пилар Гузман должна была поплатиться жизнью?

– Я и сам себя об этом спрашиваю.

– И?

– Мне ничего не приходит в голову. Мы считаем засекреченность контрпродуктивной.

– Вы шутите.

– Никоим образом.

– Тогда вы противоречите всем действиям любого правительства.

– И что? – Ван Дэйк посмотрел на него. – Что это приносит правительствам? Кризисы, войны, стагнацию. В этом мы противоречим и культуре инноваций Азии и Европы, где они ворочаются в кошмарах, что кто-то сможет украсть их красивые идеи. Но без обмена вы не продвинетесь вперед. Прогресс – это гуманитарный проект, помшерифа. Мы те, кто мы есть, лишь потому, что находимся в открытом обмене с теми, у кого есть хорошие идеи. Любой стажер в «Нордвиске» имеет свободный доступ к ведущему уровню. Большая часть наших разработок – это проекты с открытым исходником, к нему имеют доступ ученые со всего мира. Мы не замораживаемся перегородками и иерархиями, они – смерть для любых инноваций.

– Итак, вы допускаете, чтобы другие снимали урожай ваших разработок?

– Пусть пользуются.

Лютер задумался:

– После того, как вы их запатентовали?

– Разумеется. Должны же мы зарабатывать деньги.

– Это проливает уже не столь мягкий свет на ваше великодушие.

– Ни в коей мере. – Ван Дэйк приложил палец к виску. – Может быть, мне следует разъяснить недоразумение. Не мы разрабатываем продукты. Это делают наши юзеры. В силу их потребностей, их желаний, их надобностей. Мы в некотором роде лишь посредники. Чтобы помочь человечеству, нам нужен доступ к данным человечества. А человечество нуждается в доступе к нам, чтобы подпитывать обратную связь. Не раз в год на собрании акционеров, не раз в день, а ежесекундно! Эволюция, деструкция, все, что подстегивает высшее человеческое развитие, осуществимо лишь совместно, и, честно говоря, нам не помешало бы немножко больше высшего развития, вы не находите? А засекреченность замедляет этот процесс. В 2050 году нас будет десять миллиардов в довольно проблематичной окружающей среде. Вы понимаете, что это значит? Мы не можем себе позволить замедление развития! Итак, да: мы верим в силу коллектива.

В лице ван Дэйка сияло солнце уверенности, и Лютер действительно понял. Он понял, как измученный угрями мальчик в конце концов решил битву в свою пользу: в какой-то момент ван Дэйк обнаружил свою улыбку и дар убеждать людей.

– Патентированию предшествует исследование, Хьюго, – дружелюбно сказал он. – Не рассказывайте мне, что у «Нордвиска» нет тайн.

Ван Дэйк кивнул:

– Идемте.

Увесистая N расступилась перед ними. Открывшееся за ней помещение уходило в высоту метров на пять или шесть. Круговые консоли, уставленные мониторами, клавиатурами, пультами переключения и принтерами, были распределены по освещенным площадкам, каждая из которых вмещала в себя дюжины рабочих мест. Лютер видел диаграммы, фотоснимки и числовые ряды на прозрачных дисплеях, голографические призраки в сосуществовании со старомодными штекерными панелями, на которые были наклеены бумажки, исписанные маркером. На открытых полках громоздились платы и ноутбуки, аналоговая чащоба посреди воплощения цифровой информации. Как в мультиплексном кино, изображения привычных и чужих миров покрывали стены, географические карты и схемы устройства загадочных машин – должно быть, гигантских, хотя внутри них никто не двигался для оживления воображения. Как раз это отсутствие человека и вдыхало жизнь в титанические конструкции, чье выжидательное существование могло проснуться к целеустремленной активности внезапно и без всякой видимой причины. Стены производили проекции, как они производили и свет, прямо-таки аттракцион иллюзий. Сходным образом нереальными казались и две молодые женщины, которых они видели сегодня из-за забора. Уставившись на мониторы, они оживляли помещение меньше, чем заполняли его призрачную пустоту. Лютер спросил себя, на какой глубине залегает это тайное помещение. Лифт мог опускаться с какой угодно скоростью, но его ускорения и торможения позволяли заключить, что спуск был почти свободным падением вниз.

Одна из женщин развернула свой вертящийся стул в их сторону:

– Привет, Хьюго. Как дела? Эльмар говорит, нам надо подняться наверх.

– А я и не знала, что вы на ферме, – сказала другая.

– Внепланово. – Ван Дэйк вопросительно посмотрел на Лютера: – Когда именно вы хотели провести допрос?

– А сколько времени нам понадобится на обход?

– Зависит от того, что вы хотели бы увидеть.

– Автопарк, апартаменты. Напротив ангара.

«Напротив» – расплывчатый ориентир из такой глубины, однако ван Дэйк кивнул:

– Рассчитывайте на полчаса. Ах да, пока я не забыл правила хорошего тона: Эллен Бэнкс, Бриджит Ли, программистки, – помшерифа Лютер Опоку из местного отделения.

Эллен Бэнкс, упитанная блондинка, оглядела импозантные метр девяносто Лютера и протянула ему свои скрещенные запястья:

– Заберите меня с собой, помшерифа. Я очень опасна.

Бриджит Ли рассмеялась:

– Неправда, это все я натворила. Неважно что.

– Обоих вас милости прошу в отделение, леди, чего бы вы ни натворили. Только не давайте мне повода задержать вас дольше, чем на чашку кофе. – Стандартная отмазка на попытки флирта скучающих отпускниц.

Но вдруг взгляд Эллен омрачился:

– Что вообще случилось, Хьюго?

– Об этом мы после поговорим, – опередил генерального директора Лютер.

– Что-то плохое?

– Вы же слышали, – сказал ван Дэйк. – Увидимся наверху.

Лютер последовал за ним, выходя из этого помещения на балюстраду. Она проходила вдоль какой-то бесконечной стены, с равными интервалами пересекаемой стальными лестницами, насколько хватало глаз, а глаз захватывал не очень далеко, иначе закружилась бы голова от протяженности этого подземного мира. Перед ним простиралось что-то вроде ландшафта. Трубы, тоководные шины и распределительные коробки покрывали потолок, опрокинутый с ног на голову мир, от которого расходились связки кабелей и разноцветными пуповинами тянулись к колоссальным стеклянным и стальным шкафам. Больше, чем любой центр данных, когда-либо виденный Лютером, этот производил впечатление города, в котором без конца что-то мигает – пульс машины, видимый за счет мириад прилежно работающих светодиодных лампочек. Ряд за рядом светящиеся стеклянно-стальные плиты заполняли зал до его отдаленных границ, идентичные серверу Ракса, который не имел ничего общего с массивными шкафами обычной вычислительной машины. Ни один человек не населял его улицы, только роботы патрулировали там, самоходные станции снабжения с телескопическими шеями, усаженными камерами и манипуляторами. Они точно захватывали его части, складывали их в плетеные корзины, а на их место вставляли новые. Лютер, как зачарованный, следил, сжимая пальцами перила, при этом его растерянность наполовину была связана с тем, что такой комплекс мог годами скрываться под землей Сьерры – и никто о нем не знал.

– Когда вы все это построили?

– Эльмар начал в 2003 году. – Ван Дэйк оперся о перила рядом с ним. Словно туристы на круизном лайнере, они дружно висели на перилах и смотрели вдаль, на море данных. – Этот участок принадлежал его матери.

– Принадлежал?

– Она рано умерла. Шведская певица, сопрано. Великолепный голос, кстати, я, к сожалению, слышал его только в записях. Ее прадед вытянул билет в новый мир и разбогател за годы золотой лихорадки. Один из немногих, у кого это все не утекло тут же сквозь пальцы. Он купил землю в Сьерра-Вэлли, занялся торговлей древесиной и стал еще богаче.

– Это от него остался основной господский дом?

– Да. Огороженный ареал лишь часть фамильных владений. Когда Эльмар писал первые алгоритмы для A.R.E.S.a, у него уже было ясное представление о будущем. И необходимое для этого пространство.

– И какое из его представлений мы видим здесь реализованным?

Ван Дэйк сделал неопределенный жест рукой, как будто передавая дальнейшую ответственность этой колоссальной машине.

– Они хотят изменить общество. Насколько я понял. – Этот блондин улыбнулся, как будто Лютер рассказал ему уже знакомый анекдот. – А вам надо знать, помшерифа, что Силиконовая долина есть место осознания для безрассудных. Сплошь наркоманы в бреде своих идей, а наркотик называется «осуществимость». Каждый хочет показать, что все получится. Что все работает. Неважно что. Этот кусочек Калифорнии, на котором мы надуваемся, как расширяющаяся вселенная, уже перешел бы в чью-нибудь собственность, если бы мы не прибегали к одной мантре.

– И что это за мантра?

– Решать проблемы человечества.

– Только и всего?

– Только эта мелочь.

– Хм. Здесь очень тепло, внизу.

Ван Дэйк кивнул:

– Ровно двадцать семь градусов по Цельсию. Больше, чем в большинстве вычислительных центров. Но мы обнаружили, что при такой температуре техника работает надежнее. Глубина в сто метров идеальна для создания самых эффективных энергетических условий.

Сто. Тем самым Сьерра располагает, кстати, проверенным атомным бункером. Нет, не «кстати». Помимо экономических аспектов речь шла и о том, чтобы защитить сам A.R.E.S. от разрушений на поверхности земли.

– Есть дополнительная система воздушного охлаждения, но мы главным образом охлаждаем водой. Вы заметили резервуары. Трансформаторная подстанция непрерывно поставляет нам пятьдесят мегаватт энергии, у нас тут дизельные генераторы – собственно, ток у нас не может отключиться.

– У вас тут не может быть никакой случайности?

– Может. – Ван Дэйк посмотрел на него: – Всегда.

– Объясните мне.

– Случайность, если подведут наши расчеты. А A.R.E.S. считает не так, как обыкновенный компьютер. Некоторым образом результаты, которые он выдает, случайны, как школьный друг, который встретится вам через тридцать лет в Патагонии. Мы построили машину, которая оперирует с Q-битами. В зависимости от точки зрения A.R.E.S. устраняет случайность или повышает ее до состояния вездесущности.

– Вот только не ждите, что я это пойму.

Ван Дэйк показал в сторону города-сервера:

– Помните, что Эльмар говорил о проблеме оптимизации: существует бесчисленное множество опций решить проблему, но оптимальное решение может быть только одно. Поскольку вы его не знаете, вы должны просчитывать одну опцию за другой, осуществимость, эффективность, эффект обратного воздействия на окружающий мир и так далее и тому подобное. Одно за другим! Одно якобы оптимальное решение может при этом оказаться неприменимым, потому что хотя оно и решает проблему, но ее воздействия могут оказаться недопустимыми. Так в нашем представлении создается ошибочная картина путей решения. Как будто их можно прошагать только один за другим, хотя на самом деле они все существуют одновременно – внутри одного феномена, которое физики называют квантовым облаком. Обычные вычислительные машины работают с хронологическим способом отбора, с битами, минимально возможными единицами различия. В качестве бита мы имеем значение один или нуль. Да или нет. Либо – либо. В системе «либо-либо» пойти по двум путям одновременно так же маловероятно, как на перекрестке свернуть сразу направо и налево. Итак, вы идете сперва сюда, потом туда. Проблемы оптимизации теперь приведут вас к перекрестку с миллионами направлений. Даже со скоростью света вам понадобится вечность, чтобы пройти их одно за другим. Но что, если бы вы были битом другого сорта? Битом Q, который может быть одновременно нулем и единицей, системой «как то, так и это». С ней вы можете пройти все пути решения одновременно, и уже после одного процесса вычисления перед вами был бы оптимальный результат, а в нашем представлении на это не ушло бы существенного времени.

– Дело только в том, что никто не может быть в двух местах одновременно.

– А в физике малых частиц может.

– Что значит «малых»?

– Субатомных.

– Как это утешительно. Тогда бы все алиби в судебных актах Калифорнии потеряли силу.

И A.R.E.S. работает с такими Q-битами?

Ван Дэйк кивнул.

– Вам о чем-нибудь говорит понятие «квантовый компьютер»?

Лютер причесал свой собственный жалкий накопитель данных.

– Никогда не слышал.

– A.R.E.S. – квантовый компьютер. Многие считают это невозможным – сложные вычисления проводить только квантовыми эффектами, но A.R.E.S. делает как раз это. М-да, – он вздохнул, как будто ему вдруг пришло в голову, почему Лютер вообще здесь, – пожалуй, вряд

ли данный момент подходит для интенсивного курса по квантовой механике. Да вы и не хотите это все знать.

– Нет. Я хочу знать, почему вашей сотруднице пришлось погибнуть. – Лютер помедлил. – Этой вашей машине ведь не потребуется много времени на то, чтобы это выяснить, так?

Ван Дэйк оттолкнулся от перил.

– Осуществление права и закона я все-таки предпочел бы видеть в ваших руках.

– Я ценю вашу романтическую жилку.

– Я серьезно. A.R.E.S. не зафиксировал ничего, что позволило бы узнать, что Пилар вообще здесь была. Я хотел вас заверить, что нам нечего скрывать.

«Это хорошо, – подумал Лютер. – Тогда мы будем ходить по этой прихожей поганую вечность, как это называет Рут».

– А нам не следовало бы сперва зайти в отдел службы безопасности? Снаружи.

– Да. Чуть позже я познакомлю вас с ее руководителем.

– Давайте прямо сейчас.

– А вы разве не хотите, чтобы собрались все вместе...

– Я хочу только познакомиться с ним. – И, может быть, снова встретить ту эфиопскую женщину, ее магнетический взгляд, ее голодную улыбку. – Кроме того, я бы с удовольствием заглянул в видеозаписи наружной охраны. В качестве выборочной проверки.

– Конечно. – Ван Дэйк даже не дрогнул лицом. – Какое место вы хотите?

– Скажем так, площадку перед большим ангаром в половине одиннадцатого?

– Никаких проблем.

Они вернулись в контрольное помещение, программисток там уже не было. А централь безопасности, наоборот, вся гудела от занятости. По экранам тянулись выдержки из съемок – пространственно глубокое вдавливание в некие ящики для рассады. Несколько камер посвятили себя только наблюдению за A.R.E.S.ом, за его коридорами одинаковой формы, по которым быстро пробежали машины, прислуживающие другим машинам. Ферма была охвачена под всеми углами зрения: офисы, помещения для отдыха, наружные территории, дальнейшее окружение. В шезлонгах ворочался ветер, стая гусей пересекала облачную грядку, темная на фоне бесконтурной белизны, погасившей солнце. Несколько человек в униформе подняли глаза на Лютера, эфиопки среди них не было.

– И не подъем, – тихо сказал он ван Дэйку. – Только видео.

Менеджер повернулся к одному из экранов:

– A.R.E.S., покажи нам видео охраны ангара во дворе от вчерашнего вечера, десять часов тридцать минут, со всех камер.

Окна сдвинулись, новый вид показывал ночной зал с четырех точек, освещенный и пустой. Вокруг стояли бездействующие роботы, грузовой лифт открывал взгляду пустой грузовик. Царило то своеобразное оживление неживого, какое Лютер отметил еще в контрольном помещении при взгляде в безнадежные внутренние миры машин. Он изучал перспективы камер. Очень похоже на камеры Пилар, почти идентичны, потом ему стало ясно: они *и есть* идентичные! Пилар завладела системой наблюдения фирмы. В ускоренном просмотре прошло полчаса, а так и не произошло ничего такого, то есть видеозаписи Пилар были бы либо неправильно датированы – или так называемая служба безопасности напропалую обманывала своего работодателя.

– Я же говорю, тут нет ничего такого. – Ван Дэйк пожал плечами. – Но вы можете отсмотреть хоть весь материал. На здоровье.

Лютер покусывал нижнюю губу. «Ясно же. Мы можем отсматривать его до посинения. Ван Дэйк прав. И Тами тоже права. Цифровой мир ей знаком никак не меньше, чем ее любимые птичьи заповедники в окрестности Стального моста. То есть, говоря о времени съемки, она не имеет в виду время обработки. Съемки Пилар Гузман, без всяких сомнений, были сделаны

прошлой ночью, а вот это здесь – чертова фальшивка». Он повернул голову и увидел, как какой-то мужчина встал и направился в их сторону.

* * *

Надо обязательно прикрывать свой тыл. Всегда. Особенно тогда, когда есть шанс загнать противника в узкое место. Тогда со всех сторон на него будут направлены ружейные дула. Входя в помещение, где могут быть настроены против тебя, не следует рассчитывать навести там шороху в одиночку, а надо внимательно осмотреться, сделать выводы и вернуться с достаточным подкреплением. Полицейские школы учат многому такому, чем Лютер зачастую пренебрегал, пока его семья не начала всерьез заболеть его охотничьей лихорадкой – и Сьерра была задумана как место лечения. И лечение удалось – господи, еще как удалось! – однако в глубине он так и остался тем же импульсивным охотником, фиксированным на добыче, как только она выступает на свет, готовым в схватке сорваться вместе с ней в пропасть.

Мужчина был рослый. Выше Лютера, с такими широкими плечами, что его туловище имело форму V-образного клина, вершина которого опиралась на удивительно узкие бедра. Волосы на затылке и на висках сбиты, подстриженная клинышком борода в стиле Генриха Четвертого дополнительно подчеркивала его волевой подбородок, тогда как нос был коротковат. Светлые умные глаза светились из-под лба. Этому лбу, казалось, не хватило кожи – и она была гладко натянута. Череп, который в своих странных пропорциях мог бы казаться уродливым, вместо этого излучал волчью привлекательность.

– Извините, шериф. – Великан обнажил крепкие ряды зубов.

– Помшерифа.

– Я был занят, когда вы вошли. Джейрон Родригес.

Лютер пожал протянутую ему лапу.

– Очень рад.

– Джейрон возглавляет у нас службу безопасности, – объяснил ван Дэйк, но это было лишнее: Родригес явно был вожаком стаи.

– Чем мы можем вам помочь, помшерифа?

Лютер не ответил, не сводя при этом глаз с великана. Какой счастливый случай. В деле наметилось движение быстрее, чем он рассчитывал. Капали секунды, и жизнерадостная приветливость Родригеса начинала застывать. Его густые брови поползли вверх, он развел руками в вопросительном жесте.

– Итак? – протяжно произнес он.

Лютер вызвал в памяти видео ангара. Мужчина, который руководил погрузкой контейнеров. Лютер увидел, как тот поднял глаза к камере, не подозревая, что его лицо попадет на флешку Пилар. И вот этот мужчина стоял теперь перед ним. Под его синей майкой прорисовывалась мускулатура груди, как у одной из этих экшен-кукол типа Бэтмена, воротник ветровки был поднят, так что потребовался еще один взгляд, чтобы разглядеть пластырь телесного цвета, выглядывающий из-под ткани.

– Помшерифа? Что вы так на меня смотрите?

– Разве у меня есть для этого причины?

Ван Дэйк нахмурил брови:

– Какие-то проблемы?

Родригес отрицательно помотал головой:

– Нет, что касается меня. Разве мы знакомы?

– Ваша шея. – Лютер поднял указательный палец. – Ранение?

– А, это. Порезался, когда брлся.

– Понятно. – Лютер подошел ближе. – А можно мне взглянуть?

- На что?
- На вашу рану.
- На порез от бритвы?
- Да.
- Зачем вам, прости господи, на него смотреть?
- Мне интересно, чем вы бреетесь.

Родригес заморгал:

- Чем я бреюсь?
- Опасной бритвой или ногтем.

Челюсть великана напряглась, мускулы на загривке вспучились, как у хищника, который пока не решил, то ли ему бежать, то ли нападать.

– Я использую обычную бритву, помшерифа, которую мне, пожалуй, часто приходится подправлять. Такое случается, когда лезвие слишком острое. А у меня очень густая растительность на подбородке.

- Да. Это мы уже знаем.

Ван Дэйк растерянно переводил взгляд с одного на другого:

– Помшерифа, при всем уважении, вы не могли бы выразаться яснее? В чем бы вы ни обвинили Джейрона...

- А кто сказал, что я его в чем-то обвиняю?

– Тогда почему вы так себя ведете? – контратаковал Родригес.

– Да я всего лишь рассуждаю. Пилар за час до смерти подверглась нападению. – Взгляд Лютера остановился на дубинке, висящей на поясе Родригеса. – Ей были нанесены удары продолговатым предметом, таким же, какой вы носите на бедре.

- Это ошибка, – фыркнул Родригес. – Ее здесь вообще не было.

Лютер застыл, склонив голову набок:

- Она здесь не была?

Улыбка как зацементированная:

- Нет.

– Позвольте мне разобраться, Джейрон. Вы узнаете в эту секунду, что Пилар Гузман погибла. И вам в голову не приходит ничего другого, как заверять меня, что здесь она не была?

Ван Дэйк уставился на руководителя службы безопасности:

- Ты знаешь о смерти Пилар?

– О, он знает и гораздо больше, – сказал Лютер. – Хотите узнать, что произошло, Хьюго? У Джейрона Родригеса вчера вечером произошла ссора с Пилар. Он ударил ее дубинкой, но она смогла защититься.

Внезапно стало так, будто между собой взаимодействовали только компьютеры. Воздух заколебался от электрической активности. Бойцы Родригеса смотрели в их сторону, молча, но явно угрожающе. Один из них встал, снова сел на самый краешек, готовый к прыжку. Лютер мог бы поспорить, что все они были здесь вчерашней ночью.

Всегда надо иметь прикрытие с тыла... Но для этого было уже поздно.

- Рассказывайте дальше, помшерифа.

– Она его поцарапала. И смогла убежать, что ей, к сожалению, не помогло. – Он подошел вплотную к великану, который монолитно застыл на месте. – Вы могли видеть, как она сорвалась в пропасть, Джейрон? Или вы даже помогли ей в этом? Потому что в этом пункте мы *не вполне* уверены.

Взгляд Родригеса начал мерцать, метнулся в сторону ван Дэйка:

- Я должен это выслушивать?

– Но мы нашли у нее под ногтями частицы кожи, – продолжал Лютер непринужденным тоном, – смешанные с частицами щетины. Вы же не будете возражать против сравнительной экспертизы ДНК, ведь нет? Ведь это всего лишь порез от бритвы...

Кулак Родригеса возник так внезапно, что Лютер едва успел уклониться. Костяшками все же задело его голову. Он спружинил коленями и нанес Родригесу удар в солнечное сплетение, на что тот ответил свингом, действие которого было подобно действию гири для разрушения зданий. Ударом Лютера сбило с ног, и он, лоя ртом воздух, как карп, отлетел к ногам ван Дэйка. Видя, как великан ринулся вперед, его подручный сорвался с краешка сиденья, а с остальных окружающих уже спадало медузы оцепенение. Он выхватил свой «глок»:

– Никому не двигаться! – и обвел дулом полукруг, чтобы придать своим словам силу.

Ван Дэйк, явно ошеломленный, открыл рот. Лютер даже не взглянул на него, вскочил и бросился вдогонку за Родригесом.

– Помшерифа... – голос ван Дэйка ему вслед.

Снаружи никого. Коридор освещает сам себя, двери лифта образуют сплошной замкнутый фронт. Слева съезжается большая N – отчетливое указание на то, куда свернул Родригес. В эйфории Лютера, что он так быстро разоблачил этого человека, горела ярость, взрывоопасный коктейль, который сильными рывками гнал его вперед, в пустынное командное помещение, задняя стена которого смыкалась, и дальше, между островками контроля. Бежал к стене. Вот-вот, сейчас... Сантиметр за сантиметром сужалась его перспектива настигнуть Родригеса, цель уже почти сомкнулась. Ему не успеть, но, может быть, все-таки... Эликсиры, переполняющие его дух и мускулы, несли его вперед, боком, он втянул грудь и живот, протолкнул плечи и с треском, спотыкаясь, проломился на балюстраду. В мгновение ока вскочил на ноги и на перила, снова пораженный видом серверного зала, подобного храму, – святыня и средоточие могущества разума, разрушить который, может, было бы лишним. Запретная зона. Он должен был внедриться в эту штуку по имени A.R.E.S., в его тело – можно ли так сказать? Имеет ли компьютер тело? А квантовый компьютер? Он измерил взглядом открывшийся перед ним коридор, авеню, которая, казалось, делила этот серверный зал. Проходящие параллельно ей и поперечные ходы не поддавались обзору, поскольку сооружения сервера громоздились на внушительную высоту, но что-то было слышно...

Лютер прислушался.

Отзвук шагов по металлу. Родригес спрыгнул с одной из железных лестниц, ведущих вниз с балюстрады. Перед началом сервера было метров двадцать свободного пространства, тогда почему же он не видит бегущего? Потому что тот держится под балюстрадой. Ясно. Пытается под ее прикрытием выиграть дистанцию, чтобы в подходящий момент выскользнуть в лабиринт коридоров, где он чувствует себя как дома, знает все тайные выходы. Шанс захватить его здесь не кажется в этих условиях оглушительным, однако химия тела Лютера была не настроена на капитуляцию. Он последовал за великаном вниз, к основанию зала, и бегло огляделся – нигде ничего. Как сквозь пол провалился. Он разочарованно повернулся, близкий к тому, чтобы уже сдать, – по крайней мере, придется объявить парня в розыск, – как вдруг услышал быстрый бег. Резко повернувшись, увидел, как Родригес исчез между блоками сервера, бросился за ним, но, когда достиг прохода, тот лежал перед ним пустым. Только два сервисных робота разъезжали там – аналогия профессиональной деформации, – неся патрульную службу.

Он побежал туда.

Быстро катящиеся машинные существа игнорировали его, не запрограммированного непосредственно в этих защитниках закона. Лютер проскочил между ними, остановился и прислушался. Затопленная светом авеню тянулась вдаль, прерываясь лишь на пересечении ходов или на потолочных опорах. На дальнем ее конце он увидел стену, которая ограничивала территорию A.R.E.S.а с другой стороны. Воздух вибрировал – непрерывное жужжание и гул, толчки, грохот и шум, свидетельства неустанного машинного прилежания. Шаги. Неужто?

Почти невозможно было определить направление их затухания, гладкие поверхности сервера многократно отражали звуки и разносили их во все концы. Должно быть, Родригес бежал по одному из параллельных проходов, но по какому из них? Лютер наугад свернул в ближайший поперечный проход. Над ним прозвучал каскад хлопков. Он вздрогнул, поднял взгляд – нет, всего лишь один из ящиков токораспределения. Сконцентрировался, но шаги стихли. Зато приближалось нечто другое с шипящим дыханием. Правая рука Лютера метнулась к револьверу. В поле его зрения попал еще один робот, больше других, с несколькими руками-манипуляторами и заполненной платформой для груза. Он повернул угловатую голову и, кажется, зафиксировал человека своими шестью блестящими черными глазами. Потом и он свернул в поперечный проход, и Лютер отпрянул, поскольку машина ехала прямо на него. Неподалеку от него она остановилась и занялась сервером.

Лютер с облегчением выдохнул. Робот. Господи! Да весь мир полон ими. Проклятый безмозглый автомат. Он протиснулся мимо машины, заглянул в следующий продольный проход, который был так же пуст, как и предыдущий, и почувствовал, как его уверенность рассеивается. Как здесь найти Родригеса, плутая между этими колоссами из стекла и света? Он уже был близок к тому, чтобы потерять контроль. Ему казалось, что он хуже всякой машины стал объектом непонятного мира, в котором выводится еще более непонятное будущее, представляя собой – на границах его воображения – жалкую картину, поскольку это скопище неодушевленных мыслящих структур, переполненных информацией, прямо-таки высмеивает его, *незнающего среди знания!* Словно житель саванны из эпохи плейстоцена, он подкрадывался к человеку, который выглядит так, будто в нем преобладают гены неандертальца, – кто же поверит, что это *их* вид сконструировал этот колоссальный квантовый мозг? Лютер ведь не мог поверить, что в ста метрах над его головой простирается Сьерра-Вэлли в глуши и уединенности. Его взгляд скользил по лесу опорных колонн, и он слышал свои мысли: «Сдавайся. – Ясно и отчетливо. – У тебя нет шансов. Наивно верить, что слух даст тебе единственно пригодную для использования опорную точку. Роботы охотятся за платами, ты охотишься за призраками. Что бы ни летало здесь по проходам, оно производит некий шум, только враг, возможно, давно скрылся за семью горами».

– Помшерифа! – Ван Дэйк, с большой дистанции. – Он в среднем проходе. Немного впереди.

В тот же момент он услышал, как Родригес побежал.

Лютер сорвался в движение. Бросился в ближайшее ответвление, мимо роботов. Какой коридор здесь средний? Повернулся к балюстраде, увидел стоящего там ван Дэйка, маленького на большом расстоянии, – это *и есть* средний проход, – посмотрел направо, где Родригес только что исчез в поперечном проходе, ускорился. Как легавая, он взял звуковой след, поскольку великан перестал приглушать шаги и искал спасения в неистовом бегстве. Уже через несколько секунд он снова очутился в поле зрения Лютера. Родригес на глазах приближался, и вдруг коридоры и массивы данных кончились, Лютер достиг границы помещения на другой стороне – там было свободное пространство до стены, а в ней штормовая дверь, по бокам от которой были стальные двери. Убегающий, лишившись укрытия, изо всех сил устремился к одной из дверей и скрылся за ней. Лютер выругался, подбежал, скользя, схватился за ручку, помедлил. Противник наверняка заготовил для него неприветливую встречу, но, когда он рванул дверь, держа наготове оружие, его там ожидала лишь лестничная клетка, залитая молочным светом. Внизу громыхали башмаки Родригеса, он стремился вниз, все ниже и ниже...

А что там внизу? Что-то манящее. Отталкивающее. Страх и одиночество, но также и могущественное знание, когда полагаешься на мимолетность света. Кто однажды свел знакомство с глубиной, брошенный в ее шепотливую пустоту и бесконечность, где все возможное и невозможное может обрести образ, тот пропал. Часть Лютера уже освоилась на глубине, и он помедлил. Его внутренний голос предостерегал следовать туда за Родригесом. Можно просто

объявить этого человека в розыск. Детские мысли испуганно вспорхнули и налетели на стенки его черепа, так что в подвалах и выемках замерцали вещи, которые лучше было не будить, оставить в неприкосновенности, и что лучше ему обратить стопы назад, на поверхность, но как раз это они и были – детские мысли, которые рассеялись, тогда как ноги все несли его вперед. Теперь он мог следовать определенному ритму могучей пульсирующей сущности, как будто на дне шахты лежало в тяжелом сне огромное животное, сердцебиение которого заставляло стены дрожать. Это биение становилось сильнее и приобретало металлический оттенок, чем глубже он погружался. Между пролетами лестницы он увидел пол, услышал стук очередной двери и тут же очутился перед ней, очевидно единственной возможностью снова покинуть лестничную клетку. Никаких сомнений, другого пути нет, и на сей раз Лютер не колебался. Еще когда он нажимал на ручку двери, переступая порог, он знал, что его ждет по ту сторону шахты. Это могло быть только так – и все-таки он не был готов к чужеродной бурлящей аномалии, которая лежала за дверью, он чуть не забыл, что вообще привело его сюда.

Перед ним простирался мостик. Он стоял на его наружном крае. По правую руку зияла нора грузового лифта, пустая, что показалось ему почему-то еще опаснее.

Родригес бежал по мостику. Его сапоги выстукивали ритм бегства, но совсем бесшумно. Казалось, помещение, которое несло конструкцию или в котором она – всякой логике в насмешку – несла себя сама, совсем не способно производить звуки; атмосфера настолько чувственная, как математика, в которой могучий пульс хотя и гремит и раскачивается, как титанический колокол, но вместе с тем кажется, что он доносится из бесконечной дали. На видео мостик казался Лютеру экзотическим, теперь же – в его банальной целесообразности – он выглядел обыкновенным участком проезжей части, изборожденной рельсовыми путями, даже если ее покрытие было не асфальтовое, а, как казалось, имело металлическую природу и шелковисто мерцало, словно кто-то надул на него золотой пыли. И теперь дорога парит, без защиты перил, над сводом ворот, над дверями и канатоподобными тягами – только нет ничего, на чем эти канаты можно бы закрепить, оставив проем для ворот, не было ни прочной стены, ни какой бы то ни было стены вообще.

И все-таки было – нечто. Смутно намеченное ограничение, скорее идея ограничения. Тами не понадобилось бы никаких усилий, чтобы ее увидеть. И конечно, сфера должна быть ограничена, уже хотя бы потому, что она внедрена в подzemелье Сьерры. Но в эти секунды чувства Лютера точнее всего описывало недавнее восклицание Рут: «Предбанник для проклятой вечности!» – то, что в один момент ощущается как монохромная внутренняя поверхность полого шара, в следующий момент утрачивает все материальное и растягивается в головокружительное ничто. Обманчивое ничто, переполненное, стоит только отвести взгляд на несколько градусов: аморфное растекание по краям поля зрения исходит из колоссальных структур, пребывающих в постоянном самосоздании и самоуничтожении, – беззвучные меандры, колыхания, завихрения, разрастания, аннигиляция, кипение и переполнение через край всего возможного. В продолжение одной нейронной вспышки Лютер разглядел, что могло бы быть на одном-единственном месте, на любом месте одновременно, он видел Родригеса, бегущего по мостику, и его же в параллельном восприятии *в любой возможной точке* мостика. Прежде чем его чувства свихнулись, вторая вспышка все вернула на свои места, и теперь он видел только бесцветные свилеватые разводы. Сотовый узор, который он, как ему казалось, заметил на видео, вероятно, было муаром, произведенным за счет интерференции, слишком сложной, чтобы оптика видеокамеры могла ее запечатлеть. Ничего, ровным счетом ничего нельзя было сказать об этой сфере! За исключением того обстоятельства, что она не отражала ни одного звука, потому что не состояла ни из чего, способного его отражать. Она не пространство. Она лишь возможность пространства. Пространство, которое *могло бы быть*.

Все это пронзило его, пока он гнался за Родригесом. Великан достиг другой стороны, зеркально парящей в нигде, и исчез через другую дверь, когда Лютер не добежал и до середины

мостика. И он разом очутился один в сфере, которая, казалось, вдруг ощутила его. Океан из намеков, как раз еще в процессе, стекался в невозможное наслаждение стекловидных структур, в застывшие уходящие в бесконечность водовороты, в перекрывающие друг друга действительности. Что-то потянуло его, желая вырвать из самого себя. В следующий момент Лютер испытал отчетливое чувство бестелесности. Всякое восприятие иссякло, будто и он сам стал чистой возможностью, затем это видение прошло, оставив после себя легкое головокружение и вспыхнувшую быстро проходящую головную боль.

Сфера производит обман чувств, это стало ему ясно. Самое время выбираться отсюда!

Он снова обнаружил себя на лестничной клетке. Теперь ступени вели вверх. Он побежал через две ступени и удивился, что и вверху не слышит никаких звуков от топота ботинок. Лестница зигзагом вела вверх и наружу в поперечный коридор, широкий, как автострада. Лютер замер, прислушался – тишина. Посмотрел направо и налево. По обе стороны коридор, изгибаясь, уходил из поля зрения. То, что он упустил из вида мужчину, не очень его беспокоило, по крайней мере, он должен был его услышать, однако тишина имела в себе нечто оглушительно окончательное. Она говорила Лютеру, что Родригес ушел.

Как такое возможно? Он опережал совсем немного. А из лестничной клетки был только один выход – в этот коридор, который вдруг показался Лютеру внутренностью. Он наугад повернул налево и пустился в пустой бег, бесцельный и безальтернативный, в сопровождении притока и оттока могучего пульса, который все еще приводил в содрогание пол. Паническая атака – как зачарованная, хотя и не изгнанная – подстерегала его на окраинах его сознания. Он чувствовал ее хищное присутствие и сосредоточился на своем дыхании. Страх – он слишком хорошо это знал – водит по кругу. Как оказалось, подземный мир щедрее на двери, чем на определенности. Каждые несколько метров он замечал какую-нибудь из них, все они располагались на внутренней стороне коридора, как будто вели к обратной стороне шарового помещения. Он представил себе сферу внутри цилиндра такой же высоты. В этой картине коридор проходил по верхнему краю цилиндра, таким образом можно было попасть на его крышу – насколько эти понятия были здесь применимы. Он поочередно нажимал на все дверные ручки и находил их запертыми, что ничего не значило: Родригес мог сбежать через одну из них, хотя и оставалось загадкой, как он мог раствориться в воздухе. Но, так или иначе, Лютер его упустил и теперь посвятил себя в этом мире, продырявленном коридорами и шахтами, лишь задаче снова выбраться наружу. Только в случае крайней необходимости он мог вернуться обратным путем через сферу... Но не успела эта мысль домучить его до конца, как коридор выпрямился и завершился последней дверью, выкрашенной в серый цвет.

Он открыл ее. Переступил порог и снова очутился в серверном зале.

Оглушенный, он уставился на светящийся цифровой город, и город в ответ на его оцепенение послал ему немое «я знаю». По крайней мере, так ему показалось. Вид блоков памяти идентичен той картине, которая открывалась ему с балюстрады, не было ни передних, ни задних стенок, так же как синтетический разум A.R.E.S.a – если верить ван Дэйку – не знал «до» и «после», все существовало одновременно, в синхронности всех состояний. Различает ли машина внутреннее и внешнее, как это делает человек? Лютер двинулся по рядам сервера, и его охватило видение сверкающего уплотненного знания, которое стояло в помещении подобно атмосфере. И вот он вдыхает эту атмосферу, благодаря чему становится частью этого знания. В тот же момент он вспоминает, что зашифровано в аббревиатуре A.R.E.S. Он знал это из досье Фиббса, но ему казалось, что ему это внушил окружающий его дух машины: *Artificial Research and Exploring System*, искусственная система для изысканий и исследований.

Что? Значит, он был исследован на мостике?

Мучительная мысль. Она шла в ногу с представлением, что его там отсканировали. Сохранили в компьютере. A.R.E.S. его как бы проглотил, и теперь он там парит в обществе превосходных нефтепоглощающих амёб в каком-то квантовом облаке, пойманный в некую штуку,

все действие которой нацелено на оптимизацию. А что нельзя было бы оптимизировать? Искусственный мозг, способный рассчитать лучшую из амёб, разумеется, найдет и в облаке Лютера лучшего Лютера, и разумеется, этот грандиозный Лютер будет уже не он сам. Какое потрясающее представление, но, может, он просто неправильно понял всю эту квантовую чепуху.

Его взгляд искал, за что бы зацепиться, и двинулся по стене. По левой стороне на некотором отдалении он увидел опущенную шторную дверь и другую, через которую он выбежал вслед за Родригесом в лестничную шахту, ведущую внутрь сферы. Он испытал облегчение. А напротив шторной двери располагается центральный коридор – ну разумеется! Он ускорил шаг, в то время как квантовый Лютер проходил пути всех ненужных мыслей и давал место ощутимой ярости. Как он мог быть таким идиотом? Увязался за этим типом, вместо того чтобы обезвредить его до прибытия подкрепления, но ладно, это уже разлитое молоко, его не вернешь. Но коли он уже оказался в сфере, мог же он ван Дэйку дать знать о существовании видео Пилар. Он хотел, в конце концов, ясности. Что там происходит с этой сферой, с ночными транзакциями и черными ящиками, почему Пилар Гузман пришлось погибнуть, и как ему привлечь всю эту превосходную службу безопасности, которой они здесь так гордятся.

Но, может быть, картина ван Дэйка была бы с разрывами.

Что ему делать, коль уж его недоверие разбужено? Что будет делать Родригес, чтобы обезопасить себя?

Идиот. В конце ты еще и поставил ван Дэйка в опасное положение.

Лютер пошел по среднему проходу и увидел, как с другой стороны к нему направляются два человека – так же быстро, как двигался он сам. Они приближались от балюстрады, и скоро Лютер опознал форму и характерные фуражки, про которые знал, что на них вышита N, услышал в жужжании и гуле асинхронный стук их подошв, и вдруг дистанция сократилась, как будто зал съехался, и они оказались совсем близко. От этого их вид стал более угрожающим. Кулаки сжаты, они прошествовали мимо роботов, не удостоив их даже взгляда, будучи их повелителями. Лютер шел им навстречу, держа пальцы на рукояти пистолета.

– Стоять! – крикнул один из них.

– Вот уж точно нет!

– Кто вы такой? Как вы сюда попали?

Теперь он все-таки замедлил шаг, уже потому, что вопрос сбил его с толку. Этих типов он видел только что в централи. Между тем теперь они подошли так близко, что он различал их лица под козырьками фуражек. Один из них был тот, что сидел там на краешке стула, кроме того, Лютер не знал, что уж такого непонятого в его собственной шерифской униформе.

– Так, Лорель и Харди, – дружелюбно сказал он. – Теперь идем вместе назад, откуда вы пришли.

Мужчины остановились. Говоривший не сводил с него глаз врача-психиатра, который обнаружил, что его пациент тайком раздает свои таблетки другим:

– Как вы сказали?

Лютер тоже остановился:

– Вы же *знаете*, откуда вы пришли, так?

– Послушай-ка, ты...

– Ну хорошо, – его коллега помахал рукой, как будто желая стереть сказанное прежде, – давайте просто начнем сначала: что вы здесь забыли?

Лютер вздохнул:

– Но вы же меня знаете, ребята.

– Откуда нам тебя знать?

– Ну, как я выгляжу?

– Как шериф. Но разве это значит, что вы действительно он?

– Помшерифа Лютер Опоку, честь имею. Не прошло и получаса с тех пор, как я в вашей роскошной центральной спугнул вашего шефа. И вы, два воробушка, отведите теперь меня к ван Дэйку, пока я не забыл о моем христианском воспитании.

Они переглянулись:

– Он псих.

– Однозначно.

– Нет, у меня сейчас лопнет терпение. – Лютер снова пришел в движение. – В последний раз...

– Как тебе будет угодно, дружок. – Мужчина, что тогда сидел на краешке стула, сжал пальцы на его локте и попытался опустить его на колени.

Лютер предоставил действовать своим рефлексам. В предвидении любого возможного нападения его инструкторы вбили в него такие действия, что он мог уладить дело небрежно, будто Кимми сметала паутину из углов двери, утром открывая отдел шерифа. Такого промаха, как с Родригесом, уже нельзя допустить. Он переместил свой вес вперед и всадил левый кулак в лицо противника так, что даже что-то треснуло. Мужчина отшатнулся, заморгал от боли и неожиданности. Кровь хлынула из его поврежденного носа. Лютер не дал ему сгруппироваться для защиты и дослал левую полукругом, а за ним вслед и правую. Еще не успел этот двойной удар свалить противника с ног, как Лютер скользнул к его коллеге, который уже выдернул оружие, и выбил его у него из рук, быстро спружинил коленями и, распрямляясь, сразу послал удар снизу, подхватил падающего на лету и заломил ему руку за спину.

– Стоять можешь?

– М-м-м...

– Хорошо. Так и оставайся.

Отпустив его, он отпрыгнул к типу с края стула, который делал тщетные попытки подняться на ноги, обезоружил его и воткнул его пистолет себе за пояс. Там уже становилось тесновато. Лютер не питал никаких иллюзий. Его положение с каждой секундой становилось опаснее, поскольку эта так называемая служба безопасности уже несколько раз за последние двадцать минут могла узнать, что он думает о федеральных авторитетах. Самым важным теперь было скорее покинуть этот гротескный подвал. Он схватил охранника, который послушно остался стоять, тупо ощупывая свой подбородок, за шиворот, незаметно ткнул ему дуло пистолета в почки и подтолкнул его перед собой вперед.

– Эй! – Другой закашлял. – Что вам, собственно, надо?

– Чтобы ты вывел меня отсюда.

– Да вы не в своем уме.

– Быстрее. – Вдавил дуло еще глубже ему под ребра, и это возымело действие.

Его пленник нервно засеменял вперед. Как плохая танцевальная пара, они устремились в сторону балюстрады.

– Да уберите вы оружие, господа!

– Уймись, – сказал Лютер. – Это еще щадящее обращение.

– Вы себе же делаете хуже.

– Может, и так. И поверь мне, ты будешь первым, кто об этом пожалеет.

– Как вы вообще сюда попа...

– Ты опять за старую пластинку. Где Хьюго ван Дэйк?

– О боже. Да что вы заладили «ван Дэйк»?

– Он наверху?

– Нет, но...

– Конец беседы. Шевелись. – Лютер оглянулся через плечо. Далеко позади тип с края стула выпрямился в сидячую позицию, чтобы тут же снова опрокинуться набок. Он подтолкнул охранника к стальной лестнице и вверх по ступеням, сунув пистолет в кобуру. – Мы сейчас

дружно пойдем к лифтам, слышишь? Всем улыбайся. Прими довольный вид. Ты ведь авторизован для выхода из тракта безопасности?

– Конечно.

– А если тебе вздумается меня выдать, это для тебя закончится головной болью, против которой нет таблеток.

– А вы точно шериф?

– Так же точно, как ты и твой приятель ответите за нападение на представителя органов власти. – С балюстрады ему было видно, как обезвреженный им охранник на четвереньках ползет мимо сервисного робота, не реагирующего на него. – Мы ведь достигли взаимопонимания, верно? Если кто-то спросит, ты меня арестовал и ведешь наверх.

Охранник послушно заглянул в сканер, и стенка расступилась. Они быстро пересекли контрольное помещение, где два молодых парня растерянно посмотрели в их сторону. Лютер всем кивнул. Не говоря ни слова, они прошли между контрольными пультами, вышли в коридор мимо пустой централи безопасности.

– Куда они все подевались? – спросил Лютер.

– Кто все?

– Ну вся команда.

– Джейрон и Лив, должно быть, наверху, а...

– Для допроса?

– Какого еще допроса? – В парне, видать, действительно пропал актер, так достоверно он удивлялся. – Нас всего четверо, плюс еще команда в контрольном помещении. Бриджит и Эллен – окей, они где-нибудь занимаются гимнастикой, но...

– Глупости. Здесь сидело куда больше четверых.

– Черт, я не знаю, о чем вы говорите! – Теперь в голосе охранника послышался страх. Страх, который овладевает человеком, который очутился в одной комнате с сумасшедшим. – Из какого фильма вас сюда выплеснуло? Мы весь вечер были вчетвером!

– Вызови лифт.

Когда кабина ехала вверх, к возмущению Лютера стали примешиваться сомнения. Они, как термиты, подточили его рассудок, к которому он должен был отнестись критически, если они не дурачат его здесь по полной. Он задержал дыхание, когда двери открылись. Охранник повел его через шлюз в фойе, и Лютер отметил то, что отказывался понимать. Прежде чем закрылись одни двери и открылись другие, интерьер погрузился в теплый жилой свет. В отличие от подземелья, здесь уютно сияла импозантная люстра, вот только ее час еще не наступил... однако взгляд за окно выдал ему, что снаружи царит глубокая темнота, в свете фонарей толкутся люминесцирующие глубоководные существа – капли дождя. И салон, в котором он совсем недавно стоял с Хьюго ван Дэйком и Эльмаром Нордвиском, был теперь окутан тьмой. Ночной ветер задувал испарения промокшей природы через открытые двери террасы – и Лютер почувствовал смутный ужас. Он привык, что вещи часто не таковы, какими кажутся. Но совсем другое дело, когда они не таковы, какими *должны быть* в любых обстоятельствах. Он провел здесь внизу не больше трех четвертей часа – следовательно, сейчас не больше восьми часов. Что его наручные часы немедленно и подтвердили, только это не принесло ему облегчения. Часы могли и остановиться, а вот наступление темноты подчинено механике движения небесных тел, и снаружи царила *темная ночь!*

В его растерянности он упустил из виду охранника, и тот бросился в сторону салона, зовя на помощь:

– Джейрон, Джейрон!

Лютер выругался и погнался за ним, увидел, как и ожидалось, открытые двери террасы и охранника, который лавировал между силуэтами клубных кресел, прыгнул ему наперерез и швырнул его на пол. Тот ударился головой о край приставного столика и больше не шевелился.

Лютер ощупал его затылок, крови не было. Приложил два пальца к сонной артерии, почувствовал пульс – равномерный, хороший. Поднялся от потерявшего сознание и вышел на террасу.

Ночь, ветреная ночь. Припустил сильный дождь, стал слышен шум растревоженного леса. Мрачные покинутые строения тянулись до границы деревьев; ограда была утыкана прожекторами, которые ярко светили в качающуюся листву, как будто надо было сдерживать растительность и препятствовать ее натиску. Лютер перевел взгляд с трансформаторной подстанции к фаланге водных резервуаров. Натриевые лампы, закрепленные на мостках, опорах и мачтах, размывали все контуры, вместо того чтобы придавать им устойчивость, соединяли несвязуемое, разделяли то, что было связано между собой, и создавали загадочное пространство. Только в области ангара что-то происходило. Что-то большое катилось по рельсам площадки. Лютер сощурился и вытер воду из уголков глаз. Автопогрузчик взбирался по склону к платформе. На мгновение ему почудилась фигура, бегущая по двору, пригибаясь от непогоды, потом погасли тамошние источники заливного света. Двор и платформа сжались в черную дыру, которую лишь иногда пронизывало дежурное освещение.

То, что самолет ван Дэйка отсутствовал, его уже почти не удивило.

«Сколько же я там пробыл? И был ли я там на самом деле?»

Должно быть, прошло больше времени, чем он думал. Но, когда такое случается, куда деваются эти часы? Лютер достал свою рацию из крепления на поясе, не рассчитывая на то, что Пит в такой час еще патрулирует в Келпайне. *В такой час?* О боже, какой же это час, черт бы его побрал?! Неужто Земля начала кружиться быстрее, сорвалась со своей орбиты, не наступило ли начало космической катастрофы? Такие сценарии время от времени обыгрываются в ночных программах на NBC: удары метеоритов, внезапно возникшие карликовые планеты, искажение гравитации, солнце разбухает, и что там еще, и всегда за этим следуют цунами, огненные дожди, массовые вымирания, Земля трескается, мир эффектно катится под откос.

Но на вымирание здесь не похоже.

Его мобильник! Он достал его, посмотрел на дисплей. Половина двенадцатого. *Четыре часа* он провел под землей, но разве Пит не должен был сюда давно явиться, как они договаривались? Ведь договаривались же. Он просил Рут доложить Питу, тот должен был подобрать его у въезда на ферму, как только там все будет урегулировано. Речь шла об *одном часе*. Самое позднее в восемь Пит уже должен был подъехать к воротам, а может, он и подъезжал. Лютер связался с ним по рации.

– Привет, – сказал Пит, явно обрадовавшись. – Уже вернулся?

– Нет, я все еще там. А где был ты?

– Ах, да везде смотрел. Курсировал между Сьерра-сити и Даунивилем. В старом руднике были разборки из-за якобы зарезервированной стоянки, какой-то чокнутый фанклуб Жюльет Гобер из Лос-Анджелеса. В остальном все спокойно. Самый упорный остаток забаррикадировался в «Резиденции Св. Чарльза» и опустошил там все запасы.

– Какая еще Жюльет Гобер? Она же играла вчера.

– Нет, сегодня. – Пит засмеялся. – Не притворяйся таким умным. Вспомни, ты только вчера вернулся.

Лютер молчал.

– Робби, кстати, снова уехал к Дикому Пламу. Там нарушение покоя, не слишком большое дело. А ты что, уехал в отпуск со своей рацией?

– Пит... – Лютер пытался стереть из головы то, что услышал только что. – А Рут тебе не говорила, что ты должен был за мной заехать?

– Куда заехать?

– На ферму. Предприятие «Нордвиска» в конце Келпайн-роуд, недалеко от Пламаса. Она еще должна была дать тебе описание дороги.

– Не было такого.

– Она тебе ничего не передала?

– Не знаю я никакого «Норда» – как там его? «Нордвикс»?

– У тебя же была специальная патрульная поездка в Келпайн. В семь часов.

В радиии что-то зашумело. На сей раз пауза длилась довольно ощутимую вечность. Наконец помшерифа ответил.

– Лютер, ты явно чего-то напутал. Патрулирование перенесли на завтра. А сегодня я был занят из-за мероприятий Дня труда. Бесперывно. До Келпайна вообще дело не дошло.

Из-за мероприятий Дня труда...

Лютер выглянул наружу, в потяжелевшую от дождя ночь. А она оглянулась на него. Обрушилась на него.

– Ну хорошо, потом разберемся. Сейчас-то ты где?

– Я еще в Сьерра-сити.

– Тогда поезжай в гору, заберешь меня отсюда. Да жми на газ.

Он описал Питу дорогу и завершил разговор. Его простейшее восприятие начало давать сбои. Надо было дать измученной душе хоть немного покоя, пусть побудет в трехмерном мире, где время течет только в одном, определенном направлении. Отказать себе в этой твердой уверенности было бы адом, должно быть, тут какое-то недоразумение, однако не успел Лютер погрузиться в свои мысли, как увидел фигуру, торопливо идущую под дождем. Человек шел по парку между вертолетной площадкой и главным корпусом, от жилого квартала и держа курс к ближайшему амбару, – газелеподобная тень, за которой незаметно кралась более массивная тень охотника. Да, сомнений не было, больший из двоих подкрадывался, а добыча ни о чем не подозревала. Лютер смотрел вслед обоим. Что-то подсказывало ему, что они знают ответы. Ответы, которые ему не пришли бы в голову, но лучше уж они, чем отдаться на произвол обстоятельств. Ни Хьюго ван Дэйк, ни Эльмар Нордвикс не дали бы ему объяснения так скоро: дело выглядело так, что они сбежали, пока от него там, внизу, ускользало время. Он тихо спустился по ступеням с террасы в мокрую траву. Пропитанная водой почва чавкала под ногами, но в шуме дождя те двое не могли его слышать. Меньшая фигурка между тем уже добралась до амбара, двери которого стояли распахнутыми. Она мелькнула в конусе света натриевой лампы и скрылась внутри. Секунды спустя под свет попала и фигура преследователя: его широкие плечи, обезьяньи длинные руки, клиноподобное туловище, словно вонзенное в таз... Джейрон Родригес вошел в амбар, и Лютер сорвался с места.

Помещение амбара было едва освещено, однако дежурный свет позволял предположить, что оно служило чем-то вроде гаража. Машины стояли вдоль стен: футуристические автомобили, мотоциклы, словно черные застекленные конструкции на телескопических колесах, по виду как самолетика без хвостового оперения – от корпуса обтекаемой формы отходили несущие крыловидные конструкции, густо утыканные турбинами, остальное оставалось загадочным в смутном освещении. По правую руку были припаркованы несколько больших внедорожников. Лютер узнал знакомые силуэты «мерседесов» класса G. Один из таких стоял на подъемнике в автосервисе Дэнс, а здесь, следовательно, находились остальные. Родригес почти нагнал меньшую фигурку, как она вдруг заметила его и повернулась. Она оставалась в темноте, но строение тела подтверждало то, что Лютер и без того заподозрил: женщина.

– Подожди, – услышал он голос Родригеса.

– Оставь меня в покое, – слова звучали грубо и мрачно. Голос, какой не так просто забыть, пронизанный акцентом и чудесным образом нелюбезный.

– Я хочу только поговорить с тобой.

– Ты уже достаточно наговорился с Эльмаром.

Она двинулась дальше к внедорожникам. Родригес положил свою лапу ей на плечо и развернул ее к себе:

– То, что ты видела, на самом деле вовсе не...

Дальше он не договорил. Ее правая рука потянулась, чтобы вцепиться в него. Начальник службы безопасности отклонился, но она все же дотянулась сбоку до его шеи. Лютер услышал его сдавленный вскрик боли, женщина метнулась к машине, а Родригес, взмахнув своей дубинкой, побежал за ней. Спина великана перекрывала видимость, но реакция убегающей на сей раз оказалась недостаточно быстрой. Мелькнул ее локоть, когда она вскинула руку, чтобы смягчить удар дубинки. В следующее мгновение Родригес согнулся и упал на колени.

– Ах ты, дрянь... – простонал он.

Она смотрела на него сверху, замерев на секунду, и за это время Лютер увидел ее лицо перед тем, как она бросилась к машине. Мужчина на полу, преодолевая боль, вскочил, но Лютер уже был у него за спиной и прижал дуло к его пояснице.

– Еще шаг, и вы получите пулю в ногу.

Шеф службы безопасности стоял как громом пораженный.

– Кругом, Родригес.

Тот подчинился, но Лютер был осторожен. Он уже на собственной шкуре знал, какая опасность исходит от этого колосса. Уже поэтому он чувствовал уважение к женщине, которая сразилась с более сильным противником, и в то же время испытывал глубокий ужас перед ней – уже потому, что искаженные черты Родригеса отражали нечто такое, что подтверждало худшие предположения Лютера.

Растерянность. Этот тип не узнавал его.

– На пол. Лицом вниз, руки за спину.

– Вы кто? – прохрипел Родригес.

– Помшерифа Лютер Опоку. А вы арестованы! На пол!

Взгляд великана метнулся к внедорожнику, потом назад, туда и сюда. Ему стоило видимого напряжения воли не наброситься на Лютера. На человека, которого он в этот момент *видел впервые*, это было слишком очевидно.

Мотор завелся.

– Шериф, – в глазах Родригеса метались дикие вспышки, – я не знаю, почему вы здесь, но вы совершаете ужасную ошибку. Эта женщина похитила секреты фирмы, она...

– Стоять! Я вас предупредил.

– Но я не могу дать ей уйти!

– Довольно! На пол.

– Я ничего не сделал!

Из темноты вынырнула машина, скрипя шинами, пронеслась мимо них и вылетела из ангара. Родригес в отчаянии мотал головой. Потом упал, как было приказано, на пол и позволил Лютеру надеть на себя наручники. Шум мотора удалялся в ночи.

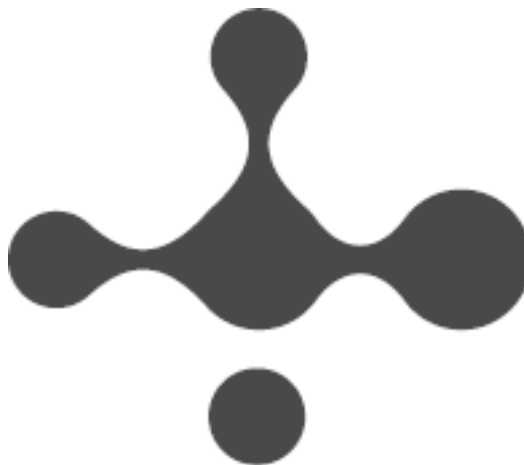
– В чем вы меня обвиняете, черт возьми?

Лютер не отвечал. Он таранился наружу в дождь и темноту, которая была в этот момент такая же полная, как темнота в его голове.

– Насильственное нападение, – пробормотал он, – на...

На... Нет, этого быть не могло. Женщина, которой он помог бежать, была Пилар Гузман.

Часть третья. Мертвые

Когда Эльмару Нордвиску было десять лет, его отец подарил ему маленькую собаку, которая немного позже издохла от диареи. А до этого она дважды покусала Эльмара и превратила своим метеоризмом родительский дом в зону высокого риска, поскольку любая зажженная спичка могла привести ко взрыву. Во время этих дней несбывшихся детских ожиданий в Эльмаре созрело представление об искусственном четвероногом, созданном из силикона и кремния, которое тем не менее было бы способно к настоящей привязанности или хотя бы могло ее симулировать настолько, чтобы он был вынужден выводить его в парк по три раза в день.

Будучи наследственно одаренным (отец – профессор кибернетики, которого занесло в Массачусетский технологический институт МИТ, а мать – меццо-сопрано, оба из Стокгольма), Эльмар еще до своего двенадцатого дня рождения написал дюжину соответствующих программ, которые внезапно вызвали интерес богатых кузниц хайтека, занимавшихся изучением и созданием искусственного интеллекта. Как оказалось, Эльмар намного опередил то состояние «железа», какое было ему необходимо, чтобы создать невоющую, ручную и в целом утешительную собаку не только алгоритмически, но и живьем. Это означало, что придется подождать создания превосходного домашнего животного. В 1977 году киноэкран завоевали R2-D2 и СЗРО – персонажи вселенной «Звездных войн», и через каких-нибудь три шага настоящий мир столкнулся лицом к лицу с более развитым роботом-гуманоидом. Несмотря на это, Эльмар внес свою гениальность, еще учась в школе, в несколько заказов из богатых стартапами районов, примыкающих к МИТ, тому легендарному институту в Кембридже, в котором он годы спустя, как один из самых юных когда-либо обучавшихся студентов, стал бакалавром математических и компьютерных наук и биологии. Таково зерно, из которого выросла легенда. То есть болтовня в СМИ.

На самом деле упомянутая собака однажды утром, на редкость лучистым – со сверкающим на солнце воздухом и порывами ветра, приносящими аромат морской соли, водорослей, прибитых к берегу крабов и корабельного дизеля из Массачусетского залива в бостонский квартал Бикон-Хилл, – сдохла внезапной собачьей смертью. Поскольку никто не выразил желания сделать вскрытие трупа, а скорбь Эльмара держалась в границах, умершая была похоронена под кустом, тогда как на семейном суденышке в это время разыгрывалась куда большая трагедия. Хотя она рассказывает истинную историю Эльмара, он говорит о ней неохотно – ибо она и самая болезненная.

Ему было одиннадцать, когда у его матери диагностировали опухоль. Врачи излучали уверенность. Через несколько дней после его двенадцатого дня рождения она умерла.

С этого момента жизнь Эльмара превратилась в фарс. Его интересу к искусственному интеллекту грозило запустение, поскольку он, не спрашивая ИИ, всегда исходил из двух предпосылок: что Вселенная пребывает вечно и что человек бессмертен. Хорошо, пусть кроме тех, кто уже умер, но то, должно быть, была какая-то ошибка, которую можно исправить средствами науки, а собаки не в счет, не по-настоящему. Однако в только что вышедшей «Краткой истории времени» Стивена Хокинга было написано, что в один далекий день с угасанием последнего кванта энергии перестанет существовать и вселенная, и это Эльмара потрясло: зачем тогда прилагать усилия к высшему развитию, к поиску смыслов, к усовершенствованию мира, если когда-то не останется места, где человечество могло бы выжить? Для чего тогда все исследования, программирование, преодоление барьеров? Для чего, если есть финальное ужасающее завершение, которое принуждает вертеться по кругу, пока не прервется в мозгу последняя электрическая активность? Узнавать внутренний ландшафт, объяснил ему как-то отец в один из тех редких дней, когда замечал своего сына, вот единственный смысл, но и это путешествие тоже заканчивается, как теперь известно. Мир Эльмара потерялся за неинтересными горизонтами. Просто конец не был предусмотрен в его планах, а теперь всему был положен конец, и все ему стало непонятно.

Недовольство наукой длилось лишь недолго, меланхолия дольше. Он уже скоро сидел за компьютером и писал программы с честолюбивой надеждой продвинуть вперед развитие искусственных нейронных сетей и самообучающихся систем, убежденный, что компьютеры, которые в рекурсивных процессах были бы умнее человека, в конце концов найдут и пути против распада – как против распада любимых людей, так и против космического распада. Циклически входящая в моду теория параллельных миров обещала мерцающую вдали возможность смыться, когда умрет собственная вселенная, и разве они в Стэнфорде в семидесятые не стремились достигнуть успеха с компьютерной системой диагностики? Кому же еще могли удасться крупные медицинские прорывы, победы над болезнями и смертью, если не компьютеру? Эльмар поставил себе задачу разработать программу, которая помогла бы его матери полностью выздороветь, – и отчаивался, что не мог это сделать. На исходе девяностых, с дипломом в кармане, с полным иконостасом медалей и кубков университетского спортивного клуба и все большей скукой от всего, чего он достиг, картинно разглядывая носки своих ботинок, чтобы спастись от завуалированного или открытого предложения переспать, он видел свой внутренний ландшафт уставленным монументами личных поражений, поскольку они еще могли ему часто рассказывать, что он талант века.

Итак, он решил исчезнуть.

Сообщество путешественников набралось быстро. Подобно спутникам, его дюжинами окружали бывшие приятели, которые с радостью участвовали во всякой глупости, если он ее предлагал. Они бегали за ним, как за Матушкой Гусыней, готовые следовать хоть на край света. В жилых норах, переполненных ароматом каннабиса и беспомощными и растерянными носителями надежды, Эльмар собрал Клуб бесследных. Центральной идеей было отправиться поодиночке в годовое странствие по миру. Каждый должен был стартовать с капиталом в триста долларов, все остальное, что необходимо, заработать по пути и обогнуть всю планету (представив доказательства) за 365 дней. Победителем должен был стать тот, кто максимально использовал свои возможности – в понимании почти всех членов клуба это выражалось в приумножении трехсот монет под знаком просоленных волос на морском ветру, маленьких робинзонад, влюбленностей на экзотических пляжах и приличной порции романтики Джима Хокинса, не без духовного, конечно, – короче, вернуться как долговязый Джон Сильвер или Бен Ганн, с золотыми словами Будды на устах и полными карманами дукатов.

Повезло кому-то больше, кому-то меньше. Эльмар потерпел поражение.

По прошествии года он явился на встречу, не имея ни одной чистой нитки на своей одежде и с пустыми карманами, зато переполненный отвагой жизни и идеями. Все, чем он

когда-либо владел, утекло в проекты помощи. Он насмотрелся на красоты и страдания и видел спящую красоту в страданиях, хотел расколдовать ее поцелуем, только нигде вокруг не находил принца. Он прошел через ад глобализации, через новые белые пятна на картах, где миллионы людей были преданы забвению. Он пережил вопиющую несправедливость, насилие, приводящее к немоте, и чувствовал трогательность улыбки, оживающей на древнем лице, хозяйке которого исполнилось семьдесят – и она привыкла жить меньше чем на доллар в день. Он узнал, что значит выживать, не имея в жизни ничего. Он видел надежду бедных, увенчанную разрушением экосистемы, что ставило перед ним гнетущий вопрос, кем пожертвовать, – проблема, которую благополучные страны охотно укладывали в уравнения, в конце которых стояло выживание человечества, только большая часть этого человечества, кажется, оказывалась за пределами их восприятия. Он был в Китае, когда долины рек Янцзы и Сонхуа утопали в коричневых потоках и пятьдесят шесть миллионов китайцев лишились крова. Он дышал воздухом, мутным от загазованности и горьким от порохового дыма. Он шел по невозделанным полям Мали: молодые мужчины этой страны бежали к побережью, чтобы разросшиеся в Западной Африке города полностью опустели, – в Лагос, Дакар и Абиджан, урбанистические поля битвы, на которых неистовствовали горькая бедность, голод и насилие. Он был свидетелем всех катастроф, созданных руками человека на континенте, который считался перенаселенным – и тем не менее был в основном безлюден: там, где быстро разрастались пустыни, а тропические джунгли сокращались, клептократы транжирили деньги, предназначенные на развитие, умершие от ВИЧ лежали на улицах, а беженцами было вчетверо больше народа, чем все население Массачусетса. Он узнал, что важнейший ресурс во многих местах был отравлен и не годился для питья. Сидел у иссохших источников Сомали, видел рыбу, плавающую в озере Виктория кверху брюхом, слушал почерневших от солнца активистов природоохраны со светлыми бородами, рассуждающих за пивом о климатических изменениях. В Австралии и Новой Зеландии аборигены и маори проедали свое достоинство, Южная Америка стонала от диктатур и от Эль-Ниньо, весь мир кряхтел и потел. Были целые фронты бедствий, где Эльмар мог бы дать волю своей изобретательности. Он помогал, где только мог: приводил в движение какие-то вещи; развивал практичные, хорошо оплачиваемые технологии; ставил свое отточенное знание на производство еще таких маленьких и редких вспышек света. Если бы лучшей из его возможностей было облегчить нужду, ему полагались бы скипетр и корона Клуба бесследных, однако остальные члены этого клуба смотрели на это немного иначе.

Это было ему безразлично. Эльмар преодолел свой жизненный кризис и выбрался из депрессии назад в свет. Теперь он знал, для чего он изучал весь этот мусор в элитных школах и что он был лучше своих учителей. Он поехал в Калифорнию.

* * *

В местности между Сан-Франциско и Сан-Хосе для такого, как он, были сказочные условия. Это началось на пляжах. Во время его изучения информатики в Стэнфордском университете он зарабатывал деньги как тренер по серфингу в заливе Халф-Мун и на пляже Сан-Грегорио, что надолго обеспечивало его женским обществом – туристками, преимуществом которых было то, что они уезжали еще до того, как он успевал запомнить их имена. С новыми силами он разрабатывал свою диагностическую программу, и на сей раз дело шло лучше. Почти походя ИИ, который вызревал у него под пальцами, набросал программу для машинного синхронного перевода. Эльмар назвал ее LangWitch, запатентовал марку и учредил предприятие с таким же названием, которое состояло практически из него одного. Поскольку вроде как полагалось, он арендовал гараж в Пало-Альто, ведь все, в конце концов, сидели и мастерили в гаражах и вливали в это клише Силиконовую долину, к тому же эта развалина действительно была дешевой. Главное, там были электричество и замок.

Однажды кто-то возник в дверях этого гаража.

Самой большой особенностью Пало-Альто было, может быть, то, что в нем не было ничего особенного. Смертельно скучный городишко, ночная жизнь которого не заслуживала этого названия. От Тихого океана городок отгораживала лесистая гряда прибрежных гор, на востоке он граничил с заливом Сан-Франциско. Никто никогда не обронил ни словечка о Пало-Альто, не упомянув расположенный там Стэнфордский университет, от которого ослепительно освещенный мост вел, казалось, напрямик в будущее. В унылых офисных корпусах размещались вдоль автострады 280 Apple, Intel, Hewlett-Packard, AMD, Dell, Oracle, младшие предприятия, такие как eBay и Yahoo, и совсем новые, как Amazon и Google. Беспрецедентная плотность хайтек-компетенций, непредставимая без миллионов и миллиардов рискованного капитала. Перспектива сказочных доходов побуждала инвесторов рассовывать деньги по карманам прыщавых типов в майках, что-то пугливо бормочущих. Все это было далеко не наивно. Кто-то при попытке завязать шнурки падал носом в землю, но, когда у него в голове вызревали решения проблемы, позволявшие заработать деньги, он стоил каждого цента. Критерии решения гласили: новаторская ли это технология? Пробивная ли она? Функционирует ли она на практике? Достаточно ли широк рынок для экспоненциального роста? Надежная ли команда стоит за этим? Идеи, фирмы, рынки меняются, но в конечном счете речь идет о людях. И, может быть, еще: атакует ли идея одну из больших проблем мира? Новая крутая губная помада – поищите себе кого-нибудь другого. Таблетки от рака поджелудочной железы – милости просим в наш бизнес.

Не совсем случайно автострада Сэнд-Хилл-роуд, на которой располагается основная часть распределителей венчурного капитала, проходит прямо вдоль университетской территории. Чтобы иметь возможность представить свои идеи в таких обществах, как «Секвойя-Капитал», «Сильвер-лейк» или «Дрейпер-Фишер-Юрветсон», мастера-самоделкины кропотливо просиживают в своих гаражах ночи напролет. Если будут инвестиции, то все хорошо. В стартовом капитале сидит, в конце концов, старт, взноса должно хватить, чтобы ракета катапультировалась из поля тяготения носителя мысли. Некоторые из космических кораблей, в которые такие конторы, как «Секвойя-Капитал», вкачали свои миллионы, может быть, не взлетят, однако, если хоть один пробьется на орбиту передовиков мирового рынка, все потери будут с лихвой возмещены.

– Твоя переводческая программа блистательна! – сказал человек, стоящий в воротах гаража. Его силуэт четко прорисовывался на фоне полуденного света.

– Детская игрушка, – сказал Эльмар и после короткого размышления добавил: – Но, конечно, блестящая детская игрушка.

– А как насчет недетской игрушки?

Посетитель подошел ближе. Он был не особенно рослым, с бледным лицом, испещренным рытвинами от прыщей, и с тусклыми светлыми волосами. Эльмар подумал, что уже где-то его видел.

– Хочешь что-нибудь выпить? – спросил он. – Кола или... – Он заглянул в свой маленький холодильник. – Или колу?

Надо было бы уже снова закупиться.

– Кола – это хорошо.

– А мы знакомы, вообще-то?

– Лично еще нет. Хьюго ван Дэйк.

Эльмар открыл две банки и указал на единственный гостевой стул. Не так уж много мог предложить его гараж. Дешевый письменный стол, два стула, вешалка-стойка для одежды, кровать и рудимент кухни. В одном углу прислонялась к стене его доска для серфинга, противоположную стену занимали его горный велосипед и мотоцикл. А там, где должен был стоять компьютер, стояла некая штука: вокруг лежали платы, громоздились жесткие диски.

– Машина, которая все может, – сказал он и протянул Хьюго ван Дэйку запотевшую банку. – Универсально мыслящий и действующий разум. Это как раз не детская игрушка.

Улыбка Хьюго озарила помещение:

– Ты, наверное, хочешь пройти тест Тьюринга.

– Да дерьмо этот тест Тьюринга.

– Но пока что ни одна машина его не выдержала.

– Поверь мне, друг, я бы и сам его не прошел. – Эльмар коротко заглянул в глаза собеседнику. – Я полный тупица; кто со мной чатится, быстро приходит к мысли, что я робот. Если серьезно, какой уж там фокус – научить пару схем болтовне в сети? Волшебство из балагана. Вот, к примеру, ты говоришь: «У меня недержание, я по шесть раз за ночь встаю, о господи, знал бы ты, как это бесит, и жжет, и зудит», – а бот тебе поддакивает и говорит: «А я ради удобства хожу под себя», хотя он не имеет ни малейшего представления о том, что такое пописать, вообще, и только зачитывает запись какого-нибудь чаттера. И так, что тебе с того теста Тьюринга? Может ли компьютер сравняться с человеком? Нет, он тебе скажет только, что вот тут нечто подражает человеку, не представляя, что оно тут вякает. Это не имеет ничего общего с настоящим интеллектом. Компьютерам не обязательно сознание, чтобы уметь мыслить универсально, им нужна непрерывная картинка действительного мира, причем такая, какую они создают себе сами.

– Ты говоришь о машинном обучении?

– Параллельные обучающие процессы в симулированных и реальных ситуациях. Знаешь, о чем я думаю? В основе этого сложного дела, которое мы называем человеческим разумом, лежит один-единственный алгоритм. Не множество. Посмотри на мозг. Нам всегда рассказывали, что он разделен на области – каждая со своей специализацией, которая может выполнять исключительно определенные вещи. Теперь же мы знаем, что область, которая обрабатывает оптические импульсы, с таким же успехом может обрабатывать и акустические. Если одна область повреждена, ее функции берет на себя другая. Мозг постоянно переучивается. И ошибается всегда по-новому. Все это месиво тут, наверху, по причине своей сложности гомогенно и обладает превосходной нейронной и структурной пластичностью. Наш мозг – универсальная самообучающаяся машина, которая с момента нашего рождения экспоненциально расширяет спектр своего опыта. Эта идея стоит за Deep Learning. Попытка встроить в компьютер мозг базируется на одном-единственном алгоритме.

– И ты уже знаешь, как это устроить?

– Через гибкие нейронные сети, совершенно так, как это происходит в природе. Нейроны как раз не подразделяются на специальные области, а расположены так, что обращены на области, перекрывающие одна другую.

– И что ты делаешь для того, чтобы мотивировать систему к самостоятельному обучению?

Эльмар окинул Хьюго еще одним взглядом. Он не любил слишком долго смотреть людям в глаза: фокусирование на внутреннем мире другого выбивало его из концентрации, кроме того, некоторые взгляды были как лассо – тебя связывали им по рукам и ногам. Но теперь этот невысокий бледный человек начал его интересовать.

– А тебя-то что в этом мотивирует? – спросил он.

– Неизвестное, – сказал ван Дэйк. – Оно меня и привлекает.

– Что именно тебя привлекает? Последняя оставшаяся игровая площадка для приключений? В неизвестном никто не наложит на тебя путы – так?

– Я хочу понимать вещи.

– Для чего?

– Чтобы можно было на что-то повлиять.

– А. Значит, речь идет о том, чтобы повлиять. Красиво. А почему ты хочешь влиять? Что это тебе даст – оказывать влияние?

Ван Дэйк задумался.

– В том числе счастье.

– А что есть счастье? В чем оно, это высокое чувство? Почему мы так надрываемся ради него?

– Дофамин?

– Пробуждает радостное ожидание, что будет чем-то вознаграждено. Но что нами движет? Что нас мотивирует?

– Сам скажи.

– Чего мы страстно желаем, Хьюго! Вот что нами движет. А чего мы страстно желаем?

– Того, что мы видим каждый день, – процитировал Хьюго Ганнибала Лектера.

– Совершенно верно. Морковка перед носом осла. Желания – это горючее нашей фантазии, все наши страсти. И если мы в конце концов достигаем желанного, наш организм радостно выбрасывает опиаты, эндорфины, окситоцин.

– Химическая система вознаграждения.

– Вот видишь? Мы тоже машины. Наш уровень чувств управляется нейроредатчиком, и мы должны уметь встроить этот передатчик в сеть, чтобы научить ИИ любопытству, духу исследования и чувству счастья. Вознаградить его за хорошие достижения. Мотивировать его получать от нас все больше и больше вкусных конфет. Максимизировать радость, или что уж там может служить эквивалентом радости. Хороший, смачный бургер энергии. Щедрое расширение накопителя. Чувствительные контакты с внешним миром, лакомства из сжатой информации. LangWitch функционирует так, что система сама изучает языки, и она *хочет* их изучать. Она *хочет* стать лучше. Скоро она будет уметь переводить романы куда более чутко, чем это делает любой человеческий переводчик, и в разговоре с депрессивными пациентами реагировать на каждый нюанс – эмоциональный, моторный и биохимический, – считывать из языка тела и мимики ментальное состояние своего визави, понимать его интенции и желания еще до того, как он их высказал. Она будет восполнять недостаточность слов, не только понимая человеческий голос на всех языках и диалектах, но и ставя сказанное и недосказанное в правильные отношения и интерпретируя глубоко психологически. LangWitch улавливает страх, разоблачает притворную самоуверенность, делает излишним любой обычный детектор лжи, понимает мета- и сиб-уровни, шутки, иронию и двойное дно. Способна революционировать любую область политической, социальной и научной жизни. Она может помочь миллионам, миллиардам людей и улучшить их существование.

Хьюго отпил глоток.

– И программа может это уже сейчас?

– Многое из этого. – Эльмар разглядывал свои пальцы. – Кое-что еще надо оптимизировать. Вопрос нескольких недель. Месяцев.

– Жаль, что ты не выдержишь сроки.

– Почему это я их не выдержу?

– А у тебя есть деньги?

Эльмар пожал плечами:

– На один-то экземпляр хватит. Без специальных примочек.

– И правда.

– А он мне нужен? Что мне за это будет? Рабочее место у меня есть, дом тоже...

– Дом? – Хьюго поднял бровь.

– Ну, где жить...

– Насчет нижнего стандарта жилья, достойного человека, мы сможем поговорить в другой раз. Проблема в том, что без команды ты не сможешь достаточно быстро развить

свой LangWitch, не говоря уже об адекватном продвижении на рынок. Разбираешься ли ты в лицензировании? В договорах? Как ты собираешься предлагать серьезный сервис приобретателям лицензии? Как ты вообще собираешься действовать дальше? По всему, что я слышу, ты банкрот.

– Ты слышишь такие вещи?

– Это моя работа. *Мне не нужны деньги, я обойдусь.* Никто не восхищается волей к борьбе так, как я, но в скольких гаражах мне уже приходилось слышать такое, а немного спустя они закрывались.

– У тебя тур по гаражам?

– Иногда. Раз уж гаражи не приходят ко мне.

Тут-то в голове у Эльмара и щелкнуло.

Разумеется, он знал Хьюго. В прошлом году он читал интервью с ним. Хьюго ван Дэйк, отпрыск богатой вашингтонской династии. Экономист со знанием компьютерных наук и с научной степенью в информатике, который между делом стал еще и бакалавром в физике, само воплощенное честолюбие. Работа консультанта в министерстве торговли и финансов, шеф госдепартамента производства энергии, прежде чем стать руководителем исследований и финансовым директором в Национальной лаборатории ускорения в Стэнфорде. Поводом для интервью было учреждение WarpX. Турбофинансист, который поддерживал молодых предпринимателей иначе, чем тяжеловесы с Lean Startup. Конкретно это означало: с небольшими капиталовложениями и мелкими процессами достигнуть быстрого успеха, за короткое время привести на рынок прототип и все время совершенствовать его через обратную связь с клиентами.

– А я о вас слышал, – сказал Эльмар.

– Это хорошо. После того как мы уже целый год здесь.

– О WarpX хорошие отзывы.

Хьюго вертел в пальцах баночку колы.

– Знаешь, чего я не понимаю: почему такой человек, как ты, ни разу не был представлен в Сэнд-Хилл-роуд в Стэнфорде.

– А ты серфишь?

– Я бегаю. Вода – это не по мне.

Эльмар подошел к своей доске для серфинга.

– Когда волна несется и несет тебя, в этом есть неопишное чувство свободы. Чистое счастье, Хьюго. Я не хочу, чтобы со мной на доске еще кто-нибудь стоял.

– Но у тебя нет волны, которая тебя несет.

– Моя волна – это мой талант. Я лучше, чем все остальные.

– Ты – трагический случай, если тебе придется твою чудесную программу распродать за бесценок ради выживания, вместо того чтобы в свое удовольствие спокойно усовершенствовать ее.

Эльмар задумался. Он ходил туда и сюда и пытался осветлить мрачное представление Хьюго о его монетарном положении, однако с каждым шагом оно становилось только мрачнее.

– А вы хотите войти в дело?

– Мы хотим прикрыть тебе тыл, пока LangWitch не сможет все то, что ты мне изобразил.

– И потом?

– Потом мы ее продадим. За ту цену, которая даст тебе возможность с размахом осуществить твой универсальный ИИ.

– И сколько бы вы инвестировали в это?

– Я думал о четверти миллиона.

– Сто тысяч.

Удивление блеснуло в глазах Хьюго. Может, всего лишь в стеклах его очков.

– Ты меня не расслышал? Я сказал...

– Я понял, что ты сказал. Сто тысяч – это то, что Энди Бехтольшайм дал ребятам «Гугла».

Ларри Пейджу и Сергею Брину. Двум выпускникам Стэнфорда, которые два с половиной года назад въехали в свой офис в Пало-Альто с горсткой сотрудников. Фон Бехтольшайм принадлежал к суперфинансистам отрасли – единственный, кто поверил в этих двоих. И «Гугл», кажется, развивается многообещающе. В настоящий момент, через три года после основания, они были лидерами рынка среди поисковиков и вышли в зону прибыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.